

русский
язык
На

МАКСИМ
КРОНГАУЗ

Новое
дополненное
издание

Corpus

Грамматика
и
лексика

Максим Кронгауз

**Русский язык на
границе нервного срыва**

«Corpus (ACT)»

2011

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

Кронгауз М. А.

Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз —
«Corpus (АСТ)», 2011

ISBN 978-5-17-100624-2

Мир вокруг нас стремительно меняется, и язык меняется вместе с ним. Кто из нас не использует новые слова и кто в то же время не морщится, замечая их в речи собеседника? Заимствования, жаргонизмы, брань – без чего уже не обойтись – бесят нас и, главное, дают повод для постоянного брюзжания. Кто не любит порассуждать о порче языка, а после сытного обеда даже и о гибели? Профессор К., претерпев простительное в наше время раздвоение личности и попеременно занимая позицию то раздраженного обывателя, то хладнокровного лингвиста, энергично вступает в разговор. Читать его следует спокойно, сдерживая эмоции. Прочтя, решительно отбросить книгу и ответить на главный вопрос. Кто же – русский язык или мы сами – находится на грани нервного срыва?

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-17-100624-2

© Кронгауз М. А., 2011
© Corpus (АСТ), 2011

Содержание

Предисловие к новому изданию	7
Предисловие к третьему изданию	8
Заметки просвещенного обывателя	9
Надоело быть лингвистом	9
Мы тоже эскимосы	11
Случаи из жизни	12
Я, в принципе, не против...	15
Проклятые вопросы	16
Ключевые слова эпохи	17
Курс молодого словца	18
Разговор по понятиям	21
Сделайте мне элитно!	24
Самое правильное слово	27
Невыносимая недоопределенность бытия	30
О чем говорят паразиты	32
Профессиональная конкуренция	34
Риэлторы-шмиэлторы и вопросы языкознания	36
Не кочегары мы, не плотники	38
Задать пиару!	40
Просто я работаю волшебником	42
Недетские игры	44
Украли слово!	46
Монегаски любят зорбинг	49
Кто в доме хозяин	51
Улучшайзинг под контроллингом	53
Новелизируй это	55
Семейные ценности	57
Шароварщики, уберсексуалы, трендсеттеры и другие породы людей	59
Выборы без слов	61
Герои и антигерои	64
Глупые числа – 1234...	68
Пункт приема потерянных слов	71
Поговорим об этом вместе	74
Две стороны каталожной карточки	78
Короткая память	80
Пять – тринадцать – сорок три, это ты?	84
Спасатели слов	87
Во власти слов	90
Разделенные одним языком	93
Ни господа, ни товарищи...	94
Просто Мария	96
Спокойной ночи и удачи!	98
Из Европы – с приветом!	100
Чрезмерная вежливость	102
Этикет	104

Основной инстинкт	106
Коллективное остроумие	108
И целого мира мало	110
Горе от кутюр	112
Ирония по инерции	114
Но поражения от победы ты сам не должен отличать	118
Искусство недопонимания	120
А смысл?	123
Поле брани	128
Блинная тема	131
Любить по-русски[35]	132
Лексикографический невроз, или Словарь как способ поговорить	138
Несчастный случай для одинокой домохозяйки	146
Правка языка	158
О букве и русском духе	159
Жить по “Правилам”, или Право на старописание	161
Монументальное языковедение	166
Средний род как подавленное либидо	168
Размер имеет значение	170
Опечатки с моралью	172
Родная речь как юридическая проблема	174
Осторожно: лингвистическая экспертиза!	178
Какой национальности лицо?	183
Внешняя лингвистическая политика	185
Слово вне закона	188
Краткий курс новояза[53]	191
Послесловие	199
Вкладка	200

Максим Кронгауз
Русский язык на грани нервного срыва

М. Кронгауз, 2007, 2011

© ООО “Издательство Аст”, 2017

Издательство CORPUS ®

* * *

Предисловие к новому изданию

В 2007 году вышла моя книга “Русский язык на грани нервного срыва”. В 2012 году, увеличившись почти вдвое, она вышла под названием “Русский язык на грани нервного срыва. 3D”. Под обоими названиями она пережила несколько переизданий (стереотипных или исправленных). За это время она сильно отделилась от меня и стала довольно самостоятельной. И вот в 2016-м решила поменять обложку. Пытаясь сохранить хоть какое-то влияние на книгу, я решил добавить один новый текст, написанный в 2015 году. Он был опубликован в журнале “Вопросы литературы”, а потом должен был войти в книгу “Слово за слово: о языке и не только”, но тут с ним, а заодно и со мной приключилась странная история. В предисловии к “Слову” я рассказал о своем первом столкновении с цензурой в советское время и сделал это в духе анекдота, то есть смешной байки о прошлом, которая никакого отношения к сегодняшнему дню не имеет и иметь не может. И, естественно, был наказан.

Незадолго перед отправкой рукописи в типографию мне пришло письмо из издательства, в котором сообщалось, что “по соображениям корпоративной этики редакция вынуждена изъять из рукописи главы ‘На фоне Путина’ и ‘Краткий курс новояза’, так как не считает возможным издавать под брендом РАНХиГС при Президенте РФ эти фрагменты”. На мое удивление и недовольство я получил ответ главного редактора издательского дома “Дело” В. Анашвили: “Это не ‘главы’ книги, а разрозненные статьи. Причем не имеющие уникального статуса, а опубликованные ранее. Без них сборник, на мой взгляд, нисколько не потеряет”.

Очевидно, что так можно было сказать о любой главе, но на одной чаше весов было два текста, а на другой около пятидесяти, и я решил не отказываться от издания готовой книги.

Один из двух “изъятых” текстов, связанный с русским языком, я и хочу предложить вниманию читателей нового издания “Русского языка на грани нервного срыва”. Он, правда, великоват для книги и поэтому помещен в самый ее конец. “Краткий курс новояза” рассказывает об истории понятия “новояз” и о том, что происходит с русским языком в 2010-е годы. Он несколько менее оптимистичен, чем вся книга, но ведь и написан в другое время.

Есть еще одно важное изменение. В предыдущем издании к книге был приложен диск с моими видеолекциями. Сейчас в нем нет никакого смысла: лекции легко найти в интернете. А поскольку диск был одной из причин добавления к названию сокращения “3D”, то вместе с диском исчезло и оно. И книга вернулась к первоначальному названию “Русский язык на грани нервного срыва”. При этом, отдавая дань традиции, я полностью сохранил старое предисловие.

В заключение я хотел сказать спасибо своей книге за то, что она прожила столько лет и продолжает возрождаться под разными обложками, но понял, что лучше все-таки поблагодарить читателей, которые продолжают держать ее в руках, листать страницы, смотреть на слова. И тут же вспомнил “Просьбу” Марка Фрейдкина, с чьей последней строфой согласится любой автор:

Чтобы в небесах распускались птички,
чтобы щебетали в садах цветочки,
чтобы чуть живые мои странички
кто-то пролистал до последней точки.

Предисловие к третьему изданию

В конце 2007 года вышла моя книга “Русский язык на грани нервного срыва”. Она выдержала два издания, второе было стереотипным. И когда пришло время для третьего, оказалось, что оно будет, как принято писать, “исправленным и дополненным”, причем дополнений так много, что фактически можно говорить о новой книге.

И тут я вспомнил, что самый частый вопрос, который мне задавали в связи с “Русским языком на грани нервного срыва”, был таков: “Почему вы так назвали свою книгу?”

Отчасти я написал об этом в послесловии (см. Послесловие), но про то, что это перифраза названия фильма Педро Альмодовара “Женщины на грани нервного срыва”, сказал как-то невнятно и где-то в середине книги (считая, что это и так всем известно), в общем, четкого и полного ответа не дал. А раз так, пришлось снова и снова отвечать на этот вопрос. И теперь я точно знаю, что прежде, чем начать что-то писать, надо понятно объяснить, почему оно так называется.

Книга называется “Русский язык на грани нервного срыва. 3D”, потому что, с одной стороны, она полностью включает в себя книгу “Русский язык на грани нервного срыва” (с исправлениями) и ее можно рассматривать как 3-е Дополненное издание. С другой стороны, у этой книги есть свои три D, которые придают ей новое измерение и новый объем. Это упомянутая выше Дополненность, в том числе новыми главами, в результате чего книга стала примерно в два раза толще. Это Два взгляда на язык, плохо совместимых, но тем не менее постоянно присутствующих в тексте. Наконец, это Диск с видеозаписью моих публичных лекций. Здесь уместно поблагодарить сайты polit.ru, snob.ru и nkj.ru, на которых эти лекции были выложены, за предоставленные записи и разрешение использовать их.

А раз уж речь зашла о благодарности, то я хочу поблагодарить Машу Бурас. Во-первых, потому что без нее этой книги не было бы. Во-вторых, потому что глава “Любить по-русски” была написана нами совместно как статья.

Однако вернусь к названию. В нем используются три очень популярных приема, над которыми я в меру сил и интеллекта издеваюсь в тексте, но удержаться и сам не могу. Зараза, к сожалению, заразна (“что лечу, тем болею”, говорит мой знакомый доктор). Первый – это искажение известного выражения (в данном случае – названия фильма). Второй – использование латинских букв в русском тексте. Третий – девальвация смысла, потому что, задумаемся, что, в сущности, добавляет “3D” к названию любого фильма? Объем? Новые ощущения? Новое видение мира? Надежду на то, что для просмотра (прочтения) выдадут очки? Или...

Ну, в общем, – очков не будет. И давайте перейдем к делу.

Заметки просвещенного обывателя

...Ошибки одного поколения становятся признанным стилем и грамматикой для следующих.

Исаак Башевис Зингер

Слаб современный язык для выражения всей грациозности ваших мыслей.

Александр Николаевич Островский

Надоело быть лингвистом

Я никак не мог понять, почему эта книга дается мне с таким трудом. Казалось бы, более десяти лет я регулярно пишу о современном состоянии русского языка, выступая, как бы это помягче сказать, с позиции просвещенного лингвиста¹.

В этот же раз откровенно ничего не получалось, пока, наконец, я не понял, что просто не хочу писать, потому что не хочу снова вставать в позицию просвещенного лингвиста и объяснять, что русскому языку особые беды не грозят. Не потому, что эта позиция неправильная. Она правильная, но она не учитывает меня же самого как конкретного человека, для которого русский язык родной. А у этого конкретного человека имеются свои вкусы и свои предпочтения, а также, безусловно, свои болевые точки. Отношение к родному языку не может быть только профессиональным просто потому, что язык – это часть нас всех, и то, что происходит в нем и с ним, задевает нас лично, в том числе и меня².

Чтобы наглядно объяснить разницу между позициями лингвиста и обычного носителя языка, достаточно привести один пример. Как лингвист я с большим интересом отношусь к русскому мату, считаю его интересным культурным явлением, которое нужно изучать и описывать. Кроме того, я уверен, что искоренить русский мат невозможно ни мягкими просветительскими мерами (то есть внедрением культуры в массы), ни жесткими законодательными. А вот как человек я почему-то очень не люблю, когда рядом ругаются матом. Я готов даже признать, что реакция эта, возможно, не самая типичная, но уж как есть. Таким образом, как просвещенный лингвист я мат не то чтобы поддерживаю, но отношусь к нему с интересом, пусть исследовательским, и с определенным почтением как к яркому языковому и культурному явлению, а вот как обыватель, чего уж там, мат не люблю и, грубо говоря, не уважаю. Вот такая получается диалектика.

Следует сразу сказать, что, называя себя обывателем, я не имею в виду ничего дурного. Я называю себя так просто потому, что защищаю свои личные взгляды, вкусы, привычки и интересы. При этом у меня, безусловно, есть два положительных свойства, которыми, к сожалению, не всякий обыватель обладает. Во-первых, я не агрессивен (я – не воинствующий обыватель), что в данном конкретном случае означает следующее: я не стремлюсь запретить все, что мне не нравится, я просто хочу иметь возможность выражать свое отношение, в том числе

¹ Если коротко, эта позиция заключается в том, что для русского языка не страшны ни поток заимствований и жаргонизмов, ни вообще те большие и, главное, быстрые изменения, которые в нем происходят. Русский язык “переварит” все это, что-то сохранив, что-то отбросив, выработает, наконец, новые нормы, и на место хаоса придет стабильность. Кроме того, даже в хаосе можно найти положительные стороны, поскольку в нем ярко реализуются творческие возможности языка, не сдерживаемые строгими нормами.

² Точнее всего об этом сказал Николай Глазков: Я на мир взираю из-под столика: Век двадцатый, век необычайный. Чем он интересней для историка, Тем для современника печальней. Если развить его мысль, то хватит уже быть историком, пора залезать под стол.

и отрицательное, не имея в виду никаких дальнейших репрессий или даже просто законов. Во-вторых, я – образованный обыватель, или, если еще снизить пафос, грамотный, то есть владею литературным языком, его нормами и уважаю их. А если, наоборот, пафосу добавить, то получится, что я своего рода просвещенный обыватель.

Вообще, как любой обыватель я больше всего ценю спокойствие и постоянство. А резких и быстрых изменений, наоборот, боюсь и не люблю. Но так уж выпало мне – жить в эпоху больших изменений. Прежде всего, конечно, меняется окружающий мир, но брюзжать по этому поводу как-то неприлично (тем более что есть и приятные изменения), а кроме того, все-таки темой книги является язык. Может ли язык оставаться неизменным, когда вокруг меняется все: общество, психология, техника, политика?

Мы тоже эскимосы

Как-то роюсь в интернете, на сайте *lenta.ru* я нашел статью об эскимосах, часть которой я процитирую³:

Глобальное потепление сделало жизнь эскимосов такой богатой, что у них не хватает слов в языке, чтобы давать названия животным, переселяющимся в полярные области земного шара. В местном языке просто нет аналогов для обозначения разновидностей, которые характерны для более южных климатических поясов.

Однако вместе с потеплением флора и фауна таежной зоны смещается к северу, тайга начинает теснить тундру, и эскимосам приходится теперь ломать голову, как называть лосей, малиненок, шмелей, лосося, домовых сычей и прочую живность, осваивающую заполярные области.

Как заявила в интервью агентству Reuters председатель Эскимосской Полярной конференции Шейла Уотт-Клутье, чья организация представляет интересы около 155 тысяч человек, “эскимосы даже не могут сейчас объяснить, что они видят в природе”. Местные охотники часто встречают незнакомых животных, но затрудняются рассказать, так как не знают их названия.

В арктической части Европы вместе с распространением березовых лесов появились олени, лоси и даже домовые сычи. “Я знаю приблизительно 1 200 слов для обозначения северного оленя, которых мы различаем по возрасту, полу, окрасу, форме и размеру рогов, – цитирует Reuters скотовода саами из северной Норвегии. – Однако лося у нас называют одним словом “елг”, но я всегда думал, что это мифическое существо”⁴.

Эта заметка, в общем-то, не нуждается ни в каком комментарии, настолько все очевидно. Все мы немного эскимосы, а может быть, даже и много. Мир вокруг нас (не важно, эскимосов или русских) меняется. Язык, который существует в меняющемся мире и не меняется сам, перестает выполнять свою функцию. Мы не сможем говорить на нем об этом мире, просто потому что у нас не хватит слов. И не так уж важно, идет ли речь о домовых сычах, новых технологиях или новых политических и экономических реалиях.

Итак, объективно все правильно, язык должен меняться, и он меняется. Более того, запаздывание изменений приносит обывателям значительное неудобство, так, “эскимосы даже не могут сейчас объяснить, что они видят в природе”. Но и очень быстрые изменения могут мешать и раздражать. Что же конкретно мешает мне и раздражает меня?

³ Некоторые странности статьи, посвященной эскимосам, но почему-то вдруг рассказывающей о саами, оставим на совести авторов. Да и в 1200 слов для северного оленя верится с трудом. Но в данном случае точность не так уж важна.

⁴ Про мифическое существо сказано настолько хорошо, что хочется поискать аналогии и в нашей жизни. И они находятся в самых разных ее областях. Ну ведь правда, еще в 1984 году казалось, что слова *путч*, *цунами* или, прошу прощения, *стриптиз* к нашей действительности отношения не имеют, а и они, и многие другие так или иначе вошли в нее.

Случаи из жизни

Легче всего начать с реальных случаев, а потом уж, если получится, обобщить их и поднять на принципиальную высоту. Конечно, все эти ситуации вызывают у меня разные чувства – раздражение, смущение, недоумение. Я хочу привести примеры, вызвавшие у меня разной степени языковой шок, и потому запомнившиеся.

Случай первый

На одном из семинаров мы беседуем со студентами, и один вполне воспитанный юноша в ответ на какой-то вопрос произносит: “Ну, это же, как ее, блин, интродукция”. Он, конечно, не имеет при этом в виду обидеть окружающих и вообще не имеет в виду ничего дурного, но я вздрагиваю. Просто я не люблю слово *блин*. Естественно, только в его новом употреблении как междометия, когда оно используется в качестве замены сходного по звучанию матерного слова. Точно так же я вздрогнул, когда его произнес актер Евгений Миронов при вручении ему какой-то премии (кажется, за роль князя Мышкина). Объяснить свою неприязненную реакцию я, вообще говоря, не могу. Могу только сказать, что считаю это слово вульгарным (замечу, более вульгарным, чем соответствующее матерное слово), хотя подтвердить свое мнение мне нечем, в словарях его нет, грамматики его никак не комментируют. Но когда это слово публично произносят воспитанные и интеллигентные люди, от неожиданности я все еще вздрагиваю.

Случай второй

Тут я не одинок, тут я вместе со своей страной периодически вздрагиваю от слов наших политиков.

Вообще-то мы не очень запоминаем то, что говорят политики, наши президенты в частности. Если порыться в памяти, то в ней хранятся сплошные анекдоты. От Горбачева, например, остались глагол *начать* с ударением на первом слоге, слово *консенсус*, исчезнувшее вскоре после завершения его президентства, и странное выражение *процесс пошел*. От Ельцина остались *загогулина* и *не так сели*, связанные с конкретными ситуациями, да словцо *понимаешь*. А главной фразой Путина, по-видимому, навсегда останется – *мочить в сортире*. Рекомендация сделать обрезание, данная на пресс-конференции западному журналисту, все-таки оказалась менее выразительной, хотя тоже запомнилась. Как и в случае с Ельциным, запомнились фразы в каком-то смысле неадекватные, не соответствующие даже не самой ситуации, а статусу участников коммуникации, прежде всего статусу самого президента. Если говорить проще, президент страны не должен произносить таких фраз. В отличие от “бушизмов”, которые так любят американцы, то есть нелепостей, произнесенных Бушем, Путин произносит более чем осмысленные фразы и даже соответствующий стиль выбирает, по-видимому, вполне сознательно. Впрочем, примеры с Путиным, конечно же, не уникальны. Они в значительной степени напоминают хрущевскую *Кузькину мать* – не только саму фразу, но и всю ситуацию, естественно.

Случай третий

После долгого отсутствия в России я бреду с дочерью по Даниловскому рынку в поисках мяса и натыкаюсь на броскую вывеску-плакат, этакую растяжку над прилавком: “Эксклюзивная баранина”.

- Совсем с ума посходили, – громко и непедагогично говорю я.
- А что тебе, собственно, не нравится, папа? – удивляется моя взрослая дочь.
- Да нет, нет, – успокаиваю я то ли ее, то ли себя. – Так, померещилось.

Естественно, что, позднее увидев в объявлении о продаже машины фразу: “Машина находится в эксклюзивном виде”, я уже не выказал никаких особенных эмоций. Сказался полученный языковой опыт.

Похожую эволюцию прошло и слово *элитный*. От *элитных сортов пшеницы* и *элитных щенков* мы пришли к следующему объявлению (из электронной рассылки): “Элитные семинары по умеренным ценам”.

Если говорить совсем просто, то мне не нравится, что некоторые вполне известные мне слова так быстро меняют значения.

Случай четвертый

Не люблю, когда я не понимаю отдельных слов в тексте или в чьей-то речи. Даже если я понимаю, что это слово из английского языка, и могу вспомнить, что оно там значит, меня это раздражает. Позавчера я споткнулся на *стриптейсерах*, вчера – на *трендсеттерах*, сегодня – на *дауншифтерах*, и я точно знаю, что завтра будет только хуже.

К заимствованиям быстро привыкаешь, и уже сейчас трудно представить себе русский язык без слова *компьютер* или даже без слова *пиар* (хотя многие его и недолюбливают). Я, например, давно привык к слову *менеджер*, но вот никак не могу разобраться во всех этих *сейлзменеджерах*, *акаунтменеджерах* и им подобных. Я понимаю, что без “специалиста по недвижимости” или “специалиста по порождению идей” не обойтись, но ужасно раздражает, что одновременно существуют *риэлтор*, *риелтор*, *риэлтер* и *риелтер*, а также *криэйтор*, *криейтор* и *креатор*. А лингвисты при этом либо просто не успевают советовать, либо дают взаимоисключающие рекомендации.

Когда-то я с легкой иронией относился к эмигрантам, приезжающим в Россию и не понимающим некоторых важных слов, того же *пиара*, скажем. И вот теперь я сам, даже никуда не уезжая, обнаружил, что некоторые слова я не то чтобы совсем не понимаю, но понимаю их только потому, что знаю иностранные языки, прежде всего английский.

Мне, например, стало трудно читать спортивные газеты (почему-то спортивные журналисты особенно не любят переводить с английского на русский, а предпочитают сразу заимствовать). В репортажах о боксе появились загадочные *панчеры* и *крузеры*, в репортажах о футболе – *дерби*, *легионеры*, *монегаски* и *манкуннианцы*⁵. Да что говорить, я перестал понимать, о каких видах спорта идет речь. Я не знал, что такое *кёрлинг*, *кайтинг* или *банджи-джампинг* (теперь знаю). Окончательно добил меня хоккейный репортаж, в котором было сказано о канадском хоккеисте, забившем гол и сделавшем две *ассистенции*. Поняв, что речь идет о голевых пасах (или передачах), я, во-первых, поразился возможностям языка, а во-вторых, разозлился на журналиста, которому то ли лень было перевести слово, то ли, как говорится, “западло”. Потом я, правда, сообразил, что был не вполне прав не только по отношению к эмигрантам, но и к спортивному журналисту. Ведь глагол *ассистировать* (в значении “делать голевой пас”), да и слово *ассистент* в соответствующем значении уже стали частью русской спортивной терминологии. Так чем хуже *ассистенция*? Но правды ради должен сказать, что более я этого слова не встречал.

Случай пятый

Во время сессии ко мне пришли две студентки, не получившие зачет, и сказали: “Мы же реально готовились”. Тогда не поставлю, – ответил я, поддавшись эмоциям. Я люблю своих студентов, но некоторые их слова меня реально раздражают. Вот краткий список: *блин* (см.

⁵ Последние столь загадочны, что хочется сразу объяснить, кто это. Однако, чтобы сохранить интригу, делать этого не буду. Всему свое время.

выше), *в шоке, вау, по жизни*, ну и само *реально*, естественно. Дорогие студенты, будьте внимательны, не употребляйте их в сессию.

Я, в принципе, не против...

Пожалуй, этих примеров более чем достаточно (на самом деле таких ситуаций было намного больше). Думаю, что почти у каждого, кто обращает внимание на язык, найдутся претензии к сегодняшнему его состоянию, может быть, похожие, может быть, какие-то другие (вкусы ведь у нас у всех разные, в том числе и языковые).

Итак, как же все-таки сформулировать эту самую мою обывательскую позицию и суть моих претензий?

Я, в принципе, не против сленга (и других жаргонов). Я просто хочу понимать, где граница между ним и литературным языком. Ну я-то это понимаю, потому что раньше, когда я еще только овладевал языком, сленг и литературный язык “жили” в разных местах. А вот, как говорится, “нонешнее” поколение, то есть люди до тридцати, не всегда могут их различить и, например, не понимают языковой игры, основанной на смешении стилей, которая так характерна для русской литературы.

Я, в принципе, не против брани. То есть если мне сейчас дать в руки волшебную палочку и сказать, что одним взмахом я могу ликвидировать брань в русском языке или, по крайней мере, русский мат, я этого не сделаю. Просто испугаюсь. Ведь ни один язык не обходится без так называемой обсценной лексики: значит, это кому-то нужно. Другое дело, что чем грубее и оскорбительнее брань, тем жестче ограничения на ее употребление. То, что можно (скорее, нужно) в армии, нельзя при детях, что можно в мужской компании, нельзя при дамах, ну и так далее. Поэтому, например, мат с экрана телевизора свидетельствует не о свободе, а о недостатке культуры или просто о невоспитанности.

Я, в принципе, не против заимствований, я только хочу, чтобы русский язык успевал их осваивать, я хочу знать, где в этих словах ставить ударение и как их правильно писать.

Я, в принципе, не против языковой свободы, она способствует творчеству и делает речь более выразительной. Мне не нравится языковой хаос (который вообще-то является ее обратной стороной), когда уже не понимаешь, игра это или безграмотность, выразительность или грубость.

Кроме сказанного, у меня есть одно важное желание и одно, так сказать, нежелание.

Главное мое желание состоит в том, что я хочу понимать тексты на русском языке, то есть знать слова, которые в них используются, и понимать значения этих слов. Грубо говоря, я не хочу проснуться как-то утром и узнать, что, ну, для примера, слово *стул* модно теперь употреблять совсем в другом смысле. Увы, но пока при чтении сегодняшних текстов я часто использую стратегию неполного понимания, то есть стараюсь уловить главное, заранее смиряясь с тем, что что-то останется непонятным. Что же касается “нежелания”, то о нем чуть дальше.

Проклятые вопросы

Ну вот, высказался, и вроде полегче стало. Другое дело, что читатель, дочитав до этого места, может спросить, кто во всем этом безобразии виноват и что именно я предлагаю. Здесь, если быть последовательным, можно ответить, что как обыватель я ведь ничего конструктивного предлагать и не должен. Не мое это дело.

Но можно поступить иначе и выпустить на свободу временно подавленного во мне лингвиста. И пусть поговорит о сегодняшнем русском языке. И лучше не в жанре “давайте говорить правильно” (как чаще всего бывает на радио и телевидении) или, по крайней мере, не только в нем, а, скорее, в жанре наблюдений над тем, как мы говорим на самом деле, что, как ни удивительно, интересно очень и очень многим.

В России, в любой ситуации сразу задавая главные вопросы “Кто виноват?” и “Что делать?”, часто забывают поинтересоваться: “А что, собственно, случилось?” А случилась гигантская перестройка (слово горбачевской эпохи сюда, безусловно, подходит) языка под влиянием сложнейших социальных, технологических и даже природных изменений. Выживает тот, кто успевает приспособиться. Русский язык успел, хотя для этого ему пришлось сильно измениться. Как и всем нам. К сожалению, он уже никогда не будет таким, как прежде. Но, как сказал, Исаак Башевис Зингер, “ошибки одного поколения становятся признанным стилем и грамматикой для следующих”. И дай-то бог, чтобы из наших ошибок вышла какая-нибудь грамматика. И мне, раздраженному обывателю, надо будет с этим смириться, а может, даже этим и гордиться.

В любом случае у живших в эпоху больших перемен есть одно очевидное преимущество. Им есть что вспомнить.

Ключевые слова эпохи

Появление новых слов или новых значений у старых слов означает, что мир вокруг нас изменился. В нем либо появилось что-то новое, либо что-то существовавшее стало важным настолько, что язык (а в действительности мы сами) создает для него имя. В последнее время в русском языке появилось столько новых слов, что лингвисты не успевают следить за ними и издавать обновленные словари, а обычные люди часто просто не понимают, о чем идет речь.

Слова появляются по отдельности, группами, а иногда очень большими группами. Последнее – самое интересное, поскольку речь в этом случае идет о значительном изменении среды, о некоей волне изменений, накрывающей наше общество. Можно отметить, по крайней мере, несколько таких больших волн, возникших на рубеже веков, а возможно, продолжающихся и дальше.

После перестройки мы пережили минимум три словесных волны: бандитскую, профессиональную и гламурную, а в действительности прожили три важнейших одноименных периода, три, если хотите, моды, разглядеть которые позволяет наш родной язык. Про эти периоды можно философствовать бесконечно, можно снимать фильмы или писать романы, а можно просто произнести те самые слова, и за ними встанет целая эпоха. Это тоже философия, но философия языка. Глупо говорить о его засоренности, глупо вообще пенять на язык, коли жизнь у нас такая. И надо быть терпимее и помнить, что слова суть отражения.

Курс молодого словца

Самое заметное из изменений, происходящих в языке, – это появление новых слов и – чуть менее яркое – появление новых значений. Новое слово попробуй не заметить! Об него, как я уже говорил, сразу спотыкается взгляд, оно просто мешает понимать текст и требует объяснений, и вместе с тем в новых словах часто скрыта какая-то особая привлекательность, обаяние чего-то тайного, чужого. А вот откуда в языке появляются новые слова и новые значения?

Принято считать, что русский язык, если ему не хватает какого-то важного слова, просто одалживает его у другого языка, прежде всего у английского. Ну, например, в области компьютеров и интернета, казалось бы, только так и происходит. Слова *компьютер*, *монитор*, *принтер*, *процессор*, *сайт*, *блог* и многие другие заимствованы из английского. Однако это – заблуждение, точнее говоря, дело обстоит не совсем так. Это можно показать на примере своего рода IT-зверинца⁶. Названия трех животных – *мышь*, *собачка* (а теперь и *собака*) и *хомяк* – приобрели новые, “компьютерные” значения, причем совершенно разными путями.

Ну, с *мышью* все понятно, это значение всем хорошо известно и уже зафиксировано в словарях (“специальное устройство, позволяющее управлять курсором и вводить разного рода команды”). В русском языке это так называемая калька с английского: то есть новое значение появилось у соответствующего названия животного именно в английском языке, а русский просто добавил его к значениям слова *мышь*. Компьютерная мышь вначале была действительно похожа на обычную, и по форме, и по хвостику-проводу, и по тому, как бегала по коврику. Сейчас компьютерные мыши довольно сильно удалились от прототипа, но значение уже прочно закрепилось в языке.

А вот *собачку* в качестве названия для @, значка электронной почты, придумал сам русский язык (точнее, неизвестный автор или, как в таких случаях говорят, народ). Опять же подобрал нечто похожее, изобрел новую метафору, хотя, надо сказать, сходство с собачкой весьма сомнительно. Я сначала не мог ответить на вопрос, который часто задают иностранцы, – почему именно собака, а потом придумал будку с собакой на длинной цепи, и это почему-то помогает, создает некий образ. Иностранцы поначалу недоумевают, но потом обреченно принимают странную русскую метафору. Вообще, многие языки называют этот значок именем животного: итальянский видит здесь улитку, немецкий – обезьянку, финский – кошку, китайский – мышку, в других языках мелькают хоботы и свинячьи хвосты. А собачку заметили только мы, такой вот особый русский взгляд.

Совершенно другим, но тоже особым путем пошли французы (правда, вместе с испанцами и португальцами), которые удивительным образом демонстрируют возможности сегодняшнего государственного регулирования языка. Приведу фрагмент информационной заметки в интернете по этому поводу:

Генеральный комитет Франции по терминологии официально одобрил несколько неологизмов, связанных с интернетом, и официально включил их в состав французского языка, сообщает Компюлента. Новые слова введены вместо англоязычных заимствований и призваны сохранить чистоту французского языка. Теперь использование новых слов на французских сайтах и в прессе является предпочтительным по отношению к английским терминам или их переводам.

Наиболее интересным является новое французское название для символа “@” – обязательного элемента любого адреса электронной почты. По-английски этот символ обычно читается как “at”, а по-русски его называют “собакой”. Французы же отныне обязаны читать этот

⁶ Или, говоря по-русски, информационно-технологического зверинца.

символ как *arobase*. Это название происходит от старинной испанской и португальской меры *arrobe*, которая в свое время обозначалась именно обведенной в круг буквой “а”. Ее название, в свою очередь, происходит от арабского “ар-руб”, что означает “четверть”⁷.

И далее:

Интересно, что пять лет назад Генеральному комитету по терминологии не удалось добиться замены англоязычного термина *e-mail* на французское слово *mél*.

Как показывает последнее замечание, у государственного регулирования (даже французского) есть определенные границы, но и то, что произошло с символом электронной почты, впечатляет. Представить себе, что, скажем, наша Академия наук постановила называть этот значок так-то и так-то, а русский народ это покорно выполнил, довольно трудно.

Наконец, третье слово – *хомяк* – предлагает третий способ появления значения, правда, не в литературном языке, а, скорее, в интернет-жаргоне. В этом случае происходит как бы заимствование иноязычного выражения (*home page*), а его звуковой облик, отчасти искажаясь, сближается с уже существующим русским словом. То есть берется самое похожее по звучанию русское слово, и ему присваивается новое значение. Это не вполне заимствование, хотя влияние английского языка очевидно. Важно, что никакой связи со значением слова *хомяк* не существует, а есть только связь по звучанию. Фактически речь идет об особой языковой игре, похожей на каламбур. Эта игра оказалась чрезвычайно увлекательной, и в результате постоянно возникают все новые и новые жаргонизмы. Самые известные среди них связаны с электронной почтой: *мыло* (собственно электронная почта, или соответствующий адрес) и *емелить* (от личного имени Емеля; посылать электронную почту). Появление этих слов вызвано исключительно фонетическим сходством с английским *e-mail*. Довольно часто происходит, как и в случае с Емелей, сближение с личными именами: *аська* (англ. *ICQ*) или *клава* (от *клавиатура*).

Такая игра случается и за пределами компьютерной области. В речи продавцов одежды, а затем и покупателей, какое-то время назад стали встречаться слова *элечка* (вариант – *элочка*) и *эмочка*, на звуковом уровне совпадающие с ласкательными именами собственными. Это разговорные обозначения размеров одежды *L* и *M*. По-видимому, существует, хотя и встречается значительно реже, слово *эсочка* (для *S*). С большой вероятностью именно совпадение с существующими именами собственными способствовало появлению таких уменьшительных вариантов слов. Сравнительно недавно появилось, хотя и не стало очень употребительным, слово *юрики*, обозначающее новую европейскую валюту – *евро* – и восходящее к английскому произношению.

Распространена эта фонетическая игра и среди любителей машин. Так образуются разговорные названия как автомобильных марок, так и отдельных моделей. Мерседес уже давно называют *мерином*, здесь, правда, суть дела не исчерпывается только фонетическим сходством, но об этом чуть позже. На форумах автомобилистов в интернете мне встречалось слово *поджарый*, которое я не сразу сопоставил с моделью *Pajero Mitsubishi*. Более пристальный поиск показал, что Пежо на форумах автомобилистов иногда называют *пыжиком*, а Ауди – *авдюхой* и – уж, кажется, совсем неуважительно – *авоськой*.

Обилие примеров показывает, что это уже не случайная игра, а нормальный рабочий механизм, характерный для русского языка, точнее, для его жаргонов. Более того, он демонстрирует две очень яркие черты русского языка, и хотя бы поэтому не стоит относиться к этим словам с пренебрежением (“фу, какие нелепые словечки!”).

⁷ В этой заметке допущена ошибка. Испанская и португальская мера веса и объема на самом деле пишется иначе: *arroba*.

Во-первых, это прекрасное подтверждение творческого характера русского языка в целом, а не только отдельных его представителей – писателей, журналистов и деятелей интернета. Эта “креативность”, по существу, встроена в русскую грамматику, то есть доступна всем. Как говорится, пользуйся – не хочу. Справедливости ради скажем, что некоторые пуристы этим никогда не пользуются.

Во-вторых, из всего сказанного видно, что опасность гибели русского языка от потока заимствований сильно преувеличена. У него есть очень мощные защитные ресурсы. И состоят они не в отторжении заимствований, а в их скорейшем освоении. Если посмотреть на последние примеры, можно сказать даже об особом “одомашнивании” отдельных приглянувшихся иностранных слов.

Впрочем, не надо думать, что такой способ образования новых слов появился совсем недавно и что он используется только при заимствовании. Так, например, москвичи уже давно “одомашнивают” и “одушевляют” бездушные названия маршрутов общественного транспорта: отсюда знаменитая *Аннушка* – трамвай маршрута “А” – и менее известная *букашка* – название троллейбуса “Б”.

Разговор по понятиям

Впоследнее время почти любая беседа о русском языке сводится к разговору о его порче. Спор об этом ведется, как правило, скорее на эмоциональном уровне, но все же существуют несколько постоянных аргументов. И в качестве одного из главных приводится появление в языке большого числа “бандитских” слов. Для солидности даже говорят о “криминализации” языка. Борцы за чистоту речи требуют чистки лексикона, запрета жаргонов, в первую очередь, конечно, бандитского, и прочих карательных мер. Очевидно, что с самим фактом частого употребления в речи таких новых (и старых, но в новых значениях) слов, как *беспредел*, *отморозок*, *наезд*, *крыша*, *стрелка*, *кинуть* и т. д., не поспоришь. Но вот говорить о порче языка, мне кажется, не стоит. Впрочем, без анекдотов тут не разобраться.

Удивительно (или, напротив, неудивительно), но язык новых русских сразу привлек к себе внимание общества, что выразилось в большом количестве анекдотов о нем. Причем многие анекдоты имитировали тексты из грамматик и учебников, так сказать, новорусского языка. Вот несколько анекдотов просто для примера⁸.

Анекдот 1.

Бригадир учит новичков: “Распальцовка бывает вертикальная, горизонтальная, фронтальная и чисто беспорядочная...”

Анекдот 2.

Параграф из нового учебника русского языка.

Для образования существительного от глагола с ударными окончаниями *-ать*, *-ить*, *-ять* и *-еть* необходимо к глаголу в прошедшем времени единственного числа добавить окончание *-ово*: *вязать* – *вяза́лово*, *кидать* – *кида́лово*, *бубнить* – *бубни́лово*, *ходить* – *ходи́лово*, *гулять* – *гуля́лово*, *стрелять* – *стреля́лово*, *сидеть* – *сиде́лово*, *смотреть* – *смотре́лово*.

Исключение.

Следует запомнить глагол, от которого существительное образуется чисто в виде исключения: *гнать* – *гони́во*.

Анекдот 3.

Правило из учебника по новому русскому языку для пятого класса: “Слово *чисто* является вводным и выделяется запятыми в тех случаях, когда его можно заменить на словосочетание *в натуре*”.

Не знаю, насколько это смешно, но, с лингвистической точки зрения, довольно наблюдательно. Правда, это можно было бы отнести к жанру “записок натуралиста”, все-таки культурные люди так не говорят. Да нет, если подумать, то иногда и говорят.

Есть две вещи, о которых важно сказать. Первая и, на мой взгляд, очевидная: язык нужен нам, чтобы говорить об окружающей нас действительности. Конечно, и о вечном тоже, и еще стихи сочинять, и копить информацию, но все-таки... Прежде всего мы хотим говорить о том, что происходит с нами здесь и сейчас. И когда окружающая действительность (это самое “здесь и сейчас”) резко меняется, нам порой не хватает слов для разговора о ней. Хорош тот язык, которому удастся быстро компенсировать этот недостаток. Русскому языку разными способами, но все же удалось. Было бы лицемерием говорить о том, что бандитский период нашей

⁸ Я не большой любитель травить анекдоты, но, пожалуй, пару раз еще вернусь к этому жанру, такова уж наша культурная традиция.

жизни – 90-е годы, которым посвящены известные романы и киносаги, – не существовал. Некоторые считают, что он до сих пор не закончился, но, по крайней мере, самые яркие внешние приметы: типажи, распальцовка, красные пиджаки и подобное – ушли в прошлое. А вот слова остались. Почему? И это второе, о чем стоит сказать.

Попытаемся посмотреть на эти слова без предвзятости. Они чрезвычайно любопытны и интересны с точки зрения лингвиста. Среди них почти нет заимствований. В голову сразу приходят, пожалуй, только *киллер* и *рэкет* вместе с *рэкетиром*. И это несмотря на то, что “новый русский” бандитский мир, очевидным образом формировался под влиянием американской гангстерской мифологии⁹. Уже давно отнесенные к классике фильмы “Крестный отец” или “Однажды в Америке” стали образцами, без которых не возникли бы русские “Бригада” или “Бумер”. Среди этой лексики довольно мало слов, пришедших из классической блатной фени (таких, например, как *лох* или *кинуть*). Надо, впрочем, честно признать, что происхождение многих слов достоверно проследить не удастся, хотя почти каждому из них сопутствует своя лингвистическая легенда.

В целом это достаточно новый и живой, то есть обновляющийся, употребительный и довольно при-влекательный, жаргон. Новые значения появляются, в частности, благодаря ярким метафорам: например, та же *крыша*. Для *крыши* главной оказывается идея защиты, обычная крыша защищает дом, а “крыша современная” защищает бизнесмена и его дело. Не менее интересно выражение *фильтруй базар*, где столкнулись, казалось бы, несовместимые старый и современный языковые пласты: *базарить* и *фильтровать*. Новые же слова возникают благодаря мощному и продуктивному словообразованию. Ведь в самих моделях, по которым образованы слова *беспредел*, *отморозок* (здесь задействована еще и метафора – переход от замороженного состояния к отмороженному, то есть ничем не скованному), *наезд* и *распальцовка*, нет ничего дурного. Кстати, слово *наезд* существовало и в древнерусском языке, а сама приставочная модель, с помощью которой возникает новое слово, прекрасно сохранилась в слове *набег*. Конечно, не древнерусское слово сохранилось, пройдя через века, а просто язык по существующей модели создал это слово заново примерно с тем же смыслом, но применительно к новой действительности. Если раньше *наезд* осуществлялся на конях, то теперь, по-видимому, на *меринах*. Кстати, жаргонное название Мерседеса появилось, как я уже сказал раньше, прежде всего из-за звукового сходства, но не только. Это вдобавок еще и метафора, которая подчеркивает связь автомобиля и лошади, их общую “транспортную” функцию.

Пожалуй, самое интересное состоит в том, что многие из “бандитских” слов оказались востребованы языком и после того, как сама бандитская действительность если не исчезла, то хотя бы затухала, стала менее заметной. И часто именно это вменяется языку в вину. Вначале он с помощью этих слов описывал бандитскую действительность, а сейчас что?

Употребление этих слов отчасти можно списать на моду, причем на моду не слишком приятную. Многие люди (не-бандиты) научились разговаривать так, как бы шутя и иронизируя, а отучиться никак не могут, тем более что бандитский жаргон успешно мутировал, смешавшись с “новым русским” чиновников и бизнесменов, в котором фигурируют такие слова и выражения, как *коммерсы*, *откаты* и *пилить бюджет*. Вообще, три существительных в новых “взяточно-коррупционных” значениях – *занос*, *откат* и *распил* – стали своеобразными символами нашей эпохи. В общем, жаргон соответствует социальному прогрессу – от периода начального накопления капитала к периоду государственного капитализма и государственной коррупции. В этом случае как нельзя лучше подходит совет *фильтровать базар*, но только вряд ли к нему прислушаются.

⁹ Кстати, выражение *новый русский*, во многом определившее эту эпоху, было введено в газете “Коммерсантъ” в 1992 году. Легенда приписывает его изобретение основателю газеты В. Е. Яковлеву. Но независимо от того, верна ли легенда, можно предположить, что автор или авторы этого выражения были знакомы с книгой американского журналиста Хедрика Смита и, возможно, вдохновлены ею. Книга эта (*Hedrick Smith, The New Russians*) появилась в 1990 году.

Самой же любопытной оказалась судьба нескольких слов, которые из разряда бандитских перешли в общеупотребительные.

Я еще помню те времена, когда мои весьма культурные знакомые, морщась, спрашивали: “Отморозок, а что это такое? Фу, как грубо!” А сейчас милейшая интеллигентная дама, ни секунды не задумавшись, реагирует на какую-то мою безобидную фразу: “Ну, это уже наезд! Как ты смеешь!” Эти слова, поначалу воспринимаемые как нечто чуждое литературному языку (этакие кадры из бодрого боевика), расширили свое значение и стали привычны в речи образованных людей.

Часто они заполняют определенную лакуну в литературном языке, то есть выражают важную идею, для которой не было отдельного слова. Такими словами оказались, например, *достать* и *наезд*. Они стали очень популярны и постоянно встречаются в устном общении, хотя бы потому, что точнее одним словом не скажешь. Кроме всего прочего, в них есть экспрессия и особая эмоциональная сила, характерная для многих жаргонизмов. Особенно же меня впечатлил “карьерный взлет” еще одного подобного слова: в заявлении МИДа встретилось выражение *акт террористического беспредела*. Поразительно, как легко слово *беспредел* преодолело лагерные границы (ведь изначально это слово описывало особую ситуацию в лагере, когда нарушаются неписанные лагерные правила) и вошло в официальный язык.

Бороться с подобным “обогащением” русского языка абсолютно бессмысленно, тем более что оно представлено единичными явлениями. Оно скорее даже полезно. Большинство же “бандитских” слов уйдут, как только исчезнет потребность в них и схлынет мода. Остается дожидаться...

Сделайте мне элитно!

Я хочу жить в элитной квартире со стильной мебелью, носить эксклюзивные часы и актуальную прическу, читать реальную рекламу и смотреть исключительно культовые фильмы. Вот тогда я буду правильным пацаном, тьфу на вас... продвинутым менеджером. Этим длинным высказыванием я пытаюсь перейти к гламурной волне. Гламурные слова, конечно, не такая компактная область, как слова бандитские. Трудно провести четкую границу между, скажем, гламурным и молодежным жаргонами. Они постоянно перетекают друг в друга. Слово *тусовка* изначально появилось в молодежном жаргоне, потом стало гламурным и, по существу, общепотребительным. А слово *зажигать* в значении “развлекаться”, кажется, сначала появилось в глянцевых и прочих журналах и только потом вошло в молодежный обиход. Впрочем, за последнее не ручаюсь. Да и приход гламурных слов растянулся надолго и на самом деле до сих пор продолжается.

Само слово *гламур* пришло к нам из английского языка – *glamour* – и успешно конкурирует со словом *глянец*, потихоньку вытесняя его в этом значении из языка. *Глянец* было заимствовано раньше из немецкого языка, в котором соответствующее слово *Glanz* значило просто “блеск”. Глянцевыми стали называть журналы с блестящей обложкой, а уж затем значение расширилось, и речь пошла о принадлежности к определенной массовой культуре, пропагандируемой “глянцевыми журналами”, то есть журналами с той самой блестящей обложкой, но главное – журналами совершенно определенного содержания: о моде, о новом стиле жизни. Слово *гламурный* описывает вроде бы ту же журнальную культуру, но в большей степени раскрывает ее суть, ведь в английском оно изначально связано с чарами и волшебством (таково его первое и исходное значение). Возможно, поэтому оно сочетается с несколько большим кругом слов. Скажем, журналы можно называть и глянцевыми, и гламурными, а вот *глянцевые женщины* мне что-то не попадались. *Гламурные* же иногда встречаются, причем не только на страницах журналов, но и в жизни.

В гламурных текстах совершенно особую роль играют оценочные слова, прежде всего прилагательные и наречия. Причем если в речи в целом, и этот факт лингвисты заметили уже давным-давно, гораздо больше слов с отрицательным значением вообще и с отрицательной оценкой в частности, то здесь используется исключительно положительная оценка. Без позитивного настроения, конечно, и в обычной речи не обойдешься, но в рекламно-гламурно-глянцевом языке эти слова просто самые главные. Понятно, что в этом дивном, волшебном мире все не просто хорошо, все очень хорошо, а язык немножко смахивает на крикливого торговца, который все время нахваливает свой товар.

Что же это за язык? Полистайте глянцевые журналы, послушайте болтовню светской тусовки или щебет милейших корпоративных девушек в кафе, взгляните на рекламные тексты или просто на вывески, от которых лингвисту так трудно оторваться, – и вы поймете, о чем я. Кого-то этот язык раздражает, кого-то смешит, а кто-то без него уже не может, ну просто не умеет иначе.

И тут я вернусь к одному из случаев, рассказанных в начале книги. Пожалуй, одним их самых ярких примеров модной оценки стали слова *элитный* и *эксклюзивный*. Еще лет пятнадцать назад слово *элитный* сочеталось с сортами пшеницы или щенками, ну, на худой конец, с войсками и подразумевало отбор, селекцию лучших образцов. Затем оно стало понемногу вытеснять из языка слово *элитарный* (“предназначенный для элиты”), и возникли *элитное жилье* и *элитные клубы*. А затем началось форменное безобразие. Появились даже *элитное белье* и *элитные кресла*! Ну не бывает особого белья и особых кресел для какой бы то ни было элиты, политической ли, интеллектуальной ли! Есть просто очень дорогое белье, ну и ладно, соглашусь, качественное. Этот смысловой переход, впрочем, очень понятен и легко объясним.

Элита у нас все больше понимается в экономическом значении, исходя из принципа “Если ты такой умный, что же ты такой бедный?”. Иначе говоря, *элита* все чаще означает просто “богатые люди”. Тем самым элитные вещи – это вещи, предназначенные для богатых, а значит, дорогие. И все-таки разница между старым нормативным значением (“полученный в результате селекции”) и новым употреблением настолько велика, что порой вызывает улыбку.

На Садовом кольце я обратил внимание на вывеску – “Элитные американские холодильники”. Если вы улыбнулись, значит, не все еще потеряно. Если нет, просто отложите книгу в сторону, мы вряд ли поймем друг друга. Кстати, рядом, на другой стороне Кольца, находятся менее смешные, но все-таки неуклюжие “Элитные вина”, а стоит свернуть в переулки, и вы неизбежно наткнетесь на “Элитные двери” или “Элитные окна”.

Таким образом, сейчас происходит – и на самом деле уже произошла – девальвация смысла этого слова, осталась только положительная оценка: дорогой и, следовательно, качественный. Впрочем, язык не стоит на месте. Недавно я получил в электронной рассылке среди прочего спама упомянутое выше предложение: “Элитные семинары по умеренным ценам”. Вот и дороговизна улетучилась. Спрашивается, что же осталось в значении этого слова?

У слова *элитный* есть брат-близнец – прилагательное *экслюзивный*. То есть вначале они довольно сильно различались. *Экслюзивный* подразумевало предназначенность для одного-единственного субъекта, например, *экслюзивным* можно назвать интервью, данное лишь одной газете, а *экслюзивные* права предоставляются лишь одной компании.

Но вот все чаще в текстах попадаются странные сочетания: *экслюзивные* видеокассеты, выпущенные огромным тиражом (зато с очень редкими кадрами) или, например, *экслюзивные* часы, изготовленные в количестве 11 111 штук с автографом самого Михаэля Шумахера. Короче говоря, *экслюзивный*, опустошаясь семантически, приближается к новому значению *элитного*: редкий, дорогой и качественный. Но вот и редкость исчезает, когда я читаю объявление над рыночным прилавком: “Экслюзивная баранина”. Казалось, что после *экслюзивной* баранины это слово уже ничем не сможет меня удивить. Но нет! Как-то я включаю телевизор и наблюдаю двух милых дам (ведущую передачи и ее гостью – певицу¹⁰), которые разговаривают примерно так (точно записать не успел). Ведущая: “Ну, вы ведь *экслюзивная* женщина!” Певица нервно хихикает. Ведущая: “Нет, нет, я в хорошем смысле”. Мой – по-видимому, извращенный и, очевидно, мужской – ум еще готов понять, что такое *экслюзивная* женщина в слегка неприличном смысле, но что такое “*экслюзивная* женщина в хорошем смысле”, он понимать отказывается. Найдется ли кто-нибудь, кто сумеет это объяснить?

Экслюзивный и *элитный* фактически становятся синонимами и могут просто усиливать друг друга, как, например, в рекламе “Кожаных изделий *экслюзивных* и *элитных* производителей”. Еще пятнадцать лет назад *элитным производителем* мог бы называться только какой-нибудь бычок или жеребец, а вот поди ж ты, как движется прогресс, и сейчас речь идет об изготовителях дорогих изделий.

У оценочного слова в рекламном языке недолгая жизнь. Вначале его отыскивают либо в родном русском языке, либо в чужом, то есть заимствуют, причем положительной оценке в его значении, как правило, сопутствует еще какой-то интересный и нетривиальный смысл. Потом слово вбрасывают в тексты, и, если повезет, оно сразу становится модным, начинает использоваться в невообразимых контекстах, а смысл его потихоньку стирается, и остается только восторженная оценка. Наконец, оно всем надоедает, его перестают воспринимать всерьез и выбрасывают, как старую тряпку, чтобы восхищаться каким-нибудь новым словечком. Увы, *sic transit gloria mundi*, и слов это тоже касается.

В начале перестройки необычайную силу приобрели прилагательные *культовый* и *знаковый*. Все реже используется похожая по смыслу на *элитный* иностранная аббревиатура *VIP*

¹⁰ Для любопытных могу сообщить, что речь идет о приятных во всех отношениях Тине Канделаки и Ирине Богусhevской.

(Very Important Person): *VIP-услуги* и прочее. А ведь и с ней доходило до комического: нет-нет да и встречались *VIP-персоны*, то есть, если перевести английскую часть, “очень важные персоны”-персоны.

Надо сказать, что и *элитный*, и *экссклюзивный* тоже миновали пик моды, и, хотя встречаются еще повсеместно, судьба их незавидна. В самом начале они как бы тянули потенциального покупателя за собой. За ними обоими стояла идеология избранности. *Элитный* говорил: “Купишь вещь – войдешь в элиту!”, а *экссклюзивный*: “Купишь вещь – будешь ее единственным обладателем, ни у кого такой нет!” Потом – идеология богатства, и они уже на один голос кричали: “Купи дорогую вещь! Дорогая значит хорошая!”

А теперь все чаще они используются в рекламе не очень дорогих и не очень качественных товаров и все слабее воздействуют на потенциальных покупателей. Это похоже на то, как если бы в рекламе все время вставляли словосочетание “очень хороший”. Кто же на это клюнет?

Даже крупные строительные компании отказываются от слов *элитное жилье*, *элитные квартиры* и т. д. На смену им пришло жилье бизнес-класса, *люкс* или *премиум*. Впрочем, на улицах Москвы уже появилась реклама *чикен премиум*, то есть, говоря другими словами, “элитно-экссклюзивных цыплят”. А это означает очередное снижение оценки, так что, боюсь, и *премиум* долго не продержится.

В моду входят другие слова, например, *нафосный* или даже *готичный*. Среди оценочных прилагательных есть и более хитрые, и более непотопляемые, которые непосредственно связаны с идеологией потребления. И о них тоже стоит поговорить.

Самое правильное слово

Этого слова следует бояться. В нем слишком много идеологии, и оно не оставляет выбора. В конце концов от чего-то элитного или эксклюзивного можно отказаться, а от этого – нет.

В интервью известного теле- и просто журналиста Леонида Парфенова, которое он дал журналу “Афиша”, сказано следующее:

– Где вам в Москве весело?

– Для меня главное из развлечений – правильная жратва в правильном месте. Сейчас время ланча, тепло. Я бы на какой-нибудь террасе посидел. Съел бы салат “Рома”, в смысле с зелеными листьями, и заказал Pinot Grigio под рыбку. Только вот не знаю, где сейчас можно найти террасу, наверное, в “Боско”.

Кстати, а вы сами носите правильную одежду? Смотрите правильные фильмы? Слушаете правильную музыку? Ходите в правильные места? Или как? Ах, вы не знаете, что следует считать правильным? Читайте глянцевые журналы – вас научат.

Раньше я вздрагивал от этих непривычных словосочетаний, а потом привык и уже с удовлетворением обнаружил в статье под названием “SUPERBUZY. 10 правильных заведений” упоминание родного университета. Жаль, конечно, что я не могу последовать рекламе: “Купи правильный дом. Новорижское шоссе”, но уж в магазин “Правильная обувь” я захожу регулярно. В общем, все хорошо, жизнь удалась.

Кстати, объяснение словосочетаний *правильная жратва* и *правильное место* в интервью с Л. Парфеновым очень характерно: *салат “Рома”, в смысле с зелеными листьями; Pinot Grigio под рыбку; терраса в “Боско”*. Все это весьма изысканно и едва ли известно непосвященному читателю. Зато читатель “Афиши” может попытаться стать посвященным. Такое употребление слова *правильный* близко по значению французскому выражению *comme il faut*, заимствованному в русский язык как *комильфо*. С помощью слова *правильный* глянцевые журналы формируют новый стиль поведения, следовать которому должен любой *продвинутый* (еще одно модное слово) человек. Если использовать европейские аналогии, можно сказать, что речь идет о создании нового русского дендизма, особого свода правил “как себя вести”, “какую одежду носить”, “что есть”, “что читать”, “куда ходить” и т. п. И вся эта сложная система скрывается за новым употреблением слова *правильный*, что и объясняет его взлет.

Это прилагательное прежде всего активно сочетается с названиями продукта в самом широком смысле этого слова: от одежды, обоев, еды – до пищи духовной: романов, фильмов, спектаклей и т. п. Также правильными могут считаться и производители или создатели соответствующей продукции. Если раньше, выделяя, мы бы назвали режиссера модным, популярным, народным, ну в лучшем случае культовым, то сейчас нет ничего выше звания “правильный режиссер”. Иди и смотри.

И наконец, тот, кто следует всем этим гламурным указаниям, может сам считаться *правильным* (или, как говорили когда-то, *комильфо*), то есть по сути – правильным потребителем. Меня навсегда поразила фраза из той же “Афиши”:

Последние лет пять правильную московскую девушку можно было отличать по колготкам. Колготки должны были быть только телесного цвета, только прозрачные и только оттенка загара.

Я еще не вполне осознал, кто они – эти загадочные правильные девушки, но уже получил инструкцию, как узнавать их в толпе. Конечно же, по колготкам телесного цвета.

Совершенно очевидно, что большинство подобных сочетаний человеку семидесятых показались бы дикими, однако не все так просто. В советских текстах все-таки встречаются похожие примеры, хотя не так часто и в довольно специфических “идейных” контекстах. Вполне допустимо, например, было словосочетание *правильный фильм*, но, естественно, оно использовалось по отношению к фильмам совершенно другого рода, активно одобряемым советской властью, – то есть с правильной идеологией. Таким образом, неизменная часть значения у данного слова на самом деле сохраняется, просто на смену одной идеологии, политической, приходит другая – идеология потребления, что и определяет его сочетаемость.

По существу, за этим словом всегда стоит некая “идейность”, но отнюдь не в том единственном политическом смысле, к которому так привыкли советские люди. Подобное употребление прилагательного вообще характерно для жаргонов, связанных с жесткими поведенческими нормами. Здесь можно вспомнить и блатной мир, только вместо *правильных девушек* его населяют *правильные пацаны*.

Что же касается идеологии потребления, то она, не будучи политической и тоталитарной, не становится от этого менее жесткой и агрессивной. Через соответствующие слова она проникает в сознание, навязывая, в частности, жесткие правила выбора. Следует ходить в *правильные* места, есть в них *правильную* еду, наконец, знакомиться и общаться с *правильными* девушками (тем самым последние выступают тут и как субъект, и как объект потребления). Читать нужно исключительно *правильные* романы, слушать *правильную* музыку, смотреть *правильные* фильмы...

Переключка между нынешним временем и советской эпохой характерна и для некоторых других модных прилагательных: *позитивный*, *актуальный*, *реальный* и т. д. Например, *позитивный* сочетается сейчас с такими словами, как *фильм*, *спектакль*, *сценарий* или *шоу*:

Мало сыщется фильмов, вызывающих такие же умиление с просветлением. Если “Блондинка в законе” – самый позитивный фильм сезона, то этот – самый адекватный... (“Известия”).

Такие употребления не описываются существующими словарями (речь идет о совсем недавней кальке с английского), однако фактически выражают идеологию социалистического реализма. Позитивные фильмы и спектакли показывают жизнь такой, какой она должна быть, а не какая она есть на самом деле. Все чаще в текстах мелькают двоюродные братья *актуальный* с *реальным*. По телевизору показывают *Реальную политику*¹¹, а на улицах города мы видим *реальную рекламу*. Актуальным сегодня тоже может быть все: от искусства до автомобиля или прически. Иногда концентрация всех этих слов в тексте зашкаливает, и хорошо, если автору все же свойственна хотя бы легкая ирония:

Музей современного искусства, открывая ретроспективой Айдан Салаховой новую программу “Москва актуальная”, сделал выбор безукоризненный. Само понятие “актуальное”, ввиду длительного и широкого употребления, подрастеряло, как кажется, былую актуальность, вытерлось немножечко до состояния “элитного” и “эксклюзивного” – но если слово “актуальное” значит сегодня что-то еще, то именно это: пример остальным, образец для подражания; что же она еще, как не пример или образец? Умница и отличница, красавица и так далее; иногда они возвращаются, времена правильных героев (К. Агунович, “Афиша”¹²).

¹¹ Название телепередачи, которую вел Глеб Павловский. На смену ей пришла *Нереальная политика* с ведущими Андреем Колесниковым и Тиной Канделаки. Кто-то, возможно, увидит здесь отсылку к реальной политике, проводимой Отто фон Бисмарком.

¹² Здесь, наверное, самое время извиниться за постоянное цитирование журнала “Афиша”, но по количеству словесных новинок он, на мой взгляд, в наше смутное время превзошел все прочие. Точнее говоря, во многом являлся творцом и зако-

Прилагательные *правильный, реальный, актуальный* выражают положительную оценку, как и *элитный*, и *эксклюзивный*, но делают это не так крикливо и не так явно. Они отсылают к неким ценностям, к определенной системе взглядов, но при этом не фиксируют их раз и навсегда, что и позволяет им быть более устойчивыми. И в сегодняшнем гламурном мире они оказались на видном месте. Вот уж действительно, ключевые слова эпохи.

Правда, и здесь происходит определенное обновление: появляются новые слова и даже новые идеологии. Выше в одном из примеров уже мелькнуло слово *адекватный*. Оно становится все популярнее, а степень положительной оценки, им выражаемой, все растет. Появляются слоганы “Адекват-ному зрителю адекватное телевидение”, “Адекватный клуб для адекватных людей” и даже “Адекватная йога для адекватных людей”. Оно запросто может встретиться через запятую со словом *умный*: *адекватные, умные* люди. А еще лет 10–15 назад это выглядело бы странно. Ведь *умный* – это, безусловно, хорошо, а *адекватный* – всего лишь нормально. Еще одно слово с похожим значением тоже вошло в моду и сочетается все с большим кругом существительных: *вменяемый* политик, *вменяемые* цены, *вменяемый* фильм... Прилагательные *адекватный* и *вменяемый* интересны тем, что заложенные в них “нормальность” и “соответствие ситуации” воспринимаются теперь не просто как положительные факторы, но как довольно сильная похвала. Невольно задумываешься над тем, не означает ли это, что “нормальность” становится в нашем мире настолько редкой, что люди и вещи, ею обладающие, заслуживают высочайшей положительной оценки.

Невыносимая недоопределенность бытия

Умногих из нас есть свое собственное эмоциональное отношение к словам, и у меня в том числе. Ну не люблю я некоторые слова, и все тут. И не важно, лингвист я или не лингвист, рациональности это моему чувству не добавляет. Я перестаю слушать человека, если он вдруг произносит не слишком грамотное слово *волнительный*, но точно так же меня раздражает безупречное *амбивалентный*. Другое дело, что как лингвист я могу свое чувство проанализировать и попытаться установить его причины. Что я сейчас и сделаю.

Мне не нравятся два модных сегодня слова – *проект* и *продукт*, точнее говоря, их новое использование. Кто теперь только не говорит: “У меня есть несколько актуальных проектов” или “Я сейчас задействован в новом проекте”. Про новый роман или фильм могут запросто сказать: “Ну, это вполне достойный продукт”. Актеры сегодня предпочитают участвовать в проекте, а не сниматься в фильме или играть в спектакле. А для режиссера, в свою очередь, престижнее в результате проекта выпустить продукт, чем просто снять фильм. Почему так? И почему мне не по себе от этих вроде бы вполне безобидных, хоть и модных слов. Я вижу здесь две разных причины.

Первая состоит в том, что с помощью этих слов мне навязывается некая бизнес-метафора, которая особенно чувствуется в слове *продукт*. Результат любой деятельности, в том числе и творческой, оценивается с точки зрения купли-продажи. Сама же деятельность с помощью слова *проект* интерпретируется как продуманная и направленная на получение того самого *продукта*. Распространение этой бизнес-метафоры на любое занятие как бы погружает его в деловой мир и делает более престижным.

Но есть и вторая, более глубокая причина, объяснение которой потребует обращения к современной науке. В когнитивной психологии используется понятие базисного (или основного) уровня. Классические эксперименты американки Элеоноры Рош показали, что психологически базисными оказываются не самые фундаментальные категории, выражаемые словами с максимально абстрактным значением, а именно срединные категории. Так, в тройках *млекопитающее – собака – ищейка* и *мебель – стул – кресло-качалка* крайние члены относятся, соответственно, к высшему (*млекопитающее, мебель*) и подчиненному (*ищейка, кресло-качалка*) уровням. Базисными с психологической точки зрения следует считать срединные категории, то есть *собаку* и *стул*. Именно этими понятиями и категориями мы оперируем, размышляя или рассуждая об обычных ситуациях. Переход на другой уровень маркирован. Он определяется спецификой ситуации, в которой нам необходимо что-то обобщить или, наоборот, конкретизировать. Психологическая базисность проявляется и в языке. Слова базисного уровня более частотны и нейтральны. В нормальной ситуации мы называем собаку *собакой*, а не *терьером* или *животным*. Впрочем, по-видимому, понятие базисного уровня не абсолютно и зависит от реальных условий. В частности, на изменении базисного уровня построен старый советский анекдот, рассказывающий о поведении покупателя в разные эпохи, характеризующиеся разной степенью изобилия в магазинах (последняя эпоха скромно именовалась коммунистической):

Заверните, пожалуйста, 200 граммов рокфора;

Заверните, пожалуйста, 200 граммов сыра;

Заверните, пожалуйста, 200 граммов еды.

Бывают, однако, времена и стили общения, в которых происходят сдвиги с базисного уровня. Так, например, в “советском” языке, то есть официальном языке советского периода, существовал очевидный сдвиг в сторону абстракции. Этот же сдвиг постоянно присутствует

в речи политиков и бюрократов. Одним из возможных эффектов такого сдвига оказывается неинформативность текста: сказано много, а по сути ничего.

Увы, такова и сегодняшняя мода. Обобщение, с одной стороны, скрывает суть дела, с другой стороны, придает делу серьезность и значительность. Когда кто-то говорит: “Я участвую в проекте”, это может означать все что угодно, то есть буквально: все или ничего. Точно так же за *выпуском нового продукта* может скрываться нечто значительное, а может – ерунда. Мы оставляем собеседнику возможность самому додумать, конкретизировать сказанное нами, заполнить пустоты, создаваемые чрезмерной абстрактностью, желательно в выгодном для нас ключе. И здесь можно снова обратиться к бизнес-метафоре. Ведь само слово *бизнес* устроено точно таким же образом. Совершенно естественно в ответ на вопрос *Кто он?* сказать *У него свой бизнес*. Но по сути это не значит почти ничего, это просто такое определение через отрицание: не *госслужащий*, не *наемный работник*, не *богема*. Разброс может быть от мультимиллиардера, владельца заводов, газет, пароходов, до чистильщика обуви или мелкого мошенника. Примерно так же абстрактно и размыто слово *менеджер*, о котором мы поговорим чуть позже (от продавца до руководителя крупной компании). С помощью подобных абстракций мы размываем нашу реальность, наше социальное положение, предпочитая весомую и многозначительную неопределенность или, точнее, недоопределенность. У нас ведь как бы все в порядке. Ну, или пусть по крайней мере собеседник так думает.

Интересно, что подтверждение этому легко находится в тексте. Вот примеры из речи творцов из разных и далеких сфер искусства – театра и эстрады. Казалось бы, следовало ожидать модной лихости в устах певца Сергея Минаева и аккуратной интеллигентности в устах драматурга и театрального режиссера Михаила Угарова. Однако...

– Последний вопрос: театр на “Слесаре” на аренду подвала заработает?

– Не знаю, мы хотели сделать продукт, который бы всем понравился. Такая, знаете, смесь производственной драмы и абсурдизма. А продукта, который можно было бы продавать и кормить за его счет театр, не получается (интервью с Михаилом Угаровым, “Афиша”).

– Расскажите, какие у вас сейчас проекты?

– Что это за слово такое – “проекты”? В смысле – чем я занимаюсь? Знаете, я вредный мужик, мне все эти новомодные слова непонятны. Я работаю тем же, кем и 30 лет назад, – я артист (интервью с Сергеем Минаевым, “Афиша”).

Режиссер хочет создавать продукт, чтобы продавать его, правда, у него не получается. А певец, напротив, упрямо сопротивляется бизнес-метафоре. Слова выдают потаенное.

Но, пожалуй, наибольших масштабов и наивысшего полета эти слова достигают в речи политиков (чего, впрочем, и следовало ожидать). И здесь снова приходится цитировать. Журналист Андрей Колесников в “Коммерсанте” пишет:

Господин Иванов успел сделать доклад на первом пленарном заседании форума, и в этом докладе представил Россию как один глобальный инфраструктурный проект, не очень-то, впрочем, и нуждающийся в мировых инвестициях, но и не отказывающийся от них.

Россия как один глобальный проект? Как сказал бы кто-нибудь помоложе – это круто!

О чем говорят паразиты

В речи одного моего знакомого электрика было два слова-паразита, которыми он владел практически виртуозно. В разговоре с мужчинами он использовал одно-единственное матерное слово¹³, но если к беседе подключалась женщина, он тут же заменял его на *на фиг*, то есть, как сказали бы лингвисты, владел двумя регистрами речи, которые строго распределял по гендерному принципу.

Сколько я себя помню, стилисты и языковые пуристы всегда боролись с так называемыми словами-паразитами, со всеми этими *так сказать*, *значит* (с просторечным вариантом *значить*), *естественно*, *вот* и прочими, которые, как принято считать, ни для чего не нужны и только засоряют нашу речь. На самом деле не все так просто, в языке ведь вообще нет ничего лишнего. За каждым из этих слов стоит некая идея, которая вдруг оказывается востребованной и потому часто воспроизводимой, и лишь потом, когда возникает устойчивая привычка к слову, оно становится тем самым паразитом, от которого почти невозможно избавиться. Но даже и в этом случае самому говорящему оно приносит определенную пользу, а именно дает время подумать и сообразить, что говорить дальше, а также склеивает прочие слова. Недаром одна из функций русского мата как раз такова – заполнять пустоты в речи и в мысли. Именно так и используют мат не слишком грамотные и образованные люди.

К сожалению, слушающим слова-паразиты приносят в основном неприятности. Их бесконечный повтор просто раздражает собеседников. В какой-то момент эти постоянные *значить-значить-значить* или *таксказать-таксказать-таксказать* заглушают все остальные слова и просто мешают воспринимать мысль. Хотя и для слушающего они могут оказаться полезны. Например, слово-паразит *вот* обозначает завершение некоторого смыслового блока, то есть дает время осмыслить сказанное и подготовиться к новой информации. Есть люди, которые даже во время монолога постоянно обращаются за поддержкой к собеседникам и делают это с помощью словечка *да* с вопросительной интонацией или вопросов-обращений типа *понимаете*, *знаете*. Эти вроде бы и паразиты в действительности очень нужны говорящему и выдают его особый психологический склад, потребность в постоянной коммуникативной поддержке и связи с собеседником. Это, впрочем, не означает, что перед вами обязательно мягкий, сомневающийся человек. Я слышал регулярное вопросительное “*да?*” в устах абсолютно уверенных в себе людей. Этим словом они как бы постоянно подхлестывают собеседника, не давая ему ни на секунду отвлечься от разговора, а точнее – от слушания того, что они говорят.

Время от времени в русском языке появляются новые слова-паразиты. Вот как это представлено в еще одном анекдоте о языке новых русских: “Новый англо-русский словарь: неопределенный артикль *a* переводится на русский как *типа*, а определенный артикль *the* – конкретно или *чисто*”.

Эти словечки распространились 10–15 лет назад вместе с распальцовкой и прочими атрибутами нового русского и, конечно, с артиклями имеют не очень много общего. Например, раньше слово *типа* сочеталось только с родительным падежом существительного (*животное типа собаки*), а в новом употреблении слово характеризует не только существительное, но и глагол, и целую фразу: *Я типа сказал* или *Типа сказал и сделал*.

У слов-паразитов в силу их частотности появляется еще одно важное свойство. Чем чаще произносится слово, тем заметнее тенденция к его сокращению, сжатию. Таким образом мы

¹³ Если честно, то это был скорее эвфемизм, то есть заменитель матерного слова, который звучал так: *ёптыть*. Электрик принимал участие в ремонте нашей квартиры, а собственно лингвистический эксперимент проходил с участием меня и моей жены.

экономим свои произносительные усилия. Хороший паразит – паразит односложный, отсюда и постоянное стяжение “лишних” слогов. Поэтому мы и говорим что-то вроде *тксать* вместо *так сказать*. Это стало отражаться в особой интернет-орфографии. Так появилось слово *ессно* (*естественно*, если кто не понял). Раз уж речь зашла об интернет-орфографии, нельзя не вспомнить еще одну любопытную вещь. Именно в интернете стали различать в написании слово-паразит и обычное нормативное *типа*. Слово-паразит часто записывается таким образом – *типо*: *Начинаем типо раздачу слонов*.

Интересно, что слово *типа* стало всего лишь стилистическим (поначалу “бандитским”, а потом хоть вульгарным, но общенародным) вариантом, незадолго до этого распространившегося обычного слова-паразита *как бы*. Как и другие паразиты, словечки *типа* и *как бы* восходят к совершенно нормальным русским словам, которые вдруг начинают употребляться очень часто и в совершенно неуместных контекстах и ситуациях. В литературном языке эти два слова связаны с идеей сходства, подобия (но не совпадения). В своем “паразитическом” употреблении они от этой идеи отходят.

Я как бы лингвист, – могу сказать я (хотя стараюсь так не говорить), притом что я действительно лингвист, а не просто похож на него. Я как бы работаю, – говорит кто-то, действительно работающий в этот момент, а не имитирующий деятельность. Есть люди, у которых это *как бы* встречается в речи чуть ли не перед каждым словом: “Я как бы здесь работаю как бы продавщицей”. Короче говоря, пурист немедленно ставит диагноз – слово-паразит, которое подлежит скорейшему удалению из речи. Но ведь несмотря на все старания, слово *как бы* в таком употреблении не исчезает из речи, что само по себе повод задуматься о нем. Такое *как бы* относится не к какому-то конкретному слову (как, например, английский артикль), а характеризует речь человека в целом, его психологическое состояние и, возможно, даже социальный статус. Как это ни парадоксально прозвучит, это слово стало очень своеобразным инструментом вежливости (или “как бы вежливости”). Фактически оно означает, что говорящий отказывается делать резкие и окончательные высказывания о мире, а каждый раз заявляет о своей неуверенности, об отсутствии у него права делать такие утверждения и в том числе о его невысоком статусе, в частности, по отношению к собеседнику. Это как если бы человек говорил одну фразу и сразу добавлял: “Ну, впрочем, это мое частное и не очень важное мнение, возможно не соответствующее действительному положению дел”. Так разговаривает подчиненный с начальником, заинтересованное лицо с влиятельным и т. п. Скажем, хороший студент на экзамене не должен решительно заявлять: “Волга впадает в Каспийское море”. Это слишком безапелляционное и отчасти нахальное заявление, за него можно и тройку схлопотать. Правильнее сказать: “Волга как бы впадает (как бы) в Каспийское море”. Этот ответ демонстрирует уважение к экзаменатору, неуверенность и скромность (второе *как бы* факультативно и, возможно, уже избыточно и даже льстиво). И уже без всякого юмора должен сказать, что это действительно одно из частых слов, встречающихся в ответах на экзамене.

Тот факт, что именно *как бы* стало самым распространенным словом-паразитом нашего времени, на мой взгляд, свидетельствует о нашем времени. Вы спросите: “Как?” Да я типо уже написал. Дальше думайте как бы сами.

Профессиональная конкуренция

Ну вот я и добрался до третьей лексической волны – профессиональной. Впрочем, в этом случае метафора волны едва ли уместна, это больше похоже на постоянный мощный поток, конца которому не видно. Зато видны разные составляющие: термины, жаргоны и т. д. Одной из наиболее интересных и важных частей оказываются названия профессий. Так и хочется спросить: “Зачем их столько?”

Некоторое время назад со мной случился старый анекдот про дизайнера, но только наоборот. Как вас представить? – спросили меня по телефону, когда я позвонил в интернет-компанию. Когда я не только назвал фамилию, но и в ответ на много переспросов объяснил, что первая буква никак не Дмитрий, а скорее Константин, а в середине нет не только Б, но и М, милый женский голос произнес: “о’кей” – и после некоторой паузы уточнил: “Это фамилия?” Только чудом я удержался, чтобы не ответить: “Нет, профессия”, что, конечно, никого не удивило бы. Профессий так много...

Половины нынешних профессий я и сам не знаю. И неизменно радуюсь, когда узнаю новые. Например, что *эйчар* – это то же самое, что менеджер по персоналу, но ни в коем случае не кадровик (*эйчар* обидится). А ведь есть еще *хедхантер*, *мерчендайзер*, *бьюти-эдитор* и *медреп*. Удивляюсь, – почему бы просто не сказать: охотник за головами, красотка-редактор? Впрочем, это, конечно, шутка, и притом не самая удачная.

В этом потоке актуальных профессий на самом деле скрыто множество разных проблем. Одна из них – чрезвычайно важная – хорошо описывается словом “конкуренция”. Я имею в виду конкуренцию слов. Человека, имеющего определенную профессию, сейчас можно называть по-разному. Иногда эта конкуренция достаточно примитивна: существуют разные варианты написания или произнесения одного и того же слова. Например, человека, занимающегося недвижимостью, можно назвать по крайней мере четырьмя способами: *риэлтор*, *риэлтер*, *риелтер*, *риелтор*. Но это свидетельствует лишь о том, что слово не вполне вошло в русский язык, а точнее – не вполне прижилось, и написание еще не устоялось. О том, как же писать правильно, а главное – почему, – чуть позже. Пока же стоит обсудить содержательную сторону.

Любопытно то, что *риэлтор* вытеснило слово *маклер*, которое в советское время значило примерно то же самое.

Подобных примеров много. Почему *эйчар*, но не *кадровик*? Почему *рерайтер*, но не *редактор*? Почему нынешние *парикмахеры* предпочитают называться *стилистами*, а нынешнюю *модель* (особенно *топ*-) никому не придет в голову назвать *манекеницей*?

Некоторые из старых слов еще актуальны (*кадровик* и *редактор*), другие же устарели и используются только в разговоре о прошлом (*манекеница* или *маклер*).

По поводу этих пар есть два мнения.

Первое состоит в том, что это – разные профессии. Так, *стилист*, в отличие от *парикмахера*, не просто пострижет, но и позаботится о стиле в целом. Современная *модель* отличается от советской *манекеницы*, как небо от земли. Она ведь не просто демонстрирует одежду (судя по старым фильмам, в основном рабочую), а снимается в рекламных роликах, участвует в фотосессиях для глянцевого журналов и вообще является эталоном стиля.

Это сравнение можно продолжать долго: у *эйчара*, в отличие от *кадровика*, есть дополнительные обязанности и навыки (я их, увы, плохо знаю) – и так далее.

Однако это не вся правда. Развитие профессии далеко не всегда приводит к смене ее названия. Сегодняшний инженер сильно отличается от инженера 19 века, но *инженером* называться не перестает. Второй и, по-моему, более точный взгляд оказывается более приземленным. Суть, конечно же, в престиже и деньгах.

В новых словах присутствует какая-то трудноуловимая аура, привлекательность актуальности и новизны. Естественно, что *стилист* вправе запросить за стрижку больше, чем *парикмахер*, а гонорары *моделей* несопоставимы с зарплатой *манекенищиц*. С распадом советской распределительной системы полулегальный *маклер* не мог не превратиться во вполне респектабельного *риэлтора*, и неважно, что их функции и уровень профессионализма порой никак не различаются. А в 90-х *проститутки* “переквалифицировались” в *путан*.

Вытеснение менее престижных слов более престижными существовало всегда (хотя и не в таких масштабах). Ограничусь парой примеров.

В свое время именно *парикмахер* сменил *цирюльника* и *брадобрея*. И совсем не потому, что в дополнение к стрижке он перестал ставить пиявки, а стал делать парики. Аура немецкого профессионализма и основательности преодолела даже фонетические трудности (русским было непросто выговаривать такие громоздкие слова, как *парикмахер* или *бухгалтер*).

Не менее интересен и ряд слов *купец* / *предприниматель* / *коммерсант* / *бизнесмен*. *Купец* относится к истории. Из остальных трех наиболее нейтрален *бизнесмен* – его выберут и в качестве самохарактеристики: *я – бизнесмен*. С *коммерсантом* и *предпринимателем* сложнее. Оба они, как правило, оценочны и сочетаются с соответствующими определениями: *крупный предприниматель* или *мелкий коммерсант* (отсюда и прибалтненное *коммерс*).

Многие из новых названий еще не вошли в словари и не стали фактом литературного языка. Пока они скорее относятся к профессиональным жаргонам. Об этом свидетельствует следующее.

Во-первых, они известны только специалистам в данной области. Объявление “*требуется акаунтменеджер*” понятно лишь акаунтменеджерам. Употребление таких слов отпугивает непосвященных, что, впрочем, и требуется.

Во-вторых, их трудно записать. В случае *риэлтора* (см. выше) или *криэйтора* (с вариантами *криейтор* и *креатор*) путаются русские буквы, а ведь возможно еще и использование латиницы (для части или для всего названия): *IT-менеджер*, *beauty editor* и т. п.

Сегодня почти все новые названия профессий приходят к нам из английского языка (незначительные исключения связаны с модой, кухней и другими узкими областями: например, сомелье или кутюрье). Конкуренция возникает при этом не только со старыми названиями (их иногда просто нет), но и между рядом новых, которые могут восприниматься как более или менее официальные, более или менее разговорные: *IT-менеджер* / *специалист по информационным технологиям* / *айтишник* или *компьютерищик*; *PR-менеджер* / *специалист по связям с общественностью* / *пиарищик*. Но прежде, чем говорить об этом, попробуем решить простой на первый взгляд орфографический вопрос. Да вот хотя бы с *риэлтором*.

Риэлторы-шмиэлторы и вопросы языкознания

Слово *realtor* пришло в русский язык вскоре после перестройки и с тех пор постоянно вызывает споры. В действительности существуют две разные проблемы: во-первых, как писать это слово по-русски и, во-вторых, корректно ли вообще, правомочно ли его употребление в качестве названия профессии.

Слова одного языка на другой язык обычно переводятся, но не всегда. Иногда они транскрибируются. Речь идет о так называемой практической транскрипции, то есть записи слов одного языка буквами другого языка с учетом прежде всего их произношения. Как правило, это касается имен собственных. Например, английское имя *John* на русский язык никак не переведешь, поскольку у него нет значения, вот и приходится транскрибировать так, чтобы звучало похоже – *Джон*. С именем *Джон* проблем не возникает, а вот, например, фамилию английского писателя *Galsworthy*, по подсчетам авторов одной книги о практической транскрипции, можно передать по-русски 144 различными способами: от *Галсворти* до *Гелсуэрси*, и лишь традиция выделяет один-единственный – *Голсуорси*.

Транскрибируются не только имена собственные, но и нарицательные в том случае, если они не переводятся, а целиком заимствуются. В принципе, слово *realtor* можно было бы переводить как *специалист по недвижимости*, или, более подробно, *специалист по торговле недвижимостью и сдаче ее внаем*, или даже *маклер*. Однако русский язык выбрал другой путь. Для названия этой сравнительно недавно узаконенной профессии было заимствовано слово английского языка. Все было бы хорошо, но в написании его существует разноречие. Сказать, что правильным является один-единственный вариант, нельзя. Пройдет несколько лет, норма устоятся, и останется одно написание. Оно и будет правильным. Язык выберет сам.

Пока же можно рекомендовать один из вариантов как наиболее лингвистически обоснованный и тем самым способствовать употреблению и сохранению в языке именно его.

Итак, что мы имеем? Колебания в написании третьей и шестой букв. *Е* или *э* после *и*, *о* или *е* перед *р*. В итоге – четыре встречающихся в текстах варианта: *риэлтор*, *риелтор*, *риэлтер*, *риелтер*. К ним можно было бы добавить еще два теоретически возможных написания: *риалтор* и *риалтер*. Они имеют разумное лингвистическое обоснование, но поскольку реально не встречаются, не будем усложнять ситуацию и сделаем вид, что их нет.

Прежде всего надо сказать, что иноязычные слова, оканчивающиеся на *-or*, в русской записи должны оканчиваться исключительно на *-ор* (несмотря на то что это сочетание букв читается как единый краткий гласный звук). Вспомните хотя бы слова *кондуктор*, *композитор*, *профессор* и др. Конечно, в русском языке есть заимствованные слова и на *-ер* (*-ёр*), например *инженер*, *бухгалтер*, *актёр*, но в них и в соответствующем иностранном языке присутствовало *-er* или *-eur*. Так, в немецком есть слово *Buchhalter*. Оно было заимствовано русским языком и вытеснило исконное *счетовод*. Именно из французского языка было заимствовано слово *acteur* – рус. *актёр*, а английское *actor* здесь ни при чем.

Таким образом, остаются два варианта: *риэлтор* и *риелтор*. Такие колебания букв *е* и *э* после гласных встречаются довольно часто. Так, французское имя пишется то *Даниэль*, то *Даниель*. В недавней рекламе кинофильма мне даже попала фамилия *Коэн*, хотя гораздо чаще пишут *Коэн*. С лингвистической точки зрения по этому поводу можно сказать следующее. Буква *э* до сих пор воспринимается как что-то экзотическое для русского языка, и, скорее всего, поэтому ее стараются избегать при транскрипции. Тем не менее именно она после гласной наиболее точно передает произношение заимствованных слов. Написание же в этом случае *е* может вводить в заблуждение. Как известно, некоторые не самые образованные носители русского языка слово *проект* произносят не так, как надо – *проэкт*, а с *йе*, просто потому,

что так пишется. Так что лучше писать это слово *риэлтор*. И следует признать, что чаще всего так оно и пишется.

Но с *риэлтором* связана еще и другая проблема, скорее юридическая, чем лингвистическая. Дело в том, что слово *Realtor* образовано от слова *realty* (недвижимость) и зарегистрировано как торговый знак. Называть себя так имеют право лишь члены американской Национальной ассоциации Риэлторов (National Association of Realtors) и аффилированных с ней организаций. До National Association of Realtors этот торговый знак принадлежал ее предшественнице National Association of Real Estate Boards. Этот факт четко указывают все американские словари английского языка, в которых, как правило, это слово пишется с прописной (большой) буквы *R*, то есть как имя собственное. Впрочем, иногда дается также вариант написания со строчной (маленькой) буквы *r*: *realtor*, а также вариант определения: не только член ассоциации, но и просто – агент по недвижимости. Британские же словари в большинстве своем пишут это слово со строчной буквы и определяют его значение как “агент по недвижимости”. При этом обязательно указывается, что *realtor* – это американизм, которому соответствует британское *estate agent*. Итак, англичане (по крайней мере, часть из них), кажется, считают, что это просто такое специфически американское слово, которое обозначает распространенную профессию. Американцы же знают, что этим словом называют себя члены Национальной ассоциации, занимающиеся недвижимостью и действующие в соответствии с определенным кодексом поведения. Например, за нарушение этого кодекса человека можно исключить из ассоциации, и тогда он потеряет право называть себя гордым словом *Realtor*. Впрочем, и американцы могут по аналогии назвать агента по недвижимости *realtor*, не вдаваясь в подробности членства его в разных ассоциациях. Занимается недвижимостью – значит, *realtor*.

Что же касается русского языка, то, конечно, это слово уже вошло в него как название профессии, а не как особый торговый знак. Русское слово *риэлтор* обозначает специалиста по сделкам с недвижимостью независимо от его членства в американской или российской ассоциации. Подтвердить это можно множеством употреблений в прессе, специальной литературе и даже словарях русского языка.

А как же быть с защитой торгового знака? Здесь мнение лингвиста не может быть решающим, поскольку мы имеем дело прежде всего с юридической проблемой. Лингвистическим выходом было бы, например, писать торговый знак с прописной буквы: *Риэлтор*. Тогда утверждать: “Я – риэлтор!” – могли бы все агенты по недвижимости, а “Я – Риэлтор” – только члены соответствующих ассоциаций. Замена *риэлтора* на *риэлтера*, чтобы не связываться с чужим торговым знаком (вроде похоже, а не то!), не кажется удачным выходом. Вроде как косить под *Риэлтора*, не называясь этим словом. Тогда уж лучше сразу назваться *шмиэлтором* – юридически безупречно, а как звучит: риэлторы-шмиэлторы. Ясно, что по сути одно и то же.

Впрочем, если говорить серьезно, проблема, конечно же, существует. Вспомним хотя бы про ксероксы. Ведь слово *ксерокс* давно вошло в русский язык в значении “копировальный аппарат”. Однако фирма “Ксерокс” с этим не согласилась и встала на защиту своего товарного знака. В результате сейчас рекламные объявления пестрят какими-то страшными копиями, что русский человек и выговорить-то не может – в отличие от приятного языку и уху кссекс-роксса. Права ли фирма “Ксерокс”? С лингвистической точки зрения – нет. Ведь в русском языке уже есть глаголы *ксерокопировать* и даже *ксерить*. Что же, и их запретить, раз, говоря *ксерокопировать* и *ксерить*, мы не имеем в виду – “пользоваться копировальным аппаратом фирмы “Ксерокс”? Нет, брат, шалишь, русские глаголы никакой суд запретить не сможет, а вот существительное взял и запретил. И хотя поступил лингвистически безграмотно, но решение суда надо выполнять.

Так что и в проблеме *риэлтора* оставим юридическую составляющую непроясненной. Суд решит. А мы будем надеяться на его лингвистическое благоразумие.

Не кочегары мы, не плотники

Вернемся теперь снова к содержательной стороне вопроса. О конкуренции старых и новых профессий мы поговорили. А как быть, если появляется совсем новая профессия? Впрочем, профессии не появляются сами по себе, – как правило, они откуда-то приходят. И в этом случае русский язык поступает просто: он заимствует соответствующее название. У этого способа есть, однако, недостатки. Можно говорить о своего рода непрозрачности заимствованных слов: они не встроены в систему русского языка, как правило, не имеют связей с другими словами и потому непонятны. Конечно, прожив долгую жизнь в русском языке, слово становится для нас родным. И едва ли кто сейчас захочет изгнать из русского языка *юристов*, *биологов*, *физиков* или *агрономов*. Но у сегодняшней ситуации есть принципиальные особенности. Во-первых, заимствований этих настолько много, что языку их сразу переварить трудно, – и отсюда возникает ощущение погружения в чужой язык. Во-вторых, многие из этих названий не стали общеупотребительными. Обычному человеку не так уж важна разница между *акаунтменеджером* и *сейлзменеджером*. В результате для случайного человека большинство объявлений о работе оказываются филькиной грамотой, написанной на иностранном языке. Это впечатление усиливается еще и тем, что в некоторых названиях профессий используются латинские буквы: *PR-менеджер*, *web-дизайнер*, *HTML-кодер*, *shareware-разработчик*. Совсем уж непонятны чистые аббревиатуры: *CEO* (chief executive officer), *CIO* (chief information officer), *MedRep* (medical representative).

Естественно, возникает желание назвать эти специальности как-то попонятней, и вместо заимствований используются перевод или объяснения (как правило, с помощью нескольких русских слов). Рядом с *сейлзменеджером* появляется *менеджер по продажам*, рядом с *beauty editor* – *редактор отдела красоты*, рядом с *IT-менеджером* – *специалист по информационным технологиям*. Увы, и у таких названий есть недостатки. Они существенно длиннее, а важные профессии желательно – и даже необходимо – обозначать одним словом. Кроме того, такие многословные сочетания воспринимаются как слишком официальные и чуть ли не бюрократические. Они часто используются в министерской номенклатуре профессий, пишутся на визитных карточках, но практически не употребляются в обыденной речи.

Зато в речи очень часто встречаются слегка адаптированные и как бы обрусевшие заимствования. Эта адаптация происходит разными способами: прибавлением русских суффиксов, сокращением, языковой игрой, наконец просто склонением и т. д. Таковы, например, *айтишники*, *сисадмины*, *сейлзы* и прочие *эйчары*. В случаях типа *шароварищика* (от английского *shareware*) мы видим игру на сближение с похоже звучащим, но необычайно далеким по смыслу русским словом (*шаровары*), – такую же, как в популярных в интернете словах *хомяк*, *мыло* и *аська*, но об этом я уже писал. Такой подход не делает слова понятнее, зато одомашнивает их, делает своими. Они встраиваются в систему русского языка с помощью родной грамматики.

Таким образом возникают пары, тройки, а иногда и более длинные ряды названий для одной и той же профессии. Раньше такое встречалось достаточно редко и в основном в медицине (*стоматолог* – *дантист* – *зубной врач*, *офтальмолог* – *окулист* – *глазник*), сейчас же – на каждом шагу.

Как уже сказано, эти названия распределены по разным сферам и стилям речи. Официальные – назовем их “номенклатурные” – названия типа *специалист в области...*, *менеджер по...* встречаются исключительно в письменной или официальной чиновной речи. Именно они фигурируют в списках зарегистрированных профессий и в других документах. Пойти учиться можно только *на специалиста в области...* или *специалиста по...*, а в штатном расписании предусмотрен лишь *менеджер по...*

В речи же самих специалистов и менеджеров, особенно в разговорах друг с другом, используются “обрусевшие заимствования”, которые можно отнести к сниженной или жаргонной лексике. Едва ли можно услышать фразу: “Кирюха, программа полетела. Не знаешь, куда подевался наш специалист по информационным технологиям?” В этой ситуации предпочтителен *айтишник*, а *специалист по информационным технологиям* выражает здесь с трудом сдерживаемый сарказм.

Интересное распределение названий профессий можно наблюдать по визитным карточкам. Там исключены варианты типа *айтишник*, а вот *специалист по информационным технологиям* и *IT-менеджер* равновероятны и зависят от самооощения компании или конкретного человека. Если говорить о каком-то распределении, то государственные компании тяготеют к первому, второе же характерно для частного бизнеса и особенно для крупных иностранных компаний.

Несмотря на все недостатки, наиболее нейтральны обычные заимствования. Именно у них наилучшие шансы войти в состав литературного языка. Сложнее придется аббревиатурам, особенно на графическом уровне. Латинские буквы все-таки еще воспринимаются как чужеродные, и подобные слова не принято включать в словари. А передача их английского произношения кириллицей (*айти*, *эйчар*) – своего рода прием освоения, автоматически переводящий их в категорию сниженной лексики. Тем не менее слова, устроенные таким образом, стали уже общеупотребительными (например, *пиар* и *эсэмэс*). Хотя для письменной речи большинство из них остаются, пожалуй, экзотикой.

Но и в использовании таких заимствований желательно все же знать меру. *Брокер* и *дилер* в русском языке чувствуют себя уже достаточно комфортно. И по своему статусу приближаются к старожилам – *адвокату*, *метеорологу* или *геодезисту*. А вот *бьюти-консультанта* мне бы пускать в литературный язык не хотелось. Это ведь не профессия, а достаточно специфическая должность. В узкопрофессиональном кругу такое название может существовать, а для широкого употребления вполне достаточно *консультанта по красоте*.

Все рассмотренные процессы сошлись в русском языке в одной точке – в одном слове. История появления этого слова заслуживает если не романа, то хотя бы отдельной главы. Вот и перейдем к нему, тем более что оно уже несколько раз проскакивало в тексте.

Задать пиару!

Сэтим словом все не так. Мягко говоря, его недолюбливают. Например, когда ругают заимствования, в пример приводят именно его. К *компьютеру*, говорят, или там *президенту* мы уже привыкли, а вот это – бр-р-р. Эмигранты от него в ужасе шарахаются. Да что эмигранты – англичане и американцы его не узнают. Это, спрашивают, что у вас за такое важное новое слово, и что оно значит, и откуда взялось. С ним борются, его запрещают, а оно живет, обрывает родственниками и все комфортнее обустраивается в русском языке. Вы знаете это слово. Но начнем с самого начала.

Вначале это было название профессии или, точнее, области профессиональной деятельности где-то в рыночной экономике развитых стран, а потом и у нас. Оно восходит к английской аббревиатуре *PR*, раскрываемой как *public relations*. Удивительное началось почти сразу, поскольку возникло несколько конкурирующих названий этой профессии, прежде всего написаний. Во-первых, эти слова перевели на русский язык: *связи с общественностью*. Во-вторых и в-третьих, просто используют английские написания (латинскими буквами): словосочетание *public relations* и, соответственно, аббревиатура *PR*. В-четвертых, заимствовали целиком английское название, которое стали записывать русскими буквами как *паблик рилейшнз* (с вариантами *рилейшнс*, *релейшнз*, *релейшнс*, *рилейшенз*, *рилейшенс*, *релейшенз*, *релейшенс*). И наконец, в-пятых, заимствовали аббревиатуру, а точнее говоря, ее английское произношение: *пиар*. Самое смешное, что для названия профессии и этих вариантов оказалось мало, и частью профессионального сообщества рассматривается еще более сложный вариант – *развитие общественных связей* и его русская аббревиатура – РОС, что является переводом английского *public relations development*. Последний языковой эксперимент имеет еще и претензию на введение новой профессии, но оценку ее новизны оставим специалистам.

Эти варианты отчасти распределились по разным сферам употребления и стилям. Перевод *связи с общественностью* оказался самым официальным и используется в государственных документах, например в перечне студенческих специальностей, а также в названиях многих отечественных учебников. Словосочетание *паблик рилейшнз* может считаться более профессиональным. Оно используется в специальных текстах, например в специальных журналах или в тех же учебниках, но прежде всего иностранных авторов. Примерно так же употребляются и английские слова (*PR* и *public relations*), в особенности аббревиатура, которая часто встречается и в названиях соответствующих компаний, сотрудников и видов деятельности: *PR-агентство*, *PR-консалтинг*, *PR-менеджер*. А вот для всех остальных сфер осталось слово *пиар*, то есть для устной речи и для неофициальных текстов, в том числе для газет и журналов. Оно уже не воспринимается как аббревиатура и активно вступает в отношения с другими словами, приставками и суффиксами. Достаточно назвать ряд образованных от него слов: *пиарицик*, *пиарить*, *отпиарить*, *пиар-кампания* и т. д.

Важно и другое. Это слово сильно расширило свое значение и из узкопрофессионального стало поистине национальным. Теперь смысл, да и употребление слова столь сильно отличаются от английского прототипа, что его, как я уже сказал, не узнают англичане и американцы. Фактически слово *пиар* может относиться к любому факту навязывания своего мнения, к любой манипуляции чьим-то сознанием с целью создания мнения, более того, к любому факту просто распространения мнения о чем-либо или о ком-либо. “Хватит его пиарить!” – прерывают меня, когда я лестно аттестую моего коллегу в разговоре с третьими лицами. Как страна жила без пиара, точнее, без этого слова, раньше, уму непостижимо, ведь пиар в таком общем значении (“навязывания определенного мнения”) существовал всегда. Популярность данного слова, по-видимому, означает осознание всеобщности манипулирования всех всеми,

что, впрочем, было характерно для нашего общества и в далекие “допиаровские” (то есть советские) времена.

Кроме разговорности, или “сниженности” стиля, и расширительности еще один фактор мешает *пиару* стать нейтральным названием профессии. С этим словом связаны очевидные отрицательные ассоциации, позволяющие ему легко погружаться в соответствующие контексты. Словосочетание *черный пиар*, по существу, уже стало устойчивым. Глагол *пиарить* явно выражает неодобрение к осуществляемому действию, которое иногда еще усиливается приставкой. Мне, например, попадались несколько газетных статей с заголовком “Отпиарили!”, построенным по аналогии с глагольным рядом *отдубасить*, *отметелить* и т. д., обозначающим крайне неприятное для объекта действие.

Таким образом, *пиар* в обывательском сознании, воплощенном в языке, обозначает нечто слегка неприличное и вместе с тем привлекательное. Его частотность в текстах во многом следствие моды, но мода эта не случайна. Она вызвана не только тем, что это слово обозначает престижную и отчасти загадочную профессию, но и тем, что за ним стоит важное понятие или явление, возможно ключевое для нашего сегодняшнего восприятия мира. Можно сказать, что наша эпоха в определенной степени характеризуется словом *пиар*.

В заключение рискну сделать прогноз. Думаю, что именно это слово через какое-то время станет наиболее нейтральным и, возможно, единственным названием данной сферы деятельности. Нужно только подождать, пока пройдет мода, дожидаться, когда исчезнет эта особая смысловая аура. В любом случае оно уже встроено в русский язык и из всех нынешних своих конкурентов наиболее употребительно. И следовательно, давно заслужило, чтобы его включали в словари и не подчеркивали спел-чекеры¹⁴.

¹⁴ Компьютерные программы проверки орфографии.

Просто я работаю волшебником

Раньше в детстве все хотели стать космонавтами или пожарными, а становились инженерами. Теперь кем хотят, тем и становятся. То есть менеджерами. Слово *менеджер* появилось недавно (в словарях 80-х годов его еще нет) и кажется для русского языка избыточным. Ведь вроде бы уже есть слова с похожим значением, например *управляющий* или разговорное *управленец*. Существуют также слова *служащий*, *клерк* и другие. В словаре Ушакова присутствует даже совсем смешное *менаждёр*, которое было заимствовано из французского и относилось только к миру спорта.

Однако, если подумать, слово *менеджер* совершенно уникально, и ничем заменить его нельзя. В новых словарях оно толкуется как *нанимаемый руководитель предприятия*. Но это не так (в этом значении скорее скажут *топ-менеджер*), и по существу слово *менеджер* означает почти любую наемную профессию. Вы приходите в турфирму, и вам говорят: “Сейчас к вам подойдет наш менеджер”, то есть попросту *наш сотрудник*. Сын моей родственницы устроился, по ее словам, на престижную работу – *менеджером торгового зала*. Ну что же, неплохо, сначала подумал я, а потом перевел эту профессию на более привычный язык... Говорят, что существует даже *менеджер по клинингу*¹⁵. Слово *менеджер* звучит солидно, но без объяснения практически ничего не значит. Это как просто сказать, что человек работает. Появилось две самых частых объяснительных конструкции. В одном случае пояснение присоединяется с помощью предлога *по*: *менеджер по продажам*, *менеджер по работе с клиентами* и т. п. В другом случае заимствуется английская конструкция с предшествующим существительным в качестве определения, причем чаще всего это существительное тоже просто заимствуется: *сейлзменеджер*, *акаунтменеджер*, *брендменеджер* и подобные. Обычно эта английская добавка пишется через дефис, но строгих правил на этот счет пока не существует. Порой первая часть так и пишется по-английски, скажем, *event-менеджер* встречается не реже, чем *ивент-менеджер* или *эвент-менеджер* (или *эвентменеджер*). Поскольку русское написание еще не устоялось, проще написать латиницей, тем более что степень понятности одинакова, все равно надо знать английский язык. В этой конструкции *менеджер* означает: “тот, кто занимается”, соответственно, продажами, продвижением бренда, организацией мероприятий...

Зачем же русскому языку понадобилось заимствовать такое абстрактно-пустоватое слово? Дело в том, что за этим словом скрывается не столько профессия, сколько образ жизни, целая культура, которую можно назвать корпоративной, или “культурой белых воротничков”. *Менеджер* – это стабильная работа, стабильная зарплата, стабильные привычки, наконец просто стабильная жизнь. Менеджер читает солидные СМИ, ест бизнес-ланч, вечером ходит в клубы, а летом отдыхает за границей. В конце концов, это что-то вроде среднего класса минус богема и представители свободных профессий. Стать менеджером означает чего-то добиться в жизни, завоевать свое место под солнцем. Менеджер оказывается основным адресатом рекламы. Слово *менеджер* используется в качестве приманки и включается в название десятков книг типа “Как стать менеджером”, “Как быть менеджером”, “Как подцепить менеджера”.

Это действительно чем-то похоже на инженера в советское время. Мальчик мог играть на скрипочке или сочинять стихи, но все равно должен был стать инженером, потому что “это профессия”. По крайней мере, так считали их мамы, забывая о том, что есть громадная разница между главным инженером завода или чего угодно и обычным инженером, проводящим большую часть рабочего времени в курилках или на овощных базах. В слове *инженер* таился определенный статус, некая планка, ниже которой уже не опуститься.

¹⁵ Уборщица, если читатель не понял.

Общественный статус и престиж характеризуют и слово *менеджер* и делают его столь популярным. А дальше его границы начинают расплываться, как и у инженера, и разница между *топ-менеджером* крупной компании и, скажем, *офис-менеджером* тоже огромна. С помощью расширения употреблений этого слова можно избежать названий непрестижных профессий, например *продавец* или *уборщица* (см. выше), и сделать их престижными. *Менеджер по клинингу* звучит куда более загадочно и многообещающе, в конце концов можно сказать коротко: “Я – менеджер” и тем самым приобщиться к культуре, к статусу, к целому солидному классу солидных людей. Таким образом, слово *менеджер* оказалось своего рода волшебной палочкой, с помощью которой тыква превращается в карету, а Золушка – в принцессу, и, конечно, стало чрезвычайно востребованным именно сейчас, в период складывания новых социальных групп. Оно полезно и ядру этой группы, задающему основные параметры корпоративной культуры, и маргиналам, использующим его как пропуск в клуб для избранных.

Но русский язык не был бы русским, если бы не сумел сыронизировать над собой и в этой ситуации. И породил слово-близнец – *менеджер*. Это транслитерация английского слова, которая воспринимается как особый русский способ прочтения *manager* и в буквальном, и в переносном смысле. И вот уже появляются спектакли и романы, посвященные *менеджерам*, а кто-то философствует, определяя различия между *менеджером* и *менеджером* (например, *менеджер* – это плохо работающий, непрофессиональный *менеджер*). А различие на самом деле одно, и заключается оно в ироническом отношении к соответствующей культуре, статусу и привычкам, и к себе, менеджеру, в том числе. И понятно, что никто не захочет зваться *менеджером торгового зала*: приходится выбирать – либо погоня за престижем, либо ирония...

Недетские игры

- Кто у вас работает нативным пруфридером?
- Нативный американец.

Кто понял, о чем этот взятый из интернета диалог, тот молодец, а кто не понял – тот уж, наверно, догадался, что речь снова пойдет о профессиях.

Почему я никак не могу оставить в покое эту тему? Не только потому, что мне полюбились эти загадочные и бесконечно красивые слова: *мерчендайзер*, *фандрайзер*, *медиапланнер*, *коучер*, *хедхантер*, – в конце концов, когда появились *дизайнер*, *дилер* и *брокер*, о них тоже слагали анекдоты, а потом ничего, привыкли. Скорее, дело в другом. Во-первых, иногда я даже после длинных объяснений не могу понять, в чем состоит та или иная профессия, что, собственно, эти люди делают, а во-вторых, я вообще перестал отличать профессии от не-профессий, например от должности, хобби и т. п.

Начнем с “во-первых”. Возьмем хотя бы *коучера*. Читаю статью из рубрики “профориентация”:

Коучеры – не советники, не психологи, не тренеры. Они не навязывают своих вкусов, взглядов или выбора. И не пытаются анализировать психологическое прошлое (как это делают психоаналитики). Они просто помогают человеку максимально успешно идти к той цели, которую он сам себе поставил. Человек для них не пациент, а клиент.

Не понимаю. Почему не советники или, скажем, не помощники и наставники? Ведь вроде бы и советуют, и помогают, и наставляют. Почему это вообще профессия? Ну то есть это как раз понятно: раз человек для них – клиент (и это в тексте звучит как-то особенно гордо), то профессиональный подход к делу налицо. И тут мы плавно переходим к “во-вторых”.

Проще всего считать профессией любую деятельность, за которую платят деньги. Но тогда скажите: *блоггер* и *трендсеттер* – это профессии? Кому-то из них, наверно, уже платят. Но пока все это скорее что-то другое – хобби там, или стиль жизни.

Попробуем зайти с содержательной стороны.

Мне кажется, произошли принципиальные, сущностные изменения в понимании профессии как таковой. С одной стороны, имеет место тенденция определения профессии не через предметную область или конкретное дело, а через довольно абстрактную функцию. Пояснить это можно следующим образом. Старые названия профессий во многом дают представление о месте работы, о цели и объекте труда и даже о конкретных действиях. А вот большинство новых – едва ли.

Своей кульминации эта тенденция достигла в слове *менеджер*, о котором сказано выше. Про “вообще менеджера” практически невозможно сказать ни где он работает, ни что именно делает, ни даже зачем. Ну, управляет людьми, – но это как-то слишком абстрактно, голая функция. Почти так же обстоит дело с *коучером*, *пиарщиком*, *супервайзером*, *креатором* и т. д.

Конечно, такое бывало и раньше, достаточно вспомнить *рабочего*, *предпринимателя* и *политика*. Но если в советское время сатирики издевались над тем, как чиновника перебрасывали с сельского хозяйства на культуру, а потом – на промышленность, то сейчас это уже не смешно. Это нормально: настоящий менеджер может руководить чем угодно.

Существует и противоположная тенденция – к максимальной детализации профессий, так что профессия уже не всегда отличима от конкретной должности. И вот, с одной стороны, имеется *райтер* (или *копирайтер*) – крайне абстрактная функция чего-то-делания с текстом, а с другой стороны, сверхконкретное ее уточнение: *спичрайтер* – специалист по написанию

статей, речей, докладов. Ни *райтер*, ни *спичрайтер* в старые добрые времена не потянули бы на самостоятельную профессию, одно слово в силу недостаточной, а другое – в силу избыточной конкретности.

Можно сказать, что кардинально изменился принцип выделения профессий. Есть как бы три уровня абстракции. В стабильном мире существовал список профессий, относящихся в основном к среднему уровню. Их названия информировали не только о выполняемой функции, но и о материальной стороне: условиях труда, инструментах, объекте, порой даже об одежде. Вспомним, у *врача с продавцом* всегда был белый халат, у *пожарного* – красный комбинезон и красная каска, у *почтальона* – толстая сумка на ремне. А уж *трубочиста* с кем-либо еще спутать было просто невозможно. Наш современный нестабильный мир требует другого подхода. Есть профессии – абстрактные функции, практически не зависящие от социальных или технологических изменений и, таким образом, почти не связанные с объектом, инструментом и местом работы. И есть множество чрезвычайно конкретных занятий.

Налицо два способа членения человеческой деятельности – старый и новый. Проводником нового способа стал в нашей культуре английский язык. Во-первых, потому что сам способ пришел с Запада, во-вторых, потому что английский язык дает регулярную возможность называть новые мелкие профессии-занятия одним словом, что удобно. Однословные *сейлзмэнеджер* или *спичрайтер* к тому же сохраняют связь с абстрактной функцией – *менеджер* или *райтер*.

Это яркий пример того, как от языка зависит наш взгляд на мир. Есть две разных понятийных сетки, плохо совместимых друг с другом, сквозь которые мы и видим общество. С одной точки зрения, что-то является профессией, а вот с другой – нет. Самое же интересное, что новая сетка профессий не вытеснила старую, а сосуществует с ней. Даже всякие номенклатурные списки представляют собой смешение старых и новых названий, а уж о наших головах и говорить нечего.

Хуже всех приходится детям. Психологи отмечают, что современные дети реже играют в ролевые игры, связанные с профессиональной деятельностью. Легко нам с вами было когда-то играть во *врача и пациента, продавца и покупателя* или там *пожарных* или *космонавтов*, а вот поди поиграй в *менеджеров, коучеров, фандрайзеров* и *креаторов*...

Врачу полагается халат и шапочка, термометр и лекарства. Место действия – больница или поликлиника, где он и осматривает больного. Космонавту необходим скафандр и космический корабль, в котором он полетит в космос. А вот как выглядит *коучер*, где он работает и что он, черт возьми, делает?

Бедные наши дети, наши будущие *манимейкеры* и затем *маниспендеры*!

р. с. Предваряя возмущение корректора и читателей, замечу, что написание некоторых только что обсужденных слов представляет собой важную орфографическую проблему. Поговорим об этом! Но позже.

Украли слово!

Как мы расстраиваемся, когда в языке появляется что-то новое! Например, новое значение у старого слова. Неправильно, – говорим мы детям, – у слова *тормоз* есть только одно значение, человека так называть нельзя! Но дети на то и дети, чтобы не слушаться старших и играть в свои языковые игры. Когда языковые игры затевают взрослые, все может кончиться гораздо хуже.

Слово *лингвистика* появилось в русском языке как название науки о языке, синоним *языкознания* и *языковедения*. Как всегда бывает в языке, с одной стороны, синонимы конкурировали между собой, с другой – слегка расходились их значения. Слово *языковедение* тихо уходило из языка, название *языкознание* закреплялось за уже давно существующими и давно известными научными областями, а *лингвистика* – за научными направлениями более новыми и современными. Поэтому, скажем, со словом *традиционный* лучше сочетается *языкознание*, а *традиционная лингвистика* как-то менее привычно. Наоборот, *структурной лингвистикой* называют одно из главных направлений этой науки в двадцатом веке, а вот словосочетание *структурное языкознание* совсем не звучит. Просто так не говорят. Так же странно будет звучать и *компьютерное языкознание*, *генеративное языкознание* и прочие словосочетания, где прилагательное связано с чем-то современным и актуальным. Раньше в названиях кафедр все больше использовалось слово *языкознание*: *кафедра общего языкознания*, *кафедра сравнительно-исторического языкознания*, *кафедра германского языкознания*. И только позднее появились *кафедры структурной и прикладной лингвистики*, *кафедры компьютерной лингвистики*, *кафедры теоретической лингвистики*. Короче говоря, слово *лингвистика* стало потихоньку побеждать и вытеснять слово *языкознание*. Но любая победа временна, и удар был нанесен со стороны, с которой его никто не ждал.

Лингвистика – наука маленькая, но гордая. Весь-ма гордая, но, в общем-то, не слишком большая. В советские времена структурная лингвистика вместе с семиотикой были чем-то вроде научного гуманитарного островка, в минимальной степени подвергнувшегося коммунистической идеологизации. Стремление к точности, к использованию математических методов было не только и не просто велением времени. Подумаешь, веление времени, этим-то как раз в советское время научились пренебрегать, ведь чуть раньше более чем актуальные генетика и кибернетика были объявлены лженауками, и не случайно, что именно с кибернетикой связывала себя новая лингвистика. Связь с точными науками была еще и способом защиты от идеологии, обязательной в гуманитарной области. Лингвистика шестидесятых годов стала самой точной из гуманитарных наук и самой гуманитарной из точных. Отсюда возникла и чрезвычайная околonaучная популярность лингвистических штудий, докладов и семинаров, на которых обсуждались пусть малопонятные широкому кругу, но зато независимые от марксизма-ленинизма проблемы. Короче, говоря современным языком, лингвистика – это что-то знаковое, отчасти культовое и пожалуй что элитарное. Ну, так, чтоб всем было понятно.

Перестройка, всеобщий расцвет, а затем всеобщий упадок наук сказался и на лингвистике, но сказался как-то странно. Сначала лингвистика расцвела пышным цветом, а затем... лингвистика продолжала цвести столь же пышным цветом. Появилось множество лингвистических гимназий, факультетов и даже университетов. Для абитуриентов слово *лингвистика* оказалось столь же привлекательно, как и слово *психология* и другие менее научные слова типа *журналистика* и даже *менеджмент*. Тут что-то не так, подумали лингвисты, и они не были бы лингвистами, если бы не решили эту проблему.

Вместе со словом *лингвистика* в русском языке появились и слова *лингвист*, название специалиста в данной научной области (раньше был *языковед*), и *лингвистический*, прилагательное, обозначающее нечто, связанное с данной наукой (раньше было *языковедческий*).

Первым столкнулось с проблемами имя прилагательное. Большинство из возникших лингвистических гимназий и университетов к науке лингвистике прямого отношения не имели. Просто-напросто в них изучались (больше и лучше) иностранные языки. Позвольте, – подумали лингвисты, – но лингвистический означает “связанный с наукой лингвистикой”, а не с языком, даже и с иностранным. Нет, это вы позвольте, – подумали в ответ специалисты по иностранным языкам и открыли иностранные словари.

Вот, например, в английском языке слово *linguistic* значит, во-первых, “of linguistics” (то есть “связанный с наукой лингвистикой”, по-русски – “лингвистический”), а во-вторых, “of language” (то есть “связанный с языком”, по-русски – “языковой”). Так почему бы языковым школам и вузам (то есть школам с усиленным изучением иностранного языка) не называться лингвистическими?

Но ведь это в английском языке (могли бы возразить лингвисты), а в русском это слово относится только к науке.

А нам все равно, нам слово нравится. Раз в английском так, то почему в русском иначе? Это наше слово! (могли бы закричать лингвисты).

Было ваше, стало общим (могли бы тактично ответить специалисты по иностранным языкам).

Конечно, если бы лингвистика была чем-то вроде фирмы “Ксерокс”, она бы запретила использовать свой бренд расширительно, и инызы остались бы инызами, как это приключилось с копировальными аппаратами. Но лингвистика – это не фирма “Ксерокс”, ни запретить, ни подать в суд она не может, пришлось смириться с новым значением слова. Но дело одним словом не закончилось, и чтобы в этом убедиться, достаточно открыть английский словарь. В нем написано, что *linguist*, во-первых, *specialist in linguistics*, во-вторых, *polyglot*. Смотрим словарь Гальперина, где написано, что *linguist*: 1. Человек, знающий иностранные языки. 2. Лингвист, языковед. Теоретический вывод состоял бы в том, что английский язык опять же устроен иначе, чем русский. А практический вывод, который, как это ни смешно, был сделан, состоял в том, что русский теперь будет как английский. И лингвистические школы, и лингвистические университеты стали лингвистическими не только потому, что в них преподают иностранные языки, но и потому, что в них готовят лингвистов. То есть, как нетрудно догадаться, *людей, знающих иностранные языки*.

В чем горе лингвистов в старом (еще, впрочем, не исчезнувшем) значении слова? Ну утратили монополию на слово. Ну перестали быть элитарными, зато стали популярными, поскольку отблеск популярности иностранных языков падает и на лингвистику. Конкурсы в лингвистические вузы велики, независимо от того, в каком значении используется это слово. И дело даже не в том, что лингвистам нужны *их* студенты, то есть те, которые хотят заниматься наукой, а не просто выучить один или несколько иностранных языков. Путаница в общественном сознании слов *лингвист* и *полиглот* всегда раздражала лингвистов, а сейчас стала как бы законной.

Беда в том, что эта путаница произошла все-таки в номенклатурном сознании и последствия оказались административными, а не какими-то там ментальными. Я пока еще ни разу не слышал, чтобы лингвистом в речи называли человека, знающего один или пару иностранных языков. Однако в перечне вузовских специальностей “лингвист” и даже “лингвистика” в этом смысле уже используются. Есть такое образовательное направление “лингвистика и межкультурные коммуникации”, по которому готовят переводчиков и преподавателей иностранного языка, то есть, так и хочется сказать, не-лингвистов. Те “старые лингвисты” как-то сумели выкрутиться, назвав свое направление “теоретической и прикладной лингвистикой” (а потом и “фундаментальной и прикладной лингвистикой”). Нетрудно догадаться, что в нормальной ситуации теоретическая и прикладная области в совокупности и составляют науку. Так, теоретическая и прикладная физика – это просто физика, теоретическая и прикладная химия – это

просто химия и так далее. Для лингвистов эти “лишние” слова нужны, чтобы размежеваться с “новой лингвистикой”, в прошлом – изучением иностранных языков. Другое дело, что и такое размежевание проходит недостаточно строго, потому что преподавание иностранных языков вполне может быть отнесено к прикладной лингвистике, иначе говоря, это одно из направлений прикладной лингвистики.

В общем, все идет к тому, что скоро наступит лингвистический рай и станут все люди лингвистами, потому что кто же теперь не знает хотя бы одного иностранного языка. А если знает, то он и есть самый настоящий лингвист. Жаль, что гордая, но маленькая наука и ее представители не доживут, потому что новых готовить не будут, а старые долго ли тогда протянут.

Монегаски любят зорбинг

Давайте расслабимся и поговорим о спорте. Я люблю спорт. За мужество, за волю к победе, за рост и вес Николая Валугина. Но больше всего за слова. За те слова, которые произносят спортивные комментаторы и пишут спортивные журналисты.

В какой-то статье об экстремальных видах спорта я наталкиваюсь на *кайтинг*, *банджи-джампинг*, *зорбинг*, *фрисби*, *вейкбординг* и только на *дайвинге* облегченно вздыхаю, потому что уже слышал про него. Впрочем, такие разновидности *дайвинга*, как *фридайвинг* и *акватлон*, все равно остаются для меня загадкой. Знание английского помогает, но далеко не всегда. Похоже, что журналисту нравится быть умнее читателя, и обилие незнакомых слов укрепляет его превосходство. Любопытно, что его не слишком волнует проблема понимания его собственного текста.

Впрочем, названия видов спорта – особая статья (большинство из них заимствованы), но, как я уже писал выше, даже в хоккейном репортаже я спотыкаюсь на фразе: “Этот канадский форвард забил гол и сделал две ассистенции”. В статьях о боксе мелькают *крузеры* (тяжеловесы, буквально – боксеры крейсерского веса), *проспекты* (перспективные боксеры), *челленджеры* и *контендеры* (претенденты на титул чемпиона) и подобные, хочется сказать – уроды. Особенно мне понравилась фраза: “У челленджера была довольно легкая оппозиция” (имеются в виду предыдущие противники). Сначала я думал, что спортивные журналисты в принципе не умеют переводить иностранные тексты на русский, но потом догадался, что в этом есть особый профессиональный шик – употребить словечко, незнакомое большинству читателей и как бы подчеркивающее “посвященность” автора. Надо сказать, что болельщики с легкостью подхватывают эти слова и тем самым создают особый спортивный жаргон. Свой собственный жаргон есть у всех более или менее популярных видов спорта: тенниса, горных лыж и т. д. Более того, это было и раньше. Достаточно вспомнить старую моду на футбольных (*гол*)*киперов*, *беков*, *хавбеков* (*хавов*)... Сегодня из них употребителен, пожалуй, только *форвард*. Среди других футбольных терминов: *корнер*, например, окончательно вытеснен *угловым*, *пенальти* остался, а *офсайд* конкурирует с *вне игры*. Разница между прошлым и настоящим состоит в том, что сегодня терминология сплошь заимствованная и никакой *угловой* в принципе невозможен.

“Спортивный профессионализм” имеет и более широкие последствия. Именно в статьях о футболе появились загадочные *манкунианцы* и *монегаски*. Я помню, как яростно мы спорили с моим знакомым, утверждавшим, что *манкунианцы* – это болельщики футбольного клуба “Манчестер Юнайтед”. Действительно, это слово встречалось только в репортажах о матчах этого клуба и вполне могло бы быть аббревиатурой (*Manс + Un*). На самом же деле *манкунианцы* и *монегаски* – это названия (на английском и, соответственно, французском языках) жителей Манчестера и Монако. По-русски они называются – *манчестерцы* и *жители Монако* (*монакцы* звучит плохо), но спортивные журналисты с непередаваемым шиком используют новые слова и, по существу, вводят их в обиход. В спортивной статье написать *жители Монако* уже просто неприлично.

Конечно, легко обличать спортивных журналистов. В действительности эти тенденции проявляются не только в спортивных статьях, просто здесь они чаще и заметнее. Сами по себе они довольно безобидны, ведь русский язык быстро осваивает некоторые из этих слов и помещает их в систему, а часть просто отбрасывает. Но вот последствия у них довольно неприятные.

Во-первых, заимствование становится почти единственным способом называния явлений, возникших за границей. Сегодня мы бы не стали переводить какой-нибудь *корнер* как *угловой*, а прямо заимствовали английское слово. Как вам, например, нравится термин из кёрлинга – *свиновать* (подметать лед перед скользящим по нему камнем)? Появись прыжки в высоту сейчас, мы бы называли их *хай-джампингом* и никак иначе. А прыжки в длину, соот-

ветственно, *лонг-джампингом*. Лень или самоуверенность конкретных людей, в данном случае – журналистов, фактически становятся “ленью языка”, который почти утрачивает внутренние механизмы перевода.

Во-вторых, из-за употребления новых и незнакомых слов возникают проблемы с пониманием текста в целом. Ведь эти слова, будучи по существу жаргонизмами, используются не только на каком-нибудь интернет-форуме любителей бокса или тенниса (где они вполне уместны). Они проникают в тексты, предназначенные, как говорится, для “массового читателя”. Но именно “массовый читатель” совершенно не обязан их знать. И получается, что любой из нас регулярно попадает в довольно неприятную ситуацию. Читая тексты (а также слушая речи), вроде бы предназначенные для нас (“массовых”), мы почти неизбежно спотыкаемся на незнакомых словах. Казалось бы, хорошим тоном для авторов статей было бы такие слова либо не использовать, либо объяснять. Но оказывается, что “хорошим тоном” (все-таки использую кавычки) стало, напротив, употребление как можно большего количества незнакомых слов без каких-либо комментариев, что должно свидетельствовать о профессионализме (или особой посвященности) автора.

Читатель, конечно, выкручивается как может. О том, что он все-таки может, я расскажу немного позднее.

Кто в доме хозяин

Судьба слов далеко не так безоблачна, как кажется на первый взгляд. Среди множества новых слов, появляющихся в последнее время в русских текстах, лишь некоторым удается закрепиться в языке надолго или даже остаться в нем. Другие же напоминают незваных гостей, которые, потоптавшись в передней, вскоре незаметно покидают отвергнувший их дом.

Причины тому, что слово не прижилось, бывают очень разные. Например, проиграло в конкурентной борьбе более удачливому сопернику с таким же значением. Или просто понятие, обозначаемое данным словом, оказывается несущественным, и экономный язык предпочитает передавать его описательно. Наличие слова само по себе очень сильное свидетельство важности того, что им названо. Важное понятие в языке, как правило, называется одним словом, а для неважного можно позволить многословие.

Приведу несколько примеров таких недолгих пребываний в русском языке. Еще примерно лет двадцать назад было заимствовано слово *консенсус*. Популярность его объясняется тем, что его полюбил Михаил Сергеевич Горбачев, старавшийся всегда и во всем *достигать консенсуса*. Речь первого лица государства в СССР и в России всегда была предметом подражания. Особенности речи генсеков, в том числе и их ошибки, воспроизводились сначала их ближайшим кругом, а затем распространялись и дальше. Так, вслед за Хрущевым партийные деятели стали смягчать согласный звук *з* в суффиксе *-изм*: *марксизм*, *коммунизм*. После ухода Горбачева с политической сцены быстро прошла мода и на *консенсус*, тем более что достигать с тем же успехом можно и согласия. Слово *консенсус* сейчас используется разве что пародистами или если мы иронически вспоминаем ушедшую эпоху, то есть фактически в языке не существует.

Не менее интересная история произошла с рядом слов, связанных с интернетом. В этой области действительно появилось много новых слов, без которых сегодня трудно обойтись, например, сам *интернет*, а также *сайт*, *виртуальный*, *портал*, *веб-мастер*, *веб-дизайнер* и т. д.

Некоторое время назад интернет-сообщество активно изобретало новые слова не для особых интернетных явлений, а для чего-то вполне привычного, но помещенного в сеть. В этом была явно видна попытка сообщества отгородиться от обыденной жизни, переименовать по возможности все, потому что нечто в интернете – это совсем не то, что нечто в старой реальности. Поэтому возникли такие игровые монстры, как уже более или менее привычная *сетература* (вместо *сетевая литература*) или более редкое – *сетикет* (вместо *сетевой этикет*). Существует также слово *нетикет* (от англ. *net* – *сеть*).

Уже тогда можно было предположить, что они не приживутся в языке, если только интернетное сообщество не отделится окончательно от реального мира. Потому что сетература уж слишком плавно перетекает в литературу, чтобы обыденный язык позволил себе иметь целых два слова для на самом деле одного понятия. И отдельного сетикета вроде бы тоже не существует. Если же надо подчеркнуть идею “сети”, то можно использовать и словосочетание. В конце концов так и случилось. Наиболее талантливые писатели из интернета перекочевали на бумагу и из сетераторов сделались обычными литераторами, а соответствующие слова потеряли актуальность.

Но самым увлекательным был поиск слова для самоназвания любителей интернета. Разнообразие вариантов здесь необычайно велико (среди них, так сказать, и народные, и авторские): *сетяне*, *сетевые*, *сетенавты*, *сетевики*, *сетеголовые*, *новые нетские*. Большая часть из них образована с помощью игрового приема и основана на довольно прозрачной и опять же игровой аналогии. Аналогия в языке вообще играет чрезвычайно важную роль. *Сетяне* устроены так же, как *земляне* или *марсиане*. Метафора понятна: интернет сравнивается с отдельной (от Земли) планетой, его пользователи – с ее обитателями. Звучит только чересчур пафосно.

Примерно так же, как и *сетенавты*. Здесь, правда, метафора не планеты, но вселенной, а слово по аналогии с *космонавтами* и *астронавтами* называет мужественных путешественников в неведомое. *Сетевики*, наоборот, слишком жаргонно и подчеркнуто приземленно, да и закреплено, кажется, за конкретной специальностью. В *новых нетских* опять же слишком очевидна игра (новые русские), да и русско-английская гибридность помешала слову прижиться. Слово *сетеголовые* по своему устройству, пожалуй, самое сложное и отсылает к фантастической литературе: аналог – *яйцеголовые*. Наиболее нейтрально использование прилагательного *сетевой* в качестве существительного, но и оно встречается крайне редко.

Сегодня можно констатировать, что все эти слова уже забыты и вышли из употребления. Интернет-сообщество растворяется в человечестве, или, точнее, наоборот, человечество (в том числе говорящее по-русски) плавно вливается в интернет, и никакого особого интернетного общества не будет, а все будут существовать то в простой реальности, то в виртуальной. А в этом случае специального слова не нужно. Так думал я еще несколько лет назад, однако не мог предположить неожиданного поворота, который произошел в сетевом жаргоне совсем недавно. *Сетеголовым* не удалось отделить себя от остального человечества, и тогда с помощью специальных слов они отделили это “несетевое” человечество и “несетевую” жизнь от себя, то есть сделали именно всемирную паутину исходной, а реальный мир вторичным. Собственно, его так и называют – *реалом*: “Давай встретимся в реале!” Появились также глаголы, обозначающие переход именно из настоящего, то есть сетевого, в ненастоящий, то есть реальный мир. Не пора ли нам *развиртуализоваться*, – говорит обитатель сети другому (варианты – *развиртуализироваться*, *девиртуализ(ир)оваться*). Что означает – познакомиться в том, другом мире – мире № 2. Впрочем, есть пара слов, сохраняющих определенное равенство между этими мирами, – *оффлайн* и *онлайн*.

Так что еще не до конца ясно, кто в доме хозяин.

Улучшайзинг под контроллингом

Улучшайзинг – смешное слово, этакое слово-пародия на то, что происходит в русском языке. В нем не только английский суффикс *-инг*, который пока к русским глаголам все-таки не присоединяется, но и абсолютно бессмысленное *айз*, своего рода мимикрия под английский глагол. Увидев его, я сначала просто смеялся, а потом еще громко и долго смеялся, когда узнал, что это слово вполне употребительно (в интернете около десяти тысяч упоминаний). Впрочем, суффикс *-инг* становится настолько привычным, что скоро шутки по его поводу перестанут смешить.

В подобном заимствовании, вообще говоря, ничего исключительного нет. Трудно и просто невозможно представить себе русский язык без иноязычных суффиксов *-ер*, *-ор* или, например, *-изм* и многих других (*пенсионер*, *редактор*, *коммунизм*). В русских словарях уже лет двадцать – тридцать назад можно было найти несколько десятков слов с *-инг*, ну а сейчас в текстах их просто огромное количество. Как всегда, смешон не сам суффикс, не его заимствование, смешна мода на него. В результате моды появляется много лишнего и нелепого. Когда я впервые увидел слово *контроллинг*, я подумал, что это тоже шутка, как и *улучшайзинг*. Особенно остроумным казалось сочетание *учет и контроллинг* (впрочем, этот юмор понятен только тем, кто еще помнит советские клише). А потом я обратил внимание на то, что так называются вполне серьезные книги и конференции, что это слово включено в словари по экономике и его значение несколько отличается от смысла более привычного слова *контроль*. Ну ладно, раз слово заимствуют, значит, это кому-то нужно.

Однако уже на этом примере стала заметна совершенно побочная проблема, возникшая при массовом заимствовании слов с *-инг*. И относится она к области орфографии. Проблема эта одновременно и проста, и сложна. Сложность состоит в том, что ни одно из решений не является безупречным. Оба решения (а их всего два) просты, но нехороши.

Пора переходить к примерам.

Как правильно писать: *шопинг* или *шоппинг*, *контролинг* или *контроллинг*, *джогинг* или *джоггинг*? По-английски эти слова пишутся с удвоенной согласной, а вот глагол, от которого они образованы, только с одной (*shop – shopping*, *jog – jogging*). Удвоение в “инговых” формах происходит только для глаголов с кратким гласным звуком в корне, оканчивающихся на письме на одну-единственную согласную букву, то есть букву, обозначающую согласный звук. Это правило связано с особенностями английского произношения и никакого отношения к русскому языку вроде бы не имеет. Кстати, это же правило действует и перед другими суффиксами, начинающимися с гласной буквы, например, перед *-er* (вспомним *dig – digger* или актуальное *blog – blogger*). При заимствовании удвоенные согласные между гласными сохраняются, о чем свидетельствуют, в частности, такие давно привычные слова, как *спиннинг* или *спарринг*. Однако не все так просто, и в старых словарях можно встретить слова *фитинг* или *стопинг* (специальные термины), несмотря на то что в оригинале две согласных – *fitting* и *stopping*. А в самых новых словарях появляется слово *шопинг*, причем именно в таком виде, то есть с одной буквой *n*.

Итак, как это ни странно, есть два способа написания подобных слов. Рассмотрим их плюсы и минусы.

Преимущество написания с удвоенной согласной очевидно. Это просто – пиши, как в английском, и не ошибешься: там две буквы и в русском – две.

Чем же плохо такое написание? Тем, что, делая все по правилам, мы иногда получаем в русском языке очень странные пары явно однокоренных слов, пишущихся по-разному: *блог* и *блоггер*, *контроль* и *контроллинг* (*контроль*, правда, заимствовано значительно раньше и

из французского языка, но смысловая связь двух этих слов очевидна). При таком решении в русском языке появляется ранее ему не свойственное чередование в корне.

Второе решение состоит в том, чтобы писать в этих случаях одну согласную букву. Однако для того, чтобы отличать подобные случаи от других, надо знать английский язык. Скажем, *прессинг* или *толлинг*¹⁶ следует писать с удвоенной согласной (в английском так уже пишутся корни: *press* и *toll*). А вот все вышеупомянутые слова – писать с одной: *шопинг*, *джоггинг*, *стопинг* и так далее. Так же в соответствии с этим правилом нужно писать и *дигер*, и *трендсеттер*, и даже просто *сеттер*, ведь и порода людей, и порода собак связаны с глаголом *set*.

В действительности же происходит смешение этих подходов по следующему принципу. Если в русский язык заимствуется только слово с суффиксом, то оно пишется с удвоенной согласной, например, давние заимствования *спиннинг* или *спарринг*, ведь однокоренных слов *спин* или *спар* в русском нет (первое, правда, есть, но в физике, очень далекой от рыболовства области, так что со *спиннингом* его ничего не связывает). *Стопинг* же очевидным образом связан со словом *stop*. Еще любопытнее ситуация с *шопингом*. Я не уверен, что в русском языке есть слово *шоп*, но уж очень часто соответствующее английское слово мелькало на вывесках, и про одну согласную на конце многие запомнили. Некоторые на всякий случай пишут даже *банер* вместо правильного *баннер*, по-видимому, из-за интернет-жаргонизма *банишь*, хотя на самом деле между ними никакой связи нет.

Получается, что написание русского слова во многом зависит от того, сколько слов заимствуется из английского. А это, пожалуй, еще хуже, чем предыдущие способы, – хотя бы потому, что заимствование двух слов может разделять значительное время, а, следовательно, после заимствования второго придется менять ставшее привычным написание первого.

Короче говоря, авторы словарей и законодатели орфографических норм находятся в легкой растерянности. А что же в это время делать пишущим? Попробую дать совет (в неофициальном, так сказать, порядке). Лучше писать, как в английском, с удвоенной согласной, просто потому, что это правило проще и порождает меньше ошибок. Итак, *блог*, но *блоггер*, *трендсеттер* и *шопинг*. Поощадам только старые слова и термины, давно вошедшие в словари, просто из уважения к традиции.

Да, еще, забыл сказать. Никогда не следует писать *тренинг*. В английском ведь и в помине нет удвоенной согласной. Так что, как говорится, *тренинг*, *тренинг* и еще раз *тренинг*.

¹⁶ Замечу абсолютно не к месту и без всякой связи с темой. Просто не могу не поделиться воспоминаниями. Слово *толлинг* внезапно обрушилось на москвичей в 1999 году. На улицах города началась настоящая война на “полях” наружной рекламы. С одних щитов к ним взывала фраза “Запретить толлинг! Хватит грабить Россию!”, с других – “Запретить толлинг – разорить Россию”. И никто (я имею в виду нормальных людей) не знал тогда, что такое *толлинг*. Да и сейчас не знает.

Новелизируй это

Где-то с год назад мне в магазине попалась книжка Павла Санаева (автора чудесной повести “Похороните меня за плинтусом”). Книжка называлась “Нулевой километр”. Я с интересом начал листать ее и был не то чтобы разочарован, а скорее неприятно удивлен. Когда я поделился недоумением с кем-то из знакомых, я получил в ответ загадочную фразу: “Что ты хочешь? Это же всего лишь новелизация!” Так я услышал новое русское слово.

Появление нового слова, и это я повторяю снова и снова, – всегда событие. Но бывают события рядовые, нас не очень затрагивающие (ну, случилось и случилось, а нам-то что), а бывают события важные, наш мир существенным образом меняющие. Одно из таких важных событий произошло в русском языке совсем недавно, но его почти никто не заметил. Действительно, речь идет, по крайней мере на первый взгляд, о таком узкоспециальном слове, как *новелизация*. Вот написал слово, и спел-чекер тут же подчеркнул его на экране красным как несуществующее. Попробуем еще раз, но с двумя *л*. Опять красное подчеркивание. Может, и слова этого в русском языке еще нет и, следовательно, писать о нем преждевременно? Это подтверждается и тем, что оно отсутствует во всех словарях русского языка. Но для современного человека, да к тому же лингвиста, это ведь ничего не значит. Лезу в Яндекс. Он отказывается принимать слово с одним *л*, сам правит на два и выдает результат: 34 тысячи страниц. Я настаиваю, и в результате на “новелизацию” он тоже выдает результат: 13 тысяч страниц. Ну ладно, с удвоенной согласной еще разберемся, а пока 34+13 (итого 47 тысяч), считай, какое-никакое доказательство существования слова.

Итак, в чем же смысл возникновения такого слова? В том, что таким образом фиксируется переворот в привычном порядке вещей, или, точнее говоря, в привычной последовательности событий. Это слово заимствовано из английского, но при этом встречается далеко не во всех английских словарях. Оно образовано от глагола *novelize*, который означает “переделывать в роман”. Сначала речь шла о переделках в романы фильмов или сценариев. Позднее в романы стали переделывать не только фильмы (причем особого успеха достигали новелизации самых популярных сериалов), но и многое другое, в первую очередь ролевые и компьютерные игры, а также сюжетные шоу и прочее. Среди самых известных новелизаций стоит назвать огромную серию романов по “Звездным войнам”, значительно превосходивших по объему информации сами фильмы. Именно новелизации и позволили говорить об особой вселенной, лежащей в основе – фильмов.

Пора перейти к самому интересному. Что же за переворот фиксируется новым словом и в чем он состоит? Да в том, что порядок культурных событий меняется на противоположный, а вместе с этим меняется и их иерархия. Мы хорошо усвоили, что “в начале было слово”. В основе фильмов или спектаклей всегда лежал текст. Это мог быть рассказ, или роман, или текст, специально предназначенный для данного жанра (пьеса или сценарий). Часто пьесы и сценарии писались по романам. Приведу хотя бы два хорошо известных примера. Один из самых знаменитых в истории кино фильмов – “Унесенные ветром” – снят по не менее знаменитому роману Маргарет Митчелл (между выходом романа и фильмом прошло три года). И из нашей жизни: Михаил Булгаков написал пьесу “Дни Турбиных” по мотивам своего же романа “Белая гвардия”, а о самом процессе создания пьесы написал еще один “Театральный роман”.

Итак, нормальный, закрепленный в культуре процесс: от романа через пьесу к спектаклю, от романа через сценарий к фильму. И эта последовательность культурных событий закреплена в языке. Например, в русском есть такие слова, как *инсценировка* и *экранизация*, то есть процесс создания спектакля и фильма по художественному произведению, как правило – роману. Правда, булгаковская пьеса как раз считается самостоятельным произведением (с оговоркой “по мотивам”), но это так, к слову. Главным или, по крайней мере, исходным всегда был роман

(то самое “слово”). А нынешняя *новелизация* задает другое культурное направление. Исходным и главным является фильм, игра или какой-то другой пользующийся популярностью продукт, а роман оказывается вторичным, он относится к разряду “связанных товаров” (по-английски “tie-in”). Культурный переворот произошел, а слово его закрепило. У нас первые новелизации появились, по-видимому, в 90-е годы: это пиратские книжки, написанные по мотивам “их” мыльных опер. Правда, слово *новелизация* появилось позже и сегодня связывается с более качественным или, по крайней мере, не пиратским продуктом (“Бригада”, “Параграф 78”, “Нулевой километр”). Таким образом, культурная ситуация изменилась: в начале был фильм или игра (естественно, популярные), а роман – это их переделка, имеющая коммерческую ценность. Здесь, конечно, встает и еще один лингвистический вопрос: стоит ли “новелизатора” считать писателем, или он называется как-то еще. Это, впрочем, уже другая тема.

Теперь стоит вернуться к орфографии. Как же писать это слово? В английском, как мы видим, никаких удвоенных согласных нет, значит, и в русском быть не должно. Почему же написание с двумя *л* встречается гораздо чаще? Да потому, что в русском языке есть слово *новелла*, заимствованное когда-то из итальянского и означающее небольшую повесть или рассказ. Заманчиво считать эти слова однокоренными и писать корень одинаково. Но ведь все-таки *новелизация* – это переделка чего-то не в *новеллу* (то есть в рассказ), а именно в роман (*novel* по-английски). Так не только происхождение, но и значение разводят это слово с *новеллой*. Поэтому пишите это слово с одним *л* – *новелизация*! И не обращайтесь внимания на спелчекер, когда-нибудь научится.

Семейные ценности

После многих глав, посвященных названиям профессий и разным профессиональным жаргонам, хочется забыть о работе и подумать о семье. Слава богу, нам есть чем гордиться. В области терминов родства русский язык – один из самых богатых. Ну действительно, что, к примеру, в английском: *mother-in-law, father-in-law, daughter-in-law*?.. Сплошная юриспруденция, а не семья. Попробуйте перевести, скажем, *mother-in-law* на русский язык. Пока не станет ясно, о чьей матери – мужа или жены – идет речь, ничего не получится. И так почти с каждым словом. Наша же семейная лексика – повод для патриотизма. И для пессимизма тоже.

Дело в том, что она постоянно сокращается. Давно ушли и забыты такие славные – и когда-то, казалось, столь необходимые – слова, как *вуй, стрый, ятровь*. Вместо *вуя* и *стрыя*, например, мы теперь просто говорим *дядя*, пренебрегая важнейшим в добрые старые времена различием. Для нас теперь совершенно все равно, по какой – материнской или отцовской – линии это дядя.

Из остального лексического богатства часть слов, увы, прочно перебралась в так называемую пассивную лексику. Конечно, все слышали слова *золовка, деверь, шурин, свояченица, свояк, сват* и *сватья*, – но уже почти никто не помнит, что каждое из них значит. Да и тот, кто еще помнит, скорее скажет *сестра мужа* вместо *золовка* или *брат жены* вместо *шурин*. А уж то, что *свои* – это мужчины, женатые на сестрах, сейчас почти никому не известно. О пушкинской сватье бабе Бабарихе современного городского человека лучше не спрашивать. *Сватья* путают со *свахой* (которая к родству вообще отношения не имеет), а *сноху* – с *невесткой*, и лишь *тёща* с *зятём* благоденствуют – благодаря их вечному архетипическому конфликту, а главное – городскому фольклору на эту тему.

Итак, печальный итог. Сегодня мы активно используем лишь слова, связанные с ближайшим кровным родством: *мать / отец, сын / дочь, брат / сестра, дядя / тетя, племянник / племянница, внук / внучка, бабушка / дедушка*. Из того, что прежде называлось *свойством*¹⁷ (еще одно постепенно забываемое слово, означающее *родство* не кровное, а через брак), кроме *мужа* и *жены* используются лишь уже упомянутые *тёща* да *зять* и реже *свекровь* да *невестка*.

О чем это говорит? Прежде всего об изменениях, происходящих в нашей жизни и культуре. Огромная русская семья со сложной иерархией отношений и фиксированными ролями скукожилась до скромной ячейки общества, состоящей из родителей и их детей и (как правило, уже чаще приходящих) бабушек и дедушек. И где-то на периферии – родительские братья и сестры с их детьми. Большая же употребимость слов *тёща* и *свекровь* по сравнению с *тестем* и *свёкром* (кстати, не всякий напишет его правильно в именительном падеже!) свидетельствует о более активной роли женщин в семейных делах, не важно – положительной или отрицательной.

Консервативность языка проявляется в том, что он отражает все эти социальные изменения, – но с некоторым опозданием. Например, не отбрасывает окончательно устаревшую лексику, а сохраняет ее в пассивном словарном запасе как слегка размытое воспоминание о сравнительно недавнем прошлом – своего рода коллективное подсознание. А вдруг всплывет! Ведь вернулись же слова, связывающие людей посредством крещения: *крёстный* и *крестник* (и конечно, *крёстная* с *крестницей*) и даже более редкие *кум* да *кума*.

Запаздывает язык и в отражении некоторых новых ролей. В России, как и во всем мире, хотя и несколько позднее, распространилась новая форма брака – без регистрации, то есть постоянное совместное проживание, что порой сопровождается рождением и воспитанием детей. Как называть таких “*сожителей*”? Кавычки здесь поставлены неслучайно, потому

¹⁷ С ударением на последнем слог.

что вроде бы подходящее по смыслу слово в этой ситуации не используется, наверное, из-за отчетливой отрицательной оценки, явно неуместной по отношению ко все более входящему в норму явлению. Не подходит здесь и слово *любовники*, отмечающее лишь наличие физической связи и скорее отрицающее совместное проживание, и уж тем более – платоническое *возлюбленные*. Русский язык заимствовал английское слово *бой-френд* (кстати, *гёрл-френд* почти не употребляется, наверное потому, что женщинам важнее зафиксировать статус мужчины), однако использует его довольно избирательно. Применимо оно только по отношению к молодым людям и не обязательно означает совместное житье-бытье.

Остаются относительно новые и слегка расплывчатые значения слов *друг* и *подруга* (более редкое): “Это ее друг”. Насчет совместного проживания в этом случае тоже не вполне ясно, но, по крайней мере, постоянные отношения эти слова подразумевают. И все-таки подумайте сами. Прожив с человеком лет пять – семь и, например, родив от него ребенка, удобно ли сказать: “Это мой друг”. Боюсь, что язык не повернется. Кто же этот человек? Муж? А как же законный брак? И оказывается, что тут у русского языка, а вместе с ним и у нас, нет подходящего слова. Язык как бы замер в ожидании, чем разрешится эта ситуация. Получит ли она особый юридический и, главное, культурный статус, как во многих странах, что, безусловно, потребует специального слова? Или просто понятие брака расшатается так, что слова *муж* и *жена* станут применяться значительно шире, чем сейчас?

Отсутствие слов для нового и вроде бы важного явления оказывается не менее значимым, чем появление таковых. Оно подчеркивает неустойчивость, незакрепленность в культуре и тем самым неокончателность нынешней ситуации с браком и семьей. Что будет? Как говорится, поживем – увидим.

Шароварщики, уберсексуалы, трендсеттеры и другие породы людей

Новые слова показывают, что важного появилось в мире. И в этом смысле, пожалуй, самое интересное то, как мы называем самих себя, то есть какие новые названия людей появились в последнее время. По этим словам можно судить о том, какие человеческие типы оказываются в фокусе нашего внимания. Они также задают и некий новый взгляд на себя или, точнее, новый ракурс. Вообще названия людей помогают нам составить наш собственный обобщенный портрет, новые же названия добавляют в него новые черты. А ведь самое интересное для нас – это мы сами. Если подумать, как было бы интересно из этого океана новых названий выбрать самое новое, самое модное, ну вообще самое-самое... Попробуем!

Про профессии и так было сказано много, так что просто напомним: *хедхантер*, *фандрайзер*, *коучер*, *пруффридер*, *копирайтер*... И ведь это все не какие-то диковинные существа, а мы сами – обычные современные люди. Новые профессии заползают в наш мир в таком количестве, что мы уже радуемся, как старым друзьям, *дилеру* и *брокеру*, *дизайнеру* и *креатору* (хотя недавно рассказывали про них анекдоты), не говоря уж о главной профессии грядущего века – *менеджере*. Еще раз вспомню и его самоироничного двойника – *манагера*. Источник тот же – английский, а оценка – наша русская и только в русском языке существующая. Новые профессии в подавляющем большинстве – из английского, исключения редки и относятся к областям кулинарии, моды, ну и спорта (например, *сомелье*, *кутюрье*, *сумоист*). Даже когда вдруг встречаешь в интернете что-то очень знакомое, например *шароварищика*, выясняется, что он тоже пришел из английского. К шароварам эта профессия отношения не имеет, а обозначает программиста, создателя особых пробных программ, предлагаемых бесплатно, но, как правило, с ограничением времени действия или каким-то другим “недостатком” (от англ. *shareware*).

Кроме профессий есть еще много нового и интересного. На звание самого-самого претендуют, на мой взгляд, два очень модных словца – *блоггер* и *трендсеттер*. С *блоггером* (англ. *blogger*) понятнее – это человек, ведущий блог, то есть дневник в интернете. Мало кто помнит, что сначала-то был *web-log*, но потом, как говорится, *w* упало, *e* пропало, а *b* накрепко прилипло к *log*. Результат налицо. Кстати, пример другого игрового слова в интернете – *лжеюзер*, где *лже* означает вовсе не ложный, а *LJ* (*LiveJournal*), то есть опять же интернет-дневник.

Только входящее в нашу жизнь слово *трендсеттер* поначалу вводит в заблуждение, однако это не порода собак. Оно – воплощенная мода, модно само и к тому же называет модного человека, точнее, законодателя этой самой моды, стиля жизни и, не побоюсь нового слова, *тренда*.

В последнее время меня, пожалуй, больше всего поразил приход *даунишфтера*. Что это, кто это? Ах да, это тот, кто занимается *даунишфтингом*. Всем понятно? Вопросов нет? Ладно, объясню. *Даунишфтер* – тот, кто, так сказать, сбрасывает обороты (*downshift* – при вождении переключиться на более низкую передачу), отказываясь от престижной работы, доходов и бешеного ритма ради душевного комфорта. Вот и наши соотечественники оставляют высокие посты и на заработанные тяжелым трудом деньги живут где-нибудь в Таиланде или на Гоа. Ведь и вправду иначе, чем *даунишфтерами*, их и не назовешь.

Обзор не будет полон, если мы не обратимся к области взаимоотношений полов. Здесь, как это ни странно, все самое интересное связано с мужчинами. Рядом с недавними властителями дум – *метросексуалами* – теперь часто упоминаются образованные по аналогии *ретро-сексуалы* (обычные мужики, но красиво названные) и *техносексуалы* (они же, но помешанные на технике). Однако за их спинами уже виден будущий чемпион – *уберсексуал*, причудливая смесь английского с немецким (вспомните *убермения*). Только не надо спрашивать, что это такое, все равно не скажу. Разве что в качестве намека назову пару-тройку этих сверхмужчин:

Билл Клинтон, Джордж Клуни, Пирс Броснан (любят политику, вино, сигары)... Замечу лишь, что тенденция удручающая, большинство из этих “неосексуалов” как-то слишком самодостаточны и практически не нуждаются в женском обществе. А жаль.

Наблюдательный читатель уже обратил внимание, что и эти новые слова русским языком заимствованы. Это, пожалуй, самый яркий и, наверное, грустный пример того, что мы сейчас не создаем общественные, профессиональные и культурные отношения, а скорее заимствуем их вместе с соответствующими словами, то есть живем в условиях трансляции чужой культуры.

В основном, как мы видим, эти слова заимствованы из английского языка, что означает, что именно англоязычная культура служит основным источником и именно она может сегодня называться глобальной.

Не знаю, послужит ли читателю утешением, что в языке сохранилась по крайней мере одна патриотическая область. Это зона партстроительства и, соответственно, названия членов партий. Правда, в последние годы в России все так быстро менялось, что некоторые слова уже никто и не вспомнит. Кто такие *родинцы* и *жизненицы*? Или, скажем, *свободороссы*? Забыли? И, как говорится, слава богу.

Выборы без слов

Вот и я не буду напоминать вам о Российской партии Жизни и других безвременно ушедших от нас партиях, но обращусь к тексту, написанному мной в конце 2007 года перед выборами в Думу и опубликованному в журнале “Власть”, а также вспомню историю, с этим текстом связанную.

Вот собственно статья.

Второго декабря 2007 выборы в Государственную Думу, а мы еще не знаем, кого выбираем. Не в том смысле, что не определились с выбором, а в том, что не для всех партий есть подходящее название их членов. А ведь это важно.

Что мы, например, помним, о политической жизни начала 20 века вообще и Государственных думах того времени? Именно названия членов партий: *кадеты, трудовики, эсеры, октябристы, большевики, меньшевики* и прочая. И только историк подскажет нам, как назывались соответствующие партии: *Партия конституционных демократов, Союз 17 октября, Трудовая группа* и так далее.

Сегодня все наоборот. Названия партий известны и помещены в бюллетень для голосования. А вот с членами у них беда. Из 11 партий по-настоящему стабильно дело обстоит только у самой старой и устойчивой партии: коммунисты всегда остаются *коммунистами*, хотя официальное название их партии время от времени меняется. Конечно, коммунисты есть и в других странах, но именно говоря про наших, можно легко опустить название страны: просто коммунисты – это наши коммунисты.

Заметьте, с другими партиями этот фокус уже не проходит: так, членов партии ЛДПР в народе очень редко называют *либерал-демократами*, а, как правило, *ЛДПРовцами* (или *элдэп-ээровцами*). И это не случайно. Либерал-демократы для нас – это скорее все же британцы, носители соответствующей идеологии, а наши – это просто сотоварищи Жириновского, члены ЛДПР и, соответственно, *элдэпээровцы*. Поэтому, кстати, не менее популярно и название *жириновцы*, что вполне отражает иерархическую структуру партии.

Это касается и партии, не вошедшей в выборный список. Запрет названия НБП не сильно ударил по ее членам – они ведь прежде всего были *лимоновцы*.

Ситуация с членами СПС иная. Их порой называют – в соответствии с идеологией – просто *правыми*. Однако не менее часто это слово используется более широко, по отношению к любым представителям правой идеологии в нашей стране. Это может приводить к путанице, что не очень хорошо. Возможно, поэтому в речи и неофициальных текстах бытуют и *СПСовцы* (*эспээсовцы*), и даже *СПСники* (*эспээсники*).

Примерно так же обстоит дело с Аграрной партией. Ее членов обычно называют *аггариами*, хотя это слово прежде всего означает нечто другое – аграриями называют и крупных землевладельцев-помещиков, и просто специалистов по сельскому хозяйству и земледелию. Такая многозначность слова едва ли приятна партийцам: все-таки слово, обозначающее крупных землевладельцев, не слишком подходит для членов партии, защищающей интересы крестьянства. Однако никаких иных, в том числе разговорных, вариантов для членов Аграрной партии не существует.

Наоборот, для членов партии “Яблоко” имеется как раз только разговорный вариант – *яблочники*. Но здесь другого и быть не может: само название партии никакой отсылки к идеологии не содержит, а построено по игровой модели (ЯБЛ – первые буквы основателей партии).

От этих партий сильно отличаются два относительно новых политических проекта: “Единая Россия” и “Справедливая Россия”. Если судить только по названиям, мы имеем дело с почти близнецами. Названия эти построены по одной модели: в них полностью отсутствует отсылка к идеологии, а слово “Россия” дополняется важной и позитивной идеей: единства и

справедливости, соответственно. Для обозначения их членов были придуманы новые слова, и снова использовалась одна и та же модель: *единоросс* (с вариантом *единорос*) и *справедливоросс* (с вариантом *справедливорос*). Правда, в последнем случае длинное прилагательное спровоцировало возникновение еще одного – непредусмотренного – варианта: *справоросс*, а также аббревиатуры *эсер*, которая неожиданно вызывает переключку с социалистами-революционерами начала 20 века.

Еще одно отличие состоит в том, что для самой влиятельной на сегодня политической силы страны оппоненты придумали ироническую аббревиатуру с негативным оттенком – *ЕдРо*. Соответственно, и членов партии называют просто *едровцами* (или *ЕдРовцами*).

В выборном списке есть еще 4 партии. Но здесь остается только развести руками – слов нет.

Действительно, не называть же членов Демократической партии России *демократами*, а “Патриотов России” – *патриотами*. Поскольку уж они-то точно не являются главными представителями соответствующих идеологий даже в нашей стране. Слишком большие обязательства налагают на людей эти слова, слишком разными и сложными смыслами стали отягощены они за последние десятилетия. Вплоть до использования их в качестве ругательных. Конечно, для членов партии можно использовать название, образованное от аббревиатуры, то есть, говоря метафорически, пойти путем ЛДПР. И действительно, в интернете можно найти небольшое количество упоминаний *ДПРовцев* (или *дэпээровцев*) и совсем уж немного *ПРовцев* (или *пээровцев*). Крайне незначительное количество таких названий объясняется даже не тем, что про эти партии мало говорят (хотя и это, по-видимому, верно), а тем, что такое имя, образованное от аббревиатуры, почти никому не понятно (в отличие от тех же *ЛДПРовцев*). Ведь и сама аббревиатура в текстах весьма редка (гораздо чаще используется полное название или более понятное неполное сокращение, например, *Демпартия*) именно в силу малоизвестности и, тем самым, непонятности.

Еще удивительнее, чем использовать по отношению к членам этих партий слова *демократы* и *патриоты*, было бы называть представителей “Гражданской силы” просто *гражданами*. Правда, их так никто и не называет. Аббревиатуру, впрочем, тоже не используют. А создатели партии “Социальной справедливости”, по-видимому, и не имели в виду, что их как-то будут называть. Все возможные варианты – и разные аббревиатуры типа *пээсэсы* или *партсосы*, и наименование *социальные справедливыцы* – звучат одинаково нелепо.

Итак, некоторые партийцы остались без названия. В лингвистике есть закон: слова в языке появляются только для важных вещей и понятий. Нет слова – значит, нет необходимости в нем. Ну и ничего страшного. Выбираем-то молча.

На этом статья во “Власти” закончилась, и началась другая история. В интернете появилось что-то вроде открытого письма члена партии “Социальной справедливости”, обиженного моей статьей (причем не простого члена партии, а секретаря по информационной политике и связям с общественностью). Называлось оно “Партия социальной справедливости: Мы – справедливы!”. Прочитав некоторые фрагменты:

...уважаемый ученый сильно обидел мою Партию социальной справедливости. Рассуждая в статье о том, как называть членов той или иной партии, исходя из её названия, он никак не может подобрать название для членов нашей партии. Предлагаемые им названия – просто издевательство над русским языком.

Между тем директору Института лингвистики достаточно было попросить свою секретаршу позвонить в Партию социальной справедливости и задать этот вопрос. Ей бы с гордостью сообщили, что члены нашей партии называют себя просто – справедливы.

...Слово “справедлив” пока ещё отсутствует в словарях русского языка. Партия социальной справедливости дарит доктору филологических наук Максиму Кронгаузу возможность исправить эту несправедливость.

Это письмо, конечно, не нуждается в комментариях, но все-таки не удержусь. О, если бы словарный запас русского языка пополнялся таким замечательным способом! Я бы отдавал приказы своей секретарше (к слову сказать, у меня ее нет), она бы звонила в разные госучреждения, ей бы сообщали новые слова, и я бы записывал их в словарь. Ручаюсь, что Владимир Иванович Даль испытал бы и ко мне, и к современным лексикографическим технологиям наи-чернейшую зависть и, возможно, даже перевернулся бы в своем гробу.

А пока все обстоит не так. Прочтя письмо, я полез в поисковую систему и обнаружил, что слово *справедлист* встречается несколько десятков раз, используется либо членами партии, либо их ненавистниками. И этого бесконечно мало для того, чтобы считать, что слово *справедлист* вошло в русский язык. Так что я вынужден отказаться от подарка секретаря по информационной политике и связям с общественностью партии “Социальная справедливость”.

Герои и антигерои

В последние годы в России, как и во многих других странах, стали выбирать слова года. Иногда эти выборы проводит какой-нибудь журнал или сайт. Наиболее регулярно в последние годы выбирали слова года журнал “Большой город” и сайт “Imhonet”. Бывает, что выборы проходят в нескольких номинациях и выбирают, скажем, и слово, и анти-слово года. Понятно, что все эти выборы условны и мы не всегда уверены, что слово-победитель появилось именно в этом году, а не пару лет назад. Это скорее год распространения, известности, если хотите – славы, а не рождения. Очень часто в народном голосовании вообще побеждают слова типа *кризис* или *пожар*, которые, конечно, отражают главные события года, но с лингвистической точки зрения совсем не интересны.

Я хочу сейчас вспомнить нескольких своих фаворитов и нарисовать их портреты или хотя бы набросать их.

2007

Нано

Изначально – приставка, давно существующая в научной терминологии. С ее помощью образуются слова со значением одной миллиардной доли исходной единицы, например, *нанометр* или *нанограмм*. Происходит от греческого слова со значением “карлик”. В 2007 году, изменив значение и приобретя определенную самостоятельность, благодаря пропаганде нанотехнологий ворвалась в общеупотребительный лексикон. Могла бы считаться как героем, так и антигероем года. Из-за неразборчивости в связях – присоединяется к чему попало (*нанотрубки, нанороботы, нанокосметика, Нано сапиенс*) – признается антигероем. Из-за сходства звучания со словом *надо* неизменно обыгрывается в каламбурах, которые затем становятся газетными заголовками. Самый популярный, отмеченный по крайней мере в трех изданиях, – *Нано значит нано*. Окончательно испортила репутацию, поучаствовав в рекламе обувного крема: “Крем для обуви Киви производится на основе нанотехнологий”. Тем не менее имеет большие перспективы, если разберется, что нано, а что не нано (простите, не удержался).

Замкадье, замкадьши

Это слова из лексикона москвича, которые сообщают о нем больше, чем о предмете разговора. Он до отвращения высокомерен, самовлюблен, ну и все такое. В этих словах присутствует особый “московский” корень МКАД (Московская кольцевая автодорога), за пределами которой жизнь, по мнению того самого москвича, не существует. Хотя если есть замкадьши (жители Замкадьи), то существует. Но разве это жизнь... Вот как определяет Замкадье самая странная энциклопедия интернета Луркморье (www.lurkmore.ru): “Самый большой по площади регион *этой страны*, расположенный вокруг Москвы и отгороженный от нее МКАДом по всему периметру... Общепризнанной столицей Замкадьи является *Мухосранск*, по сути являющийся райцентром, наиболее близким к месту дислокации субъекта на территории Замкадьи”. В этом определении сосредоточены наши главные языковые комплексы, точки хронической ненависти и презрения к самим себе: *эта страна, Мухосранск* и слово того же стилистического ряда *Замкадье*. В этой связи я бы вспомнил еще одно слово из прошлого с такой же степенью презрительности к себе и отчуждения самого себя – *совок* (в значении “советский”).

Я понимаю, что за одно это слово “москвича” можно ненавидеть, но давайте помнить все же, что это карикатурный москвич. В любом случае вот вам еще два антигероя.

2008

Хипстер

Это слово-загадка, слово-призрак, слово-зомби. Оно мало кому известно и словом года может считаться только с большой натяжкой. Поэтому поподробнее.

8 сентября 2008 года журналист Юрий Сапрыкин написал статью о хипстерах, точнее, о посетителях пикника журнала “Афиша”, которых назвал хипстерами. Честно говоря, понять из этого текста, кто такие хипстеры, невозможно, и виноват в этом не Сапрыкин. В 1957 году Норман Мейлер написал эссе о хипстерах, которое называлось “Белый негр”. Мейлеровские хипстеры никакого отношения к посетителям пикника “Афиши” не имеют. Наши хипстеры носят лосины и челки, а мейлеровские нет. Мейлер пишет об их нонконформизме, воровстве и бродяжничестве и, что очень важно – об их искусстве выживания, а Сапрыкин – о модниках, молескинах и пленочных мыльницах. Никто не виноват. Просто слово *хипстер* чудовищно изменилось. Оно появилось в английском, по-видимому, где-то в тридцатых, стало актуальным в сороковых и пятидесятых (когда на него обратили внимание Мейлер и Керуак), потом благополучно сошло со сцены, но возродилось в девяностых и теперь означает совсем другую молодежную субкультуру, совсем других людей. Впрочем, может быть, не совсем других, может быть, это дети тех старых хипстеров. Нынешние хипстеры относятся к среднему классу, отклоняются от мейнстрима в сторону всего альтернативного и независимого (а куда еще можно отклоняться?), едят экологически чистую пищу и вообще являются вегетарианцами. Но главное – ни к чему особенно не стремятся. Пересадка слова на русскую почву изменила его еще больше. Пришлось забыть про экологию и вегетарианство. Наши хипстеры – это не группа людей, это даже не понятие, это некая не вполне определенная тенденция: быть вне политики, вне гламура, вне вранья и так далее, короче, просто быть, но быть именно здесь и сейчас, то есть оставаться современным. С одной стороны, быть вне мейнстрима, с другой стороны, не становиться маргиналом, фриком, не впадать в крайности. Отгораживаться не чудачествами и отличиями, а, наоборот, похожестью, попросту говоря – оставаться в середине. Идея выживания в цивилизации хоть и переродилась, но все-таки сохранилась.

И здесь мы переходим к главному. Давно отмечено, что в любом языке есть много способов назвать отклонения, периферию и почти нет возможности обозначить середину, или, если хотите, центр. Есть панки, готы, скинхеды и прочее-прочее, но нет отдельного слова для, как бы это помягче сказать, обычного человека (кроме разных негативных названий типа *обыватель*). Язык рождает его в муках и часто неудачно. Более того, не всегда это слово нужно, просто потому, что эта середина не вполне оформлена и не ощущает себя как нечто целое и единое. Иногда слово вбрасывается раньше, чем это происходит. Так было со *средним классом*. Среднего класса еще не было (да и до сих пор как единого класса, пожалуй, нет), а уже вовсю обсуждалось, что это такое в России. Появилось даже игровое и унижительное название для него – *мыдло*, возникшее из смешения русского слова *быдло* и английского *middle* (*middle class* – “средний класс”). Мне кажется, то же произошло и с *хипстером*. Нет у нас этого класса, есть только помянутая выше тенденция отталкивания. И поэтому слово, брошенное журналистом, не название группы людей, или, если угодно, человеческой породы, а попытка эту породу вывести, эту группу оформить. Попытка, скорее всего, неудачная (из удачных вспомню только *нового русского*). Вполне вероятно, что слово *хипстер* в русском языке не задержится. Но знаковым оно для 2008 года, безусловно, стало.

2009

Черкизон

Жаргонное название огромного вещевого рынка на востоке Москвы (Черкизовский рынок), существовавшего с начала 1990-х годов. Его называли “черной дырой”, где живут и работают, практически не покидая его, нелегальные мигранты, где торгуют контрабандными товарами, где не действуют законы, а действуют понятия. Иначе говоря, Черкизон был государством в государстве.

Некоторые слова актуальны всегда, а некоторые вспыхивают ненадолго, но горят ярко. Таково и слово *Черкизон*. Оно, конечно, появилось раньше 2009 года, но многие услышали его именно в этом году после закрытия рынка (и я в том числе). Страшноватое слово. За ним мерещится Зона, хотя, скорее всего, это случайность, так сказать, народная этимология. В 2010 году по телевизору был показан посвященный рынку сериал “Черкизона. Одноразовые люди”, где эта Зона уже стала явной. А еще слово *Черкизон* сразу же стало моделью для порождения новых слов. В этом же году появилось слово *Люблизон* от названия Торгового центра в Люблино, куда потянулись бывшие обитатели Черкизона. В общем, тяжелое слово, но харизматичное. То есть аура мощная, но черная, мрачная.

Газпромскрёб, газоскрёб

Еще два слова с социальным подтекстом. Народные названия небоскреба, который проектировался Газпромом в Охте в Санкт-Петербурге. Они выражают очень яркую и ироничную оценку этого проекта, вызвавшего мощное протестное движение в городе. Слова основаны на игровом принципе, который, как вы уже поняли, весьма характерен для русского языка. На одном из форумов в интернете я столкнулся с еще более эмоциональным названием *Охты-ж-мать-твою-скрёб*. Ну как тут не восхититься творческим потенциалом нашего языка!

2010

Огнеборцы

Российские пожары жаркого августа 2010-го имели и лингвистические последствия. По-видимому, из профессионального жаргона пришло ранее неведомое широким массам слово *окарауливать*, что означало окапывание пожаров, окружение рвами с целью удержания на определенной территории: *Сотни добровольцев продолжают тушить остатки лесных пожаров и окарауливать горящие торфяники в Подмоскowie*. Из далекого прошлого возродилось, правда ненадолго, слово *рында*, название судебного колокола, произошедшего от того, что морскую команду *ring the bell* интерпретировали как *в рынду бей*. Краткое же возвращение *рынды* в живой русский язык случилось благодаря блоггеру *top_lar*, который потребовал (с использованием ненормативной лексики) для лучшего оповещения о пожарах вернуть в деревню, где он временно проживал, эту самую рынду: *Верните мне... мою рынду... и заберите свой телефон...* Ну а если уж совсем честно, то благодаря неожиданной реакции премьер-министра, распорядившегося ее вернуть. Однако лично мне больше всего нравится “былинное” слово *огнеборцы*¹⁸, легко вошедшее в обиход и обозначающее как профессиональных пожарных, так и добровольных тушителей огня: *Добровольные огнеборцы Подмоскowie*. Справедливости ради следует сказать, что еще в 2003 году появился сериал “Огнеборцы”, посвященный героической жизни пожарных. Но кто ж его тогда смотрел-то?!

Бунт хорьков

Это еще одно социально окрашенное выражение, которое состоялось в результате коллективного творчества представителей органов милиции (ныне полиции), народа и журналистов. На митинге в Петербурге 31 июля некий милицкий прапорщик, участвующий в разгоне митинга, назвал митингующих (опять же с использованием ненормативной лексики) *хорьками*. *Хорьки, ...кому ещё?* Позднее из-за жемчужного браслета (или четок) на правой руке он был назван *жемчужным прапорищиком*, а еще через некоторое время установили его имя. В августе журналист “Эха Москвы” Матвей Ганапольский начал вести рубрику “Бунт хорьков” (название которой все-таки подсказал безымянный слушатель). Слово *хорьки*, как и *замкадьши*, харак-

¹⁸ Или сказочное, особенно если вспомнить *мракоборцев*, появившихся в русском переводе сказок о Гарри Поттере (англ. *aurors*).

теризует и даже разоблачает говорящего, раскрывая его отношение к называемым этими словами людям. Журналист же саркастически (самоуничижительно) использовал название мелкого животного по отношению к себе, своим коллегам и слушателям, рассматривая себя как бы глазами власти. Слово *хорьки* в данном употреблении обозначает безгласный народ, бесправную массу и очень похоже на слово *быдло* (ср. еще *совок*), точно так же в большей степени характеризующее говорящего, чем предмет речи.

Лайк

Ну и наконец – о приятном. Социальные сети, а особенно *Facebook*, завоевали мир и Россию. Марк Цукерберг (точнее, Зукерберг) – создатель *фейсбука* – спорил с Джулианом Ассанжем – создателем *Викиликса* – за право считаться человеком 2010 года по версии журнала “Time”, а *Facebook* и *Wikileaks* были в этом году самыми популярными новыми словами в английском языке. Но эти слова все-таки по существу имена собственные, то есть жестко привязаны к конкретному явлению, в данном случае – сайту¹⁹, и поэтому нам милее новое русское слово *лайк* (от англ. *like*), вместе с фейсбуком ворвавшееся в русский язык. Самое интересное, что в русском интерфейсе фейсбука оно было переведено с помощью глагола *нравиться* (*мне нравится, такому-то нравится*), но кнопку по-прежнему продолжают называть заимствованным существительным. *Лайк* вступает в различные словосочетания, например *словить лайки*, и обростает родственниками: *лайкнуть, лайкануть, облайкать*: *Облайкайте меня, плиз, хочу часы выиграть...*

Определить значение *лайка* (то есть с содержательной точки зрения, а не просто как нажатие кнопки) в действительности не так просто. Означает ли он, что сообщение (*статус* по-фейсбучьи) нравится читателю? Или читатель просто одобряет и поддерживает “писателя”? Или присоединяется к его мнению? В социальной сети до сих пор ведутся споры о том, можно ли употреблять *лайк* по отношению к неприятным и особенно трагическим сообщениям (например, о смерти).

Но легкое непонимание не мешает активно использовать все эти однокоренные слова. И как поет рыжая девушка из Козьмодемьянска (ролик выложен в интернете): “Кого хочешь лайкай, а люби меня...”

¹⁹ Тем не менее я рискнул написать *фейсбук* со строчной буквы, поскольку это стало очевидной тенденцией – особенно среди пользователей самого фейсбука. На самом сайте и в официальных текстах по-прежнему предпочитается написание с прописной буквы – *Фейсбук*. Во многом этот процесс напоминает то, что происходило и происходит со словом *интернет*.

Глупые числа – 1234...

В названии должно быть число. Это правильно. Это мейнстрим. Ну вот, например, за весь прошлый век я помню только одно название, целиком состоящее из года. Это знаменитый роман Оруэлла „1984”. А в нашем только начавшемся веке уже появилось по крайней мере три романа русских авторов: „2008” С. Доренко, „2017” О. Славниковой и „2048” Мерси Шелли²⁰. Да еще фильм Вонга Карвая „2046”, да еще телепередача А. Гордона „2030”... Если отвлечься от дат, то можно вспомнить наши новые фильмы „4” (режиссер И. Хржановский) и „977” (режиссер Н. Хомерики) и американский сериал „4400”, роман В. Сорокина „23 000”, фильм Н. Михалкова „12” и многое другое. И поверьте, этим дело не кончится.

Мода на число – это мировая тенденция, и казалось бы, при чем тут русский язык. Именно поэтому надо сразу сказать две вещи. Во-первых, мы, русские, больше многих других наций (американцев, немцев и прочих шведов) любим порядковые числительные. Там, где по-английски или по-французски используется количественное, по-русски часто предпочитается порядковое. Для тех, кто не помнит грамматики, поясню. Скажем, в королевском имени *Ричард iii* мы прочтем число как “третий”, а не как “три”, автомобиль “*Москвич-407*” называем “четырееста седьмым”, а “*Мерседес-600*” – шестисотым. Ну и так далее.

Сегодня же в русском языке количественные числительные теснят порядковые. Так – и это во-вторых – в русском языке стала очень популярной особая конструкция, включающая в себя число, которое следует читать именно как количественное числительное.

Я открываю в журналах и газетах раздел, посвященный развлечениям, и вижу: галерея А-3, клуб Б2, спектакль “*Доктор-шоу, или Кабаре-03*”, коктейль Б-52, выставка *Электронный вуду-2*, телевизионная передача “*Кремль-9*”, концерт “*Скажи Ой 2*”, авиакомпания S7, “*Радио 7*”, романы, фильмы, сценарии и т. д. “*Одиночество-12*”, “*Параграф 78*”, “*Убежище 3 / 9*”. И повсюду количественные числительные. Откуда это все взялось?

Надо сказать, что в русском языке уже была подобная синтаксическая конструкция, но с ее помощью назывались, пожалуй, только три определенных вещи:

- Механизм и номенклатура: (танк) *Т-34*, (самолет) *Ту-134*, (телевизор) *Темп-3* и т. п.
- Событие, или место, и год: *Олимпиада-80*, роман В. Войновича “*Москва 2042*” и т. п.
- Населенный пункт и номер: *Армавир-9*, *Арзамас-16*, *Горки-10*, *Шереметьево-2* и т. п.

Сегодня же так может называться что угодно: от коктейля до романа, от клуба до авиакомпании. Расшатываясь и расширяясь эта конструкция стала под влиянием английского языка. Приведу только самые известные давние примеры: роман Дж. Хеллера “*Уловка 22*” (в другом переводе “*Поправка 22*”), вещество “*Лед 9*” в романе К. Воннегута, гонки “*Формула 1*”, так называемые сиквелы (продолжения фильмов) “*Крик 2*”, “*Пила 2*” и т. п., а также знаменитый *агент 007* – Джеймс Бонд. Именно названия фильмов и составили ту критическую массу, после которой стало позволено все. Само это явление уже пародируется в юмористических текстах, например в журнале “Крокодил”, пережившем новое рождение и новое забвение: *Сбылась мечта-3*, *Дедушка возвращается-2*, *В глубокой заднице-8*. Один из самых чутких к моде писателей В. Пелевин публикует роман “Числа”, где эта конструкция становится судьбоносной.

²⁰ Кроме них, следует упомянуть названия произведений, включающих в себя указание года, но распространенных за счет других слов: роман Д. Глуховского “*Метро 2033*”, а также книги А. Барикко „1900. Легенда о пианисте” и В. Войновича “*Москва 2042*”. В двух последних происходит как бы перекрещивание дат публикации и собственно действия. Название романа Барикко отсылает к двадцатому веку, а сам роман издан в двадцать первом. Напротив, роман Войновича опубликован в двадцатом веке, но его название отсылает к двадцать первому.

Роман в целом как раз и посвящен роли чисел в жизни современного человека. По существу, в нем предлагается некая концепция этой роли, а по ходу действия происходит постоянная игра с числами. Можно привести один, пожалуй, самый яркий пример. Все главы помечены числами, но это не порядковый номер главы, а скорее ее название (за исключением, возможно, первой главы). Во второй по порядку главе 17 речь идет о семнадцатом дне рождения. В следующей главе 43 – о числе 43 и т. п. Название же 34 встречается в романе неоднократно.

Одна из основных коллизий романа заключается в поиске героем хорошего числа, которое смогло бы защитить его, а также во взаимодействии выбранного им числа с другими числами, хорошими и плохими, и числами других людей.

Таким ангелом-хранителем для героя после долгих размышлений становится число 34. В этом решении его укрепил и случай в кино, когда на спинке кресла он увидел надпись:

Перед ним чернела жирная надпись несмываемым маркером: “сан-34”. Что такое “сан”, он не знал – может быть, группа в каком-нибудь учебном заведении или что-нибудь в этом роде. Зато он хорошо знал, что такое „34” <...> После этого случая стало окончательно ясно, что пакт, о котором он мечтал с детства, заключен.

Вот так ключевую роль в жизни героя романа сыграла надпись на спинке кресла в кино-театре – сан-34. Герой переосмыслил ее, наполнив число своим собственным содержанием. И это чрезвычайно важно.

Вкратце основные принципы “новой нумерологии”, по Пелевину²¹, таковы.

Во-первых, в отличие от нумерологической традиции, она оперирует большими числами (двузначными) и потому не имеющими устойчивых культурных коннотаций.

Во-вторых, сама связь числа и явления в “новой нумерологии” культурно никак не обусловлена. Более того, можно говорить о произвольности и даже натянутости этой связи. Подгонка события под число или вычитывание числа из события в интерпретации персонажей романа кажутся абсурдными и смешными. “Новая нумерология” по существу является пост-модернистским издевательством над традиционной нумерологией.

В-третьих, несмотря на произвольность и абсурдность, “новая нумерология” работает как некая прикладная наука, или, иначе говоря, как руководство к действию. Такое руководство дает определенный положительный эффект, и не только психологический. Абсурдность “новой нумерологии” противостоит абсурдности современного мира и помогает упорядочить его некоторым, пусть случайным, образом.

В жизни, а точнее, в сегодняшнем языке действительно происходит нечто очень похожее. В современных названиях число иногда получает совершенно понятную интерпретацию, например в “Кабаре-03” число отсылает к номеру скорой помощи, а в галерее А-3, по-видимому, к формату бумаги. Но порой появляется множественность смыслов. Скажем, в случае “Радио 7” это можно интерпретировать и как радио на семи холмах, и как трансляция семь дней в неделю (в соответствии с разными рекламными слоганами). А в одной радиопередаче, посвященной авиакомпаниям, был объявлен конкурс на лучшую интерпретацию сочетания “57”, что фактически подразумевало, что у владельцев компании такой интерпретации либо нет, либо они готовы ее дополнить другими. Интересно, что одной из лучших была признана интерпретация числа 7 как количества континентов или частей света, куда летают самолеты компании, что, безусловно, неверно. Традиционно выделяются шесть континентов и шесть (реже семь)

²¹ Точнее, конечно, было бы говорить о художественной концепции связи чисел и человеческой жизни (событий, характеров, друзей и врагов), которую автор создает как бы в соавторстве со своими персонажами и к которой сам В. Пелевин относится в целом издевательски, но все же отчасти сочувственно, что видно хотя бы из последней цитаты.

частей света, но в любом случае известно, что в Антарктиду самолеты данной компании не летают.

Наконец, в качестве логичного завершения этого процесса происходит обесмысливание числа в названии. И здесь опять стоит обратиться к художественной литературе. Название модного романа *“Одиночество-12”* его автор А. Ревазов объясняет словами своих героев, между которыми происходит следующий диалог.

- Вот и создалась концессия, – сказал Антон.
- Надо как-то ее назвать, – предложил я.
- “Дейр-Эль-Бахри”, – предложил Матвей. – Жестко. Seriously.
- Seriously, но хрен выговоришь, – возразил я. – Давайте лучше “Одиночество”. Это слово мы еще не расшифровали.
- Слишком грустно, – покачал головой Матвей. – И не круто.
- “Одиночество-12”, – сказал Антон. – Грусти – меньше, крутизны – больше.
- Почему 12?
- Просто так. Лучше звучит. Как *Catch 22*. Или Ми-6. И вообще, двенадцать – счастливое число.

Все согласились, хотя Мотя проворчал, что ему это больше напоминает не Ми-6, а Горки-10.

Для числа 12 вообще не предусмотрено никакой интерпретации. Появляется же оно в названии совершенно случайным образом, для “крутости”, а фактически “под иностранным влиянием”, точнее, под влиянием соответствующей английской конструкции, что подтверждается упоминанием романа Дж. Хеллера *“Catch 22”* (он же “Уловка 22”) и английской разведки *Ми-6*.

Вот и объяснение всему. Если говорить ученым языком, то сначала происходит семантическое опустошение числа, когда первоначальное значение либо постепенно утрачивается, либо изначально неизвестно адресату текста. В предельном случае оно и не предполагается, то есть цифровую запись можно рассматривать как иероглиф, используемый только ради его звучания, но не значения.

Если же совсем просто, то под влиянием английского языка в русском стало расширяться значение конструкции с числом. И расширилось до того, что число фактически потеряло смысл, стало своего рода крутым атрибутом или аксессуаром, красивым и модным украшением в названии.

Николай Гумилев когда-то написал:

А для низкой жизни были числа,
Как домашний подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умною число передает.

В последнее время числа несколько поглупели, по крайней мере некоторые из них. Зато получили доступ в высший свет.

Пункт приема потерянных слов

Как-то в Хельсинки я заглянул в музей истории и некоторое время бродил по залам, отстраненно любуясь предметами старины, пока не увидел телефон. Почти такой же был у нас дома, с большим диском и большой грубой трубкой. Рядом с музейным телефоном стояла пишущая машинка “Ундервуд”, такая же, как у моего отца, и еще старая и задрипанная детская коляска. Это оказался зал двадцатого века, а в нем вещи, с которыми я когда-то жил и которых больше нет вокруг. Только в музее истории.

Увы, для слов не существует музеев. Мы яростно спорим, хорошо это или плохо, что в русском языке появляется так много новых слов, и совершенно не обращаем внимания на то, что тем временем другие слова постепенно исчезают. Конечно, об исчезновении слов всем известно, и любой мало-мальски образованный человек засыплет меня примерами: *смерд*, *чело*, *десница*, *засим*, *вечерять*, *токмо*, *паче*... Но это все мертвые слова, которые мы никогда не используем в обычной речи, а в современных словарях, если они туда попадают, им сопутствует помета “устаревшее”. В несуществующем музее слов их следовало бы поместить в какие-то первые залы. Гораздо интереснее посмотреть на слова, уходящие из языка в двадцатом и двадцать первом веках, попросту говоря, на наших глазах.

Легко сказать “посмотреть”! А как это сделать? Как понять, что слово действительно уходит? Проще всего обстоит дело со словами, называющими утраченные вещи или понятия. Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что из языка ушли многие советизмы: от фельетонного *несуна*²² до идеологических *субботника* или *парторга*. На смену *многотиражкам* пришли *корпоративные издания*, а *партсобрания* были вытеснены *корпоративными вечеринками*. Те, кто старше сорока пяти (то есть в 85-м были уже взрослыми), конечно, помнят эти слова, те, кто моложе тридцати пяти, – вряд ли. Впрочем, некоторые из этих слов остаются в языке где-то на периферии – для обозначения “той жизни”.

Давно ли мы перестали писать чернилами? Я помню, какое облегчение я испытал, когда нам в школе разрешили писать шариковой, а не чернильной ручкой. А ведь это была огромная культурная потеря, повлекшая за собой постепенный уход из языка многих важных слов.

Главное слово этой группы, конечно же, *чернила*. Оно еще не забыто, но в текстах встречается все реже. Еще менее употребительны в современных текстах такие слова, как *чернильница* и *перо* (в значении письменных принадлежностей). Последнее уже скорее не ассоциируется с письмом. Слово же *перочистка* уже совершенно забыто (как и сам предмет), а слово *пресс-папье*, по мнению современных школьников, обозначает предмет из “глубокой старины”, не вполне понятного назначения.

Лично мне очень дорого “старинное” слово *промокашка*, обозначавшее совершенно необходимую для школьников 20-го века вещь. Промокашкой – специальным листочком бумаги, впитывающим влагу, – не только промокали чернила, на ней писали записки, которыми перекидывались в классе, ее разрывали на маленькие кусочки, пережевывали, запихивали в трубочки и плевались, то есть использовали как особое школьное оружие. Сегодня промокашек не существует, и мне жаль современного школьника.

Жаль его еще и по другой причине. Ведь он скорее всего не вполне представляет себе, что такое *клякса*. С потерей зрительного образа кляксы теряется и возможность интерпретировать различные метафорические переносы, возникающие, в частности, при использовании этого слова в качестве имени собственного. Достаточно вспомнить название детского фильма Р. Быкова “Автомобиль, скрипка и собака Клякса” или книгу польского писателя Я. Бжехвы

²² Любопытно, помнит ли (знает ли) читатель, что это такое. Так в советских фельетонах называли человека, воровавшего (“уносившего”) с собственного предприятия его продукцию.

“Академия пана Кляксы”, а также клоуна Карандаша и его собаку Кляксу. Понять, какую собаку можно назвать *Кляксой*, а какую нельзя (или, по крайней мере, нелепо), или почему пан Клякса получил такое имя, не удастся, если зрительно не представлять себе кляксу. Невозможно, недопустимо назвать немецкую овчарку *Кляксой*! А вот для маленькой черной лохматой собачки такое имя замечательно подойдет. Механизм метафоры перестает работать, когда исчезает его опора, образ, от которого отталкивается говорящий.

Слова уходят не только вместе с вещами, но и сами по себе. Трудно поймать момент их ухода, еще труднее предсказать его. Тут мне не поможет профессия лингвиста, потому что пока лингвисты не умеют фиксировать это довольно условное прощание слова с языком. Попробую опереться на свою интуицию, хотя и понимаю, как это субъективно. Назову несколько слов, которые, как мне кажется, еще используются, но только теми, кто постарше. А это значит, что они на пути к исчезновению.

Я давно уже не слышал от своих знакомых слова *получка*, а ведь раньше жизнь измерялась *от получки до получки*. И сейчас, в начале 21 века, сама *получка* как реалья сохранилась. Однако вместо этого слова используются другие слова. По-видимому, в *получке* было заложено что-то социально важное: процесс выдачи денег (как правило, два раза в месяц), очереди у кассы, раздача долгов, – все то, что бесследно (хочется надеяться) исчезло из нашей жизни.

Сегодня собственную интуицию я могу хотя бы отчасти подтвердить, обратившись к Национальному корпусу русского языка, который помещается в интернете, содержит всевозможные тексты разных лет и даже разных веков (не только художественные, но и газетно-журнальные, и некоторые другие, например из частной переписки) и позволяет производить определенные статистические выкладки.

Поиск примеров со словом *получка* в Национальном корпусе русского языка дает такие результаты²³:

найденно текстов: 322.

При этом последние употребления отмечены в 2004 году, а начиная с 2001 года отмечено всего 53 текста с этим словом.

А вот как обстоит дело со словом *зарплата*, являющимся синонимом *получки*:

найденно текстов: 2974, а начиная с 2001 года отмечено 2084 текста с этим словом.

Очевидно, что слово *зарплата*, появившись после революции, продолжает свое благополучное существование, а слово *получка*, использовавшееся еще в 19 веке, резко снижает частоту появления в текстах, то есть потихоньку уходит из языка.

Не слышу я и таких слов, как *посиделки* и *междусобойчик* (в значении праздника для своих). По-моему, их нет в речи молодых людей. Может быть, их заменила *тусовка*? Мне почему-то *посиделки* милее, как-то камернее и домашнее, не считите за старческое брюзжание. Кстати, мы теперь и не *чайвничаем*, хотя чай пить вроде не перестали.

Часто уход слова никакими теориями и социальными сдвигами не объяснишь. В начале этой главы я употребил слово *задрипанный*, но ведь так тоже сегодня не говорят. А *задрипанных* или, скажем, *замурзанных* вещей вокруг сколько угодно. Почему-то исчезло из употребления в качестве ответа на вопрос слово *отнюдь*, еще недавно популярное в узких кругах: *Ну что, теперь ты довольна? – Отнюдь*.

²³ Здесь важно учитывать, что распределение текстов по годам в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru) неравномерно, так что следует оценивать прежде всего сопоставительные цифры по разным словам. Кроме того, Корпус постоянно обновляется и указанные цифры верны для августа 2010 года. В другое время статистика, видимо, будет несколько иной.

Особенно интересно обстоят дела с человеческими отношениями. О сокращении терминов родства я уже писал. Но вот слово *приятельница*, обозначающее дружеские отношения между взрослыми женщинами. То ли нынешние девушки, те самые двадцатипятилетние, еще просто не выросли (и у них все еще *подруги*), то ли с *приятельницей* придется попрощаться (в отличие от вроде бы похожего на нее *приятеля*). В общем, в нынешнюю унисекс-эпоху особым женским словам приходится туго. Незаметным стало слово *земляк*, видимо, в эпоху глобальных перемещений исходный пункт все меньше связывает людей. Уход слова не трагедия, но всегда потеря – потеря смысла и некоторого особого взгляда на мир.

Любой читатель может поспорить с моим списком и предложить свой собственный. У нас у каждого свой слух и свой языковой опыт. Хорошо было бы открыть пункт приема уходящих слов, потому что иначе, как всем миром, нам их не собрать. А потом создать музей, хотя, как я уже сказал, для слов не бывает музеев.

Зато есть словари. И может быть, когда-нибудь мы увидим словарь русских слов, исчезнувших в нашу смутную эпоху. Боюсь, что он будет довольно толстым.

Поговорим об этом вместе

В 2006 году моя статья про уходящие слова вышла в газете “Ведомости” и вызвала огромное количество откликов в интернете на форуме газеты. Кто-то спорил со мной, кто-то друг с другом, но в основном все вспоминали разные уходящие или ушедшие слова. Интересных примеров было так много, что в конце концов мне стали прозрачно намекать о необходимости совместных исследований, публикаций или хотя бы просто благодарности за помощь. Конечно, я не могу привести здесь всю дискуссию, но самые, на мой взгляд, интересные, а может быть, забавные реплики я процитирую²⁴.

Semar

...гы, вы у проституток спросите пользуются ли они термином “субботник”: –)))

Scally

Вот оно, значит, как... мне еще жить и жить до 35ти, но слово “отнюдь” – мое любимое. Часто его употребляю в разговоре вместо “нет”. На мой взгляд, оно более звучное и более убедительное. Не брезгую словами “приятельница” и “посиделки”. И периодически слышу их от своих ровесников.

ex-ibmbcs

“ударник”

“рабфак” (хотя в МГУ до сих пор упорно называют подготовительный факультет “рабфаком”)

“косынка” (теперь у нас носят “банданы”)

Сapoeirista

Недавно с друзьями заметили, что слишком часто стали употреблять слово “прикольно”. Решили, что это не правильно. Теперь пытаемся заменить его хорошо забытым слово “баско”.

ex-ibmbcs

Да, помню такое словечко по школьным временам. Только смысл все же немного другой.

Сapoeirista

Да, “баско” – значит красиво. Но мы употребляли его как синоним слову “клево”. Клево сейчас используем только применительно к рыбалке.

s_o_smirnov

У нас в деревне так говорили, например, баская девушка, баский платок. А вы случайно не из Вологды?:)

NataNK

используют “баской” в Сибири. Моя бабушка так говорила. И мама иногда употребляет, но уже “в кавычках”, понимая, что слово устаревшее. И в сельской местности до сих пор употребляют, чаще слышала по отношению к урожаю: “морковка баская такая” (т. е. крупная, сочная, хорошая), произносится с растягиваниям и усилением второго слога. Слово имеет сильную эмоциональную окраску. А у другой моей бабушки картошка на огороде росла “обламучая”, только ни от кого я такого слова больше не слышала.

²⁴ Я старался не менять орфографию и пунктуацию, но все же явные опечатки поправил, просто чтобы было легче читать. И кое-где подсократил реплики.

ex-ibmbcs

А еще есть ушедшее слово “лимитчик”. Хотя нет-нет, а употребляют презрительное “лимита”. Впрочем, есть слова, которые пока не ушли из нашего лексикона, хотя очень хотелось бы: “понаехали”, например.

s_o_smirnov

Из этого же советского прошлого – “толкач”. А порой уходят не только слова, термины, но и фамилии. Лет семь назад мой сын принес из детского садика старую детскую считалку-дразнилку: “Улица Ленина, дом короля, кто обижается – сам на себя”. Но Ленин он произносил как Левин. Когда я попробовал его исправить, он ответил: “Папа, такого слова Ленин – нет!”

ex-ibmbcs

А помните слова “фарцевать”, “фарцовщик”? И еще: “барыга”. Последнее, правда, приходится все чаще использовать сейчас. Например, как еще назвать спекулянтов, которые на вокзале “барыжат” билетами в тот же Питер? Самое смешное, они в ответ на прямое употребление слова “барыга” в их адрес говорят: “да назови нас как хочешь, только деньги плати”...

Вальдман

Еще спекулянты исчезли. Мироед еще слово было; -) Пропесочить.

ex-ibmbcs

Вот не знаю, подскажите насчет слова “авоська” – ими кто-то еще пользуется?! Помните, такие из тонких веревочек сетчатые сумки?! И куда исчезли из магазинов “рогалики”?!

Рыск

В тему авоськи – “кулек”. Давно не слышал...

spina

бедненькие вы, у нас рогаликов с повидлом еще полно, и сверху сыплют сахарной пудрой

ex-ibmbcs

Еще были распространены шапки “из пыжика”, или попросту “пыжик”. Теперь “пыжиками” называют дамские машинки марки Peugeot (например, 206).

Kosh

Кто ни будь знаком со словом “Раскардаш”?
а глаголом “перехиляться”? :))

Ulitchka

Раскардаш у меня мама часто употребляет в смысле “беспорядок, бардак”) А вот глагол незнакомый:))

spina

раскардаш – у нас тут на юге часто используется синонимом беспорядка

Ulitchka

А вместо слова “подгузник” сейчас все чаще употребляют “памперс” :)

ААлек

было еще подряд, но в ироничном смысле – отлэ, зэконтско, ништяк.

NataNK

исчезла “кошелка” как вид сумки.

исчезло такое название предмета женского нижнего белья, как “комбинация”, причем сам предмет остался (зайдите в дорогой бельевой бутик в центре Москвы). Нижнее белье перестали называть “исподним”.

Кстати, совсем недавно в одной из сибирских деревень встретила слово “исподки” как название мягких шерстяных варежек (рукавичек), в отличие от грубых рабочих рукавиц “верхонок”.

еще не стало оправдомов!

С. Никонов

У нас с Вами кошелка конечно исчезла

Это слово теперь очень активно используется для обозначения некоторых неприятных оратору женщин.

С. Никонов

А еще “ватник” заменил “телогрейку”.

NataNK

не, телогрейка осталась в сельской местности, причем по всей стране, используется и одежда, и слово.

а вот душегрейка как теплая женская одежда ушла. когда-то жилет был сугубо мужской одеждой, а женские утепленные безрукавки, одеваемые на другую одежду, назывались душегрейками.

Ярославич

“Ватник” то же уже не слышу, как и “батник” из 80-х и “пуховик” из 90-х. Убежали “кеды”.

NataNK

пуховики остались на рынках, а кеды возвращаются в бутики как “винтажная обувь”

Ulitchka

Еще, мне кажется, уходит слово “диктор” – теперь вместо него ведущие или ди-джеи:) В книжках про 50–60-е годы, особенно в детских (Драгунский, Носов и пр.) часто встречалось слово “ситро”, а в жизни я его вообще не слышала.

Бобби

Сейчас, Максим Кронгауз за нами уже всё записал, со словариком ты немного опоздал. Давайте попросимся в соавторы хоть? И пусть не называет нас забытым словом “нахлебники” или “захребетники”.

s_o_smirnov

Леня Голубков бы сказал – мы партнеры:) Максим, вы действительно делаете такой словарь, тогда прошусь в помощники (в соавторы – это слишком нахально:))

NataNK

Уважаемый Максим Кронгауз! Посмотрите, сколько мы вам вышедших и еще выходящих из употребления слов назвали. Надеюсь, вы сможете отделить от тех, что действительно

покидают язык, поколения жаргонизмов, диалекты и неприжившийся новояз. И очень хочется, чтобы вы нашли способ как-то сообщить нам,годились ли вам наши полные энтузиазма изыскания!

Я не участвовал в самой дискуссии и попробую исправить этот свой промах в книге.

МК

Дорогие участники форума, “ваши полные энтузиазма изыскания” мне, безусловно, пригодились. Буду рад, если включение этой главы в книгу вы сочтете моей благодарностью и признанием партнерства.

Две стороны каталожной карточки

Тема уходящих слов, безусловно, связана с нашей памятью. И поэтому я позволю себе предаться ностальгии. Недавно в университете, в котором я работаю, читал стихи Лев Рубинштейн. Читал после долгого перерыва (по крайней мере, я его очень давно не слышал), как положено, с карточками. То есть одно стихотворение – это стопка каталожных карточек, на каждой из которых написана какая-то фраза: Лев Семенович перебирает их, прочитанное откладывает в сторону, и так до конца, пока карточки не закончатся. В зале в основном сидели студенты, и я подумал, что мы не можем воспринимать это зрелище одинаково. То есть для меня каталожная карточка – это нечто повседневное и очень близкое. Я, например, на каталожных карточках готовил материал для своего диплома, записывал послания жене, в ходу были так называемые “оборотки” – карточки из настоящего библиотечного каталога, на одной стороне которых уже были напечатаны названия разных книг, например:

Иванов Вяч. Вс., Гамкрелидзе Т. В. *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Том 1.* Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.

или:

Пушкин С. В. *Экстрапарные коитусы у жуков-могильщиков (Nicrophorus kirby; Silphidae, Coleoptera)* // Труды международного форума по проблемам науки, техники и образования. – М., 2000. Т. 2. С. 48–49.

или:

Г. А. Лорентц. *Теории и модели эфира. Перевод с английского под ред. проф. А. К. Тимирязева и З. А. Цейтлина с предисловием А. К. Тимирязева.* “Научно-техническое издательство НКТП СССР”. М. – Л., 1936.

или:

А. Нимцович. *Моя система на практике. Сборник партий. Перевод с немецкого И. Л. Майзелиса.* Государственное издательство, Москва – Ленинград. 1930.

Зато на чистой стороне оборотки можно было писать что-то свое. Например, приставочные глаголы. Берешь, скажем, и пишешь глагол отволохаты. И дальше пример: “Отволохай, отлупи, рожу всю растворожь, но не терзай словами. И ведь знает, знает характер младшего старший брат, но, видишь ты, в кураж впал и не повинную голову сечет, а кишки перепиливает, перегрызает, можно сказать” (В. Астафьев, “Царь-рыба”). И сразу возникает какое-то удивительное ощущение гармонии, когда с одной стороны Арон Нимцович со своей шахматной системой, а с другой – Виктор Астафьев с глаголом *отволохаты*.

Поэтому, когда раньше поэт выходил на сцену с каталожными карточками, немедленно возникало ощущение чего-то очень знакомого и домашнего. А для сегодняшних студентов, которые тоже с интересом наблюдают за чтением Рубинштейна, это все-таки какая-то экзотика. Чистой воды прикол.

Повторю еще раз: за последние двадцать – тридцать лет наш быт изменился радикально, в том числе и вещи вокруг нас. Какие-то очень важные и привычные ушли, а их место заняли новые, и наш язык на это реагирует, точнее сказать, не может не реагировать. За примерами далеко ходить не надо. Вот и слово *оборотка* мне пришлось поставить в кавычки, хотя оно пока существует, ведь так называются не только каталожные карточки, но и любые листы бумаги, исписанные с одной стороны, но по-прежнему используемые. А сколько названий всевозможных гаджетов и девайсов, напротив, проникло в последние годы в нашу речь, просто не сосчитать! Даже эти самые слова – *гаджет* и *девайс* – еще не вошли в общие словари русского языка, хотя в текстах встречаются регулярно. Ну а самый главный механизм, по крайней мере конца 20

века, и, соответственно, слово, его называющее, – это, конечно же, компьютер. Интересно, что если упомянутые выше *гаджет* и *девайс* и некоторые другие недавние заимствования вызывают у многих людей старшего поколения определенное отторжение, то к слову *компьютер* и к основной компьютерной лексике все уже привыкли. Что бы ни говорили люди о чистоте языка, но самое главное для нас в языке – простая человеческая привычка.

Иногда язык реагирует тоньше: слова остаются прежними, но у них меняются значения, появляются новые выражения и исчезают старые, что-то необычное происходит с сочетаемостью слов. В общем, самое время предаться лексикографическим мемуарам, не забывая о настоящем и время от времени поглядывая в будущее. Я хочу порассуждать о двух устройствах, которые для 20 века были чрезвычайно важны, но одно из них в век 21 вместе с нами не перешло, а другое, меняясь и преобразуясь, не просто перешло эту границу, но и, по-видимому, обеспечило себе ключевое место в человеческом обществе.

Короткая память

Это просто был главный инструмент. Мои дети, когда выучили глагол *работать*, считали, что это значит “сидеть за пишущей машинкой”, ну и иногда по ней постукивать. Это, значит, я переводил, писал диплом, потом диссертацию, потом статьи, потом... в общем, зарабатывал на хлеб насущный. Я помню три машинки. У отца был “Ундервуд”, и когда я стал жить отдельно, мне его здорово не хватало. И я завел себе “Эрику” с латинским шрифтом и “Унис” с кириллическим. Ну, про “Эрику” – то всем известно (я имею в виду всем тем, кто слушал Александра Галича), берет она, стало быть, четыре копии (и нам этого в то давнее время хватало).

Нет, все-таки надо процитировать, хотя бы для того, чтобы произнести еще одно ушедшее слово *самиздат*, которому и посвящены эти строки Галича:

Что ж, зовите небылицы былями,
Окликайте стражников по имени!..
Бродят между ражими Добрынями
Тунеядцы Несторы и Пимены.
Их имён с эстрад не рассиропили,
В супер их не тискают облаточный:
“Эрика” берёт четыре копии,
Вот и всё!
...А этого достаточно.

Пусть пока всего четыре копии –
Этого достаточно!

(А. Галич. *Мы не хуже Горация*)

А вот про “Унис” расскажу очень личное. Был я уже аспирантом, наверное, и тут слух прошел, что выбросят пишмашинки, то ли в ГУМе, то ли в ЦУМе, то ли где, не помню точно, ну, не сами машинки, а подписку на них. Открывалось это часов в восемь – утра, естественно. И надо было решать, во сколько ехать, ясно, что в шесть поздно, а в одиннадцать вечера накануне очень уж неохота. И пошел я пешком к половине четвертого (на такси-то деньги у аспиранта откуда возьмутся, да и на такси за пишущей машинкой ехать как-то не комильфо). И встал в очередь, в интеллигентнейшую, между прочим, очередь, но и длиннейшую. И где-то номерах в двадцати от себя увидел своего университетского знакомого, а потом и еще кто-то из наших подошел. Короче, был я во второй пятисотке, а месяца через три пришла открытка на “Унис”. Купил я “Унис”, и жили мы долго и счастливо, пока нехорошие люди не придумали компьютер.

И еще надо вспомнить одно слово. *Копирка*. Звучит оно как-то несерьезно, но улыбаться в этом месте я не советую. Здесь уж позвольте без сантиментов, вещь была нужнейшая и важнейшая. Почему нужнейшая? А как бы иначе “Эрика” брала четыре копии? Три копирки закладывались между четырьмя листами, и пишмашинка печатала. И дефицитнейшая вещь была. Приходилось таскать по несколько листов с работы. И добавлю уж еще – из области сокровенного и подсознательного. Вещь тончайшая, я бы даже сказал – нежнейшая. Когда удавалось раздобыть пачку, то она так и переливалась, изгибаясь в руках и напоминая то ли пантеру, то ли какую-то иссиня-черную рыбу. Кстати, иногда использовалась и без пишущей машинки. Но, как я уже сказал, нехорошие люди придумали компьютер, а еще и копировальный аппарат, и пришлось своими руками выбросить купленную много лет назад пачку листов этак в пятьдесят. Правда, копирка уже высохла и ни на что не годилась.

Но вот тут-то и наступает самый интересный момент. Оказывается, многие уже не помнят, как эта штука была называлась (я имею в виду не копиру, а само печатающее устройство). Сейчас-то я уже все правильные слова произнес и над своим читателем эксперимент ставить не стал. А в последнее время я его проводил неоднократно, либо показывая картинку, либо описывая словами (Как называется тот механизм, на котором мы порождали тексты раньше? – Нет, не компьютер. В докомпьютерную эпоху). В студенческой аудитории ответ однозначный и без вариантов – *печатная машинка*.

Ну хорошо, пусть так, а как еще, как иначе? Не знаете? Затрудняетесь ответить? В смешанных по возрасту компаниях первой все равно произносится *печатная машинка*, и только потом кто-то постарше вспоминает *машинку пишущую*. Возникает короткая дискуссия, в результате которой все соглашается с обоими вариантами. Но я-то не согласен. В текстах последнее время тоже сталкиваюсь с *печатной машинкой*. Вот, например, в интервью, взятом в 2010 году у Артемия Троицкого, читаю: “Печатных машинок не было, поэтому журнал был рукописный”.

Но ведь то, о чем Троицкий говорит, называлось именно *пишущей машинкой*, а *печатная машина* (именно машина, а не машинка) – это какой-то станок в типографии. Да, на пишущей машинке мы не писали, а печатали. Это и является причиной аберрации нашей памяти, в которой *печатная машинка* либо вытесняет, либо окончательно вытеснила *пишущую*. Причем речь идет как о памяти индивидуальной, так и коллективной. Молодое поколение в целом помнит только печатную машинку (исключения возможны, но они единичны). В памяти же конкретных людей они уже вполне уживаются, или более мотивированная *печатная машинка* (ведь печатает же!) вытесняет когда-то более реальную *пишущую*. Вот как у Артемия Троицкого. Или зря я прицепился к Троицкому, ведь в тексте интервью журналист вполне мог заменить одно прилагательное на другое, чтобы было правильно (мало ли, мэтр оговорился)?

Чтобы проверить собственные ощущения, снова обращаюсь к Национальному корпусу русского языка.

Итак, с *пишущей машинкой* все просто. В Национальном корпусе русского языка это словосочетание встречается 545 раз в 351 тексте на протяжении почти целого века – с 1906 года практически по сей день. Вот несколько более или менее современных примеров.

Оставим Солженицына возле забора марфо-мариинской шарашки; он будет гадать о своей судьбе, мы же с тобой пока погадаем об исторических судьбах пишущей машинки [Александр Архангельский. 1962. *Послание к Тимофею* (2006)].

Мы говорили с тобой о советской пишущей машинке, размышляли о типографском станке, радио, ротапринтере и будущем ксероксе; тем временем главным фигурантом истории уже стал телевизор [Александр Архангельский. 1962. *Послание к Тимофею* (2006)].

Поднимался, заходил в комнату Елены и сидел перед пишущей машинкой, не притрагиваясь к ней [Анатолий Азольский. *Лопушок* // Новый мир, № 8, 1998].

Время от времени профилактически ошпариваемая кипятком и затем протираемая бензином или керосином (потому что клопы не выносили этих жидкостей), верная подружка Эдика издавала всегда лёгкий индустриальный запах. Как молодой мотоцикл или как пишущая машинка, на которой автор выбивает этот текст [Эдуард Лимонов. *У нас была Великая Эпоха* (1987)].

А вот, наоборот, самый ранний пример в корпусе:

Миновал деревянную эстакаду. В самом конце мола – палатка, сложенная из бревен и брезента. В палатке труп матроса. На груди у него бумага, где фиолетовыми буквами пишущей машинки изображено: “Товарищи. Матрос Омельчук (кажется, так) зверски убит за то, что сказал, что борщ не хорош. Осените себя крестным знамением и отомстите тиранам” [К. И. Чуковский. *К годовщине потемкинских дней (Воспоминания очевидца)* // Биржевые ведомости, 1906].

А вот с *печатной машинкой* все гораздо интереснее. Во-первых, встречается это словосочетание значительно реже: Национальный корпус содержит всего 33 примера из 30 текстов. С удивлением снова наталкиваюсь на пример из уже цитированного (см. выше) произведения Александра Архангельского:

Она думала, как будет рожать и не назвать ли младенца Константином, удастся ли устроить дела с работой или придется окончательно переходить в надомницы, но как тогда оберегать ребенка от пулеметного стрекота печатной машинки [Александр Архангельский. 1962. *Послание к Тимофее* (2006)].

Вот уж действительно вариативность памяти нашей, которая (память, естественно) допускает и старое, и новое.

Но особенно примечателен расклад по времени. Итак, всего 30 текстов. Из этих тридцати текстов 21 относится к периоду начиная с 2000 года и позже. Еще шесть текстов относятся к периоду с 1996 по 1998 год. И всего лишь три текста относятся к более раннему времени. Приведу эти три примера:

Объем телексного сообщения не должен превышать 20 строк на печатной машинке через два интервала [коллективный. Фонд новаторов // Техника – молодежи, 1990].

Позавчера достали портативную печатную машинку и начали печатать сводки СИБ [Л. К. Бронтман. *Дневники и письма* (1943–1946)].

На пластинке были вырезаны в разных местах четырехугольные отверстия величиной с литеру печатной машинки [А. Р. Беляев. *Чудесное око* (1935)].

Последний пример, правда, вызывает определенные сомнения. Раз речь идет о литере, то, наверное, имеется в виду типографский станок, названный почему-то *машинкой*, а не *машинной*, хотя определенно сказать нельзя.

На всякий случай еще раз залезаю в Национальный корпус, чтобы посмотреть на употребление словосочетания *печатная машина*. Вот несколько примеров:

И меня, как самого грамотного, послали крутить в редакции ручку печатной машины [Владимир Корнилов. *Демобилизация* (1969–1971)].

Старенькие печатные машины натужно гудели, пол чуть-чуть содрогался под головой [Константин Симонов. *Живые и мертвые* (1955–1959)].

Сережа, самый младший, вертел по двенадцати часов колесо печатной машины [Н. А. Островский. *Как закалялась сталь* (1930–1934)].

Все понятно: это что-то большое, гудящее, с колесом и ручкой, и находится оно в типографии, а не на столе у автора или пишбарышни.

Вот вам и еще один аргумент, но из несколько другой области – из области словообразования. Может быть, кто-то еще помнит замечательное слово *пишбарышня*, которое активно использовалось в 20–30 годы, а потом как-то потихоньку сошло на нет (а точнее, было вытеснено *машинисткой*). Вот два замечательных примера:

Две пишбарышни в соблазнительных юбочках и розовых чулочках, пробегая мимо, оглянулись на Зотову, дико стоящую перед зеркалом, и – ниже площадкой – фыркнули со смеху; можно было разобрать только: “... лошади испугаются...” [А. Н. Толстой. *Гадюка* (1928)]

На диванчике плечом к плечу, как на плетне воробышки, оседал целый выводок из школы ритма, или из студии, или просто сов- и пишбарышни. [Н. Н. Берберова. *Курсив мой* (1960–1966)]

Фраза Н. Берберовой интересна еще и тем, что обнаруживает разновидности барышень того времени: *совбарышни* (служащие государственных учреждений) и *пишбарышни* (машинистки). Как тут не вспомнить отмеченное С. И. Карцевским обращение послереволюционного периода к женщинам на госслужбе: *Товарищ барышня!*²⁵

Излишне говорить, что никаких *печбарышень* никогда нигде не существовало. Ну, и раз речь зашла о словообразовании, назову еще одно ушедшее от нас слово, которое, как и *пишущая машинка*, использует те же два корня, но сводит их в одном слове и в другом порядке – *машинопись*. Ну и где она теперь, эта машинопись?

Итак, каковы же итоги небольшого исследования, включившего в себя опросы современных носителей русского языка и обращение к Национальному корпусу русского языка? До середины 90-х годов прошлого века мы называли важнейший интеллектуальный инструмент *пишущей машинкой*, а словосочетание *печатная машинка* по отношению к нему встречалось крайне редко, по-видимому, скорее как оговорка (*машинка, на которой печатают – печатная машинка*). В 1990-е годы в наш обиход врывается персональный компьютер и начинает вытеснять пишущую машинку. Вместе с предметом забывается и правильное название. Это связано еще и с тем, что название такого важного предмета состояло не из одного слова, как обычно бывает для важных вещей, а из словосочетания, да еще к тому же фразеологизма, потому что *пишущей* эта машинка в действительности не была (разве что в самом общем значении глагола *писать*), то есть значение словосочетания не складывалось из значений составляющих его слов. Иначе говоря, смысл словосочетания *пишущая машинка* не равен смыслу слов *пишущий* + *машинка*. И постепенно забылась именно та часть словосочетания, смысл которой не соответствовал смыслу целого. Да, машинка, но не пишущая, а печатающая, то есть печатная. А в новом веке произошла окончательная подмена. Молодое поколение помнит лишь *печатную машинку*, а те, кто постарше, те, кто слышал, читал и сам говорил *пишущая*, так сказать, путаются в показаниях.

Самое же удивительное, с моей точки зрения, здесь то, насколько короткой оказалась наша языковая память. С момента ухода пишущей машинки из нашего быта прошло 15–20 лет (уход все-таки был постепенный), а мы – ну не все, конечно, но мы как общество – уже ничего не помним.

²⁵ С. И. Карцевский – замечательный русский славист, находясь в эмиграции, опубликовал книгу, посвященную состоянию русского языка сразу после революции: “Язык, война и революция”. Всеобщая библиотека № 47. Берлин, 1923.

Пять – тринадцать – сорок три, это ты?

Начал цитировать Галича, остановиться трудно. Заголовок этого раздела – цитата из его песни, написанной в 1972 году. А песня эта про телефон и память, поэтому процитирую чуть более пространно:

Ты напрасно в телефон не дыши,
На заброшенном катке не души,
И давно уже свои “бегашки”
Я старьевщику отдал за гроши.

И совсем я говорю не с тобой,
А с надменной телефонной судьбой.
Я приказываю:
– Дайте отбой!
Умоляю:
– Поскорее, отбой!

Но печально из ночной темноты,
Как надежда,
И упрек,
И итог:
– Пять – тринадцать – сорок три, это ты?
Ровно в восемь приходи на каток!

(А. Галич. Номера)

Интересно, что в цитируемой строке телефонный номер почти отождествляется с человеком. К этому я еще вернусь, но сначала перенесусь в солнечную и жаркую Италию.

У меня в жизни было не так много культурных шоков. Два из них случились в Италии с перерывом примерно в десять лет. В первый свой приезд, в Болонье, я столкнулся с женщиной, шедшей мне навстречу и громко и эмоционально, как умеют итальянки, говорившей что-то в пространство. Слегка поозиравшись вокруг в поисках ее собеседника, я все-таки заметил, что рука ее прижата к уху. И в ней находится некое устройство (теперь бы я сказал *гаджет*), о котором я, безусловно, слышал, хотя, честно говоря, уже не помню, видел ли до этого случая. В общем, как нетрудно догадаться, это был мобильный телефон.

Второй случай произошел в универмаге в Риме лет, как я уже сказал, десять спустя. В отделе перчаток женщина, рассматривая и перебирая перчатки, громко и эмоционально, как умеют итальянки, говорила что-то в пространство. В руках ее были перчатки. Слегка поозиравшись вокруг в поисках ее собеседника, я вспомнил о существовании устройства, кажется, оно называется *hands free* (а по-русски я даже это слово и не напишу). Суть его в том, что телефон не нужно держать в руках. Звук проходит через наушник и создает полное ощущение того, что можно было бы обозначить выражением *слышать голоса*. До этого, естественно, я подобного устройства не видел.

За свою историю телефон довольно сильно менялся. Исходной точкой можно, по-видимому, считать 1876 год, когда А. Беллу был выдан патент на изобретение телефона. В обиход телефоны, тем более в России, вошли значительно позднее. И с тех пор язык осваивает этот механизм, отражая его и внешние, и функциональные преобразования.

Одна из лучших книг о русском языке, адресованных не узкому кругу лингвистов, а пожалуй, всем, кто русским языком интересуется, это “Живой как жизнь” Корнея Чуковского, вышедшая в свет в 1962 году. И в ней есть очень тонкое наблюдение, касающееся телефона:

Молодое поколение (да и то, что постарше) давно освоилось с такими формами, как “Звонила Вера, что завтра уезжает”, или: “Позвони Еремееву, чтобы прислал чемодан”, но еще Чехов не знал этих форм. Не знал он и формы: “говорить по телефону”. Он писал: “Сейчас в телефон говорила со мной Татаринова” (хix, 231); “Альтшуллер говорил в телефон” (хix, 231); “Сейчас говорил в телефон грузинский учитель” (хix, 280); “Сейчас говорил в телефон с Л. Толстым” (хix, 186) и т. д.

Та же форма в его “Рассказе неизвестного человека”:

“Я заказывал в ресторане кусок ростбифа и говорил в телефон Елисееву, чтобы прислали нам икры, сыру, устриц и проч.” (viii, 180).

Изменение микроскопическое, почти неприметное: замена одного крохотного словечка другим, но именно путем безостановочного изменения микрочастиц языка меняется его словесная ткань.

Из этой цитаты хорошо видно, что вначале телефонная лексика обладала особой “изобразительностью”. Именно телефон, а не человек, издает звон, то есть *звонит*. Человек же направляет звуки внутрь аппарата, то есть *говорит в телефон*. Потребовалось время, чтобы изобразительность начала утрачиваться. Замена предлога означает, по-видимому, что на смену конкретному пространственному изображению (направлению речи в аппарат) приходит абстрактная интерпретация. Наиболее близкой является аналогия с идеей связи и средства (или канала) такой связи: ср. *общаться по переписке* и *связаться по почте* и более современные – *разговаривать по скайпу* или *общаться по интернету* (*связаться по электронной почте*). А у *звонить* путем метонимического переноса появляется новое значение: *звонит телефон* и *звонит человек (кому-то по телефону)*. Сходный метонимический перенос присутствует у других значений этого глагола: *звонит колокол* – *звонарь звонит в колокол*; *звонит звонок* – *посетитель звонит в звонок*.

И вот проходит почти век, и в телефонной лексике происходит, причем прямо на наших глазах, новый метонимический перенос. Все чаще вместо фразы *Позвони мне!* мы слышим *Набери меня!* А ведь раньше можно было набрать только номер, но не его счастливого обладателя. Так, в Национальном корпусе русского языка словосочетание *набрать меня* зафиксировано один-единственный раз в тексте 2003 года (для сравнения: словосочетание *позвонить мне* встречается в корпусе 662 раза), а два самых ранних примера *набрать* в этом значении датируются 90-ми и 2000-м годами:

– В Рим, – неуверенно согласился я. – Значит, ты должен заехать в Париж. Подожди, я сейчас наберу Гулю. – У меня нет визы, – сказал я, оглушенный. Кстати, я прилетел в Бельгию, потому что именно с бельгийской визой было меньше всего хлопот. – Ты проснулась, подруга? [Николай Климонтович. *Дорога в Рим* (1991–1994)].

– Не, мужики, теперь меня мочить никак нельзя, – возразил Сергей. – Моргун приказал доставить меня, куда хочу! – По-моему, он фуфло гонит, – засомневался один из парней. – Набери “папу”, – предложил другой. – Да, чтоб он меня послал? Нет уж! – покачал головой бык [Андрей Житков. *Супермаркет* (2000)].

Похоже, что *набрать* используется практически как синоним *позвонить*, однако утверждать точно это нельзя, так как новое употребление глагола еще не вполне устоялось. Воз-

можно, это действие рассматривается как менее важное, менее фундаментальное, связанное с коротким разговором и ассоциируемое в основном с мобильным телефоном (хотя сам набор номера возможен на любом телефоне). Так, фраза *Когда подъедешь, прямо перед вахтой набери меня*, выглядит естественнее, чем *В мамин день рождения обязательно набери ее*.

Здесь снова напомним строку Александра Галича:

– Пять – тринадцать – сорок три, это ты?

Номер и человек близки к отождествлению, но все-таки не отождествляются. И требуется дополнительный вопрос (“Это ты?”), чтобы удостовериться, что к телефону подошел тот человек, которому звонят. А отождествление и, следовательно, возможность *набрать* не только номер, но и человека (лингвисты назвали бы это метонимическим переносом) окончательно состоялись в эпоху мобильной связи, когда у человека есть мобильный, а у мобильного – единственный хозяин, и вопрос “Это ты?” становится излишним.

Отдельной проблемой оказывается судьба идиом, изначально связанных именно со стационарным телефоном: *повесить трубку*, *бросить трубку*, *висеть на телефоне*. Они по-прежнему употребляются, хотя прямое их значение, очевидным образом, утрачено. Действительно, *повесить трубку* и *бросить трубку* означает “прервать (“резко” – во втором случае) телефонный разговор”, но в основе этих выражений лежит идея помещения трубки стационарного телефона на рычаг, разъединяющий связь. Прямое прочтение выражения *бросить трубку* для мобильного телефона скорее означало бы швыряние его на землю (*трубка* или *труба* – одно из его возможных названий). Выражение *висеть на телефоне* (“очень долго разговаривать по телефону”) также содержит яркий образ. Разговаривая по стационарному телефону, по-видимому прикрепленному высоко на стене (а не по более позднему аппарату, стоящему на столе), человек как бы висит на нем. И хотя этот образ совершенно не подходит к мобильному телефону, эта идиома еще используется. Сейчас трудно прогнозировать устойчивость этих выражений в будущем при вытеснении стационарных телефонов мобильными, которое, по-видимому, неизбежно.

Чья судьба лучше – пишущей машинки или телефона? Что за вопрос? Она почти ушла из быта, он эволюционировал. И русский язык так или иначе отразил это. И по крайней мере в одном языковые результаты совпали – в появившемся непонимании. В случае телефона мы не вполне понимаем наших детей или недовольно морщимся от новых словечек и выражений: *я тебя наберу*, *сбросил звонок*, *мобила...* Но мы хотя бы присутствуем при всех этих изменениях. А вот человек из прошлого (или, например, эмигрант, вернувшийся в Россию после долгого перерыва) неизбежно испытал бы культурный шок, вызванный проблемой непонимания. В случае же пишущей машинки понимание рвется скорее со стороны потомков. Слова уходят и забываются.

Языковая память, как мы убедились, у нас довольно коротка. И уже дети начала 21 века не понимают детской поэтической классики. Кто это такой – “Умывальников начальник и мочалок командир”? А если ближе к нашей теме, то опять Чуковский:

Как на пишущей машинке
Две хорошенькие свинки:
Туки-туки-туки-тук!
Туки-туки-туки-тук!

На чем, говорите, туки-туки-туки-тук?!

Спасатели слов

Никак не могу расстаться с этой темой – уходящие слова. Россию часто сравнивают с Францией именно по отношению к родному языку. Точнее, многие считают, что нам следует ориентироваться на Францию в смысле заботы и защиты родного языка. Я прожил во Франции два года, преподавал там в университете и, честно говоря, так не думаю. Не потому, что французы не правы, а просто мы другие (вспомните историю про @ из главы “Курс молодого словца”). И все же во Франции мне попадались замечательные вещи, о которых стоит рассказать.

Начну издалека – с французского телевидения. Оно, с содержательной точки зрения, ничем не лучше российского, пожалуй, за одним, или если хотите, двумя исключениями. Я имею в виду программы о книгах и языке. Каждый из основных французских каналов имеет специальную передачу о новых книгах. На этих передачах, как правило, присутствуют авторы и обсуждается не только художественная литература, но и публицистика, и даже сугубо научные книги. Иногда эти передачи закрываются, но им на смену приходят новые. Самую знаменитую (так и хочется сказать – культовую), уже давно закрытую, под названием “Культурный бульон” вел Бернар Пиво. Пиво – один из самых известных французских тележурналистов. Кроме всего прочего, он – создатель “чемпионатов по орфографии” (позднее “Les Dicos d’or”), популярного конкурса диктантов, финалы которого показывали по телевидению. Диктанты настолько сложны, что даже победители делают какое-то количество ошибок. Пиво также составитель одноименной книжной серии (“Les Dicos d’or”), куда входят популярные книги о языке.

И вот у меня в руках одна из книг этой серии, написанная самим Бернаром Пиво, „100 mots sauver” (2004), название которой переводится на русский язык примерно как „100 слов, которые нужно спасти”. Это тоненькая книжка, напечатанная к тому же крупным шрифтом, по сути представляет собой словарик. Она некоторое время была среди бестселлеров, что для словаря, согласитесь, редкость. Впрочем, по виду на словарь она совсем не похожа, да и никаких научных претензий у нее на первый взгляд нет. В небольшом предисловии автор пишет о том, что люди справедливо заняты спасением птиц, насекомых, растений и других живых созданий, находящихся под угрозой исчезновения. Но никому нет дела до исчезающих слов, хотя, казалось бы, слова родного языка должны быть нам ближе, чем никогда не виданное растение. Впрочем, и в лингвистике появилась своя экология, правда, лингвисты спасают объекты более крупные, чем слова, – целые языки. Пиво цитирует известного французского лингвиста Клода Ажежа, который утверждает, что ежегодно в мире исчезает около двадцати пяти языков. Что уж тут говорить о словах!

И все-таки французы удивительно трепетно относятся к своему языку. Бернар Пиво, не будучи, вообще говоря, профессиональным лингвистом, ставит перед собой задачу проследить, а точнее – выследить уходящие из французского языка слова, и даже не только слова, а отдельные значения. Это оказывается возможным лишь по одной простой причине – благодаря налаженной, как безостановочное производство, французской лексикографии. Во Франции существуют два знаменитых словарных издательства Larousse и Robert (есть и другие, но Пиво опирался на эти издания), каждое из которых кроме большого многотомного словаря издает, и делает это из года в год, однотомные словари, так называемый Petit Larousse и Petit Robert, соответственно. Каждый год в эти словари включаются новые слова и, увы, исключаются какие-то устаревшие (объем словаря более или менее фиксирован). Эти обновления также фиксируются и даже обсуждаются, в прессе и на телевидении. Именно поэтому словарь исчезающих слов может составить и неспециалист. Трогательным штрихом в книге Пиво оказываются пустые страницы в конце, озаглавленные “Liste personnelle de mots en pril” (“Личный список слов, находящихся под угрозой исчезновения”). Читатель приглашается в соавторы!

Сам словарик чрезвычайно прост. Статья о слове состоит из описания его значения, примера его употребления (как правило, цитата из какого-нибудь известного автора) и необязательного, но всегда любопытного (когда оно есть) неформального примечания, помеченного восклицанием *Нер!*, которое, кажется, понятно и без перевода. Написано это все чрезвычайно живым языком и, конечно же, не без особого французского юмора, впрочем достаточно интеллигентного.

Едва ли читателю, незнакомому с французским языком, будет интересен подробный разбор словаря, поэтому ограничусь несколькими примерами.

Вот словечко *bath* с пометой “неизменяемое прилагательное”. Это слово выражает положительную оценку. Такие слова очень частотны, особенно в устах молодых людей, и не слишком содержательны. На них существует особая мода, но если они выпадают из языка, возврата, как правило, нет. На смену ему пришли такие понятные и другим нациям слова, как *super*, *gant*, *gnial*, *extra*. Но, как мягко замечает автор, *bath est un mot trs bath, et mme super!* Что означает: *bath* – словечко очень *bath* (хоть куда) и даже *super* (супер).

Исчезнувшее слово *bjaune* (существительное мужского рода) происходит от слов *bec* “клюв” и *jaune* “желтый” и в точности напоминает и по смыслу, и по структуре русское *желторотый* (за исключением части речи и порядка компонентов). Происхождение его прозрачно: желтый клюв бывает у птенцов. Интересно, однако, что более употребительно французское слово *blanc-bec* (“белоклювик”), которое отличается от первого по значению, поскольку совмещает неопытность с самоуверенностью и высокомерием. Естественно, что “белоклювиков” не слишком жалуют, например в армии.

Устаревшее междометие *fi!* понятно русскому человеку без перевода. К нам оно, по видимому, пришло из французского языка (как и выражение *выразить фи*) и, к сожалению, тоже устарело. Сам Пиво восхищается его эмоциональностью и краткостью, которая своего рода рекорд для французского языка.

Еще одно очень французское словечко *fla-fla* (существительное мужского рода). Оно обозначает неестественное, напыщенное или манерное поведение, а в сочетании с глаголом *faire* (“делать”) может быть переведено на русский как *изображать из себя*, а если совсем грубо, то *выпендриваться*.

Устарело и существительное женского рода *nasarde*, обозначающее удар или щелчок по носу, как в прямом, так и в переносном смысле.

Существительное женского рода *patache* обозначало лишенный комфорта дилижанс, на котором на небольшие расстояния перемещались крестьяне. Интересно, однако, что водителей такого дилижанса называли *patachon*, а поскольку вели они несколько рассеянный (не сказать божественный) образ жизни, появилось выражение *la vie de patachon* (*жизнь паташона*), которое тоже благополучно устарело.

А вот смешное и очень длинное междометие *saperlipopette!* когда-то богохульство, а сейчас повод для каламбуров. Его упоминает среди любимых ругательств один из гостей “Культурного бульона”, правда, в виде целой фразы *a me perd les popettes*, звучащей очень похоже и совершенно бессмысленной (во всяком случае, знакомые французы интерпретировать ее не смогли).

Как можно не пожалеть об уходящем неизменяемом существительном мужского рода *suivez-moi-jeune-homme* (буквально: *следуйте за мной, молодой человек*). Так назывались ленты на женских шляпках, грациозно раскачивавшиеся сзади и как бы приглашавшие молодых людей последовать их движениям.

А вот существительное женского рода *gourgandine* обозначает уже самих женщин, легких и, как пишет Пиво, “без холода в глазах”. Однако, предупреждает он, не надо путать их с женщинами легкого поведения, поскольку “гургандинки” делают это не ради денег. Слово происходит от названия корсета со шнуровкой на груди, а дальше автор порождает уж совсем непе-

реводимый каламбур: *Dlacer laourgandine avant d'enlacer laourgandine*, что-то вроде снять гургандину (корсет) перед тем, как обнять гургандину (девушку).

Ну, и чтобы покончить с французскими двусмысленностями, сообщу, что из языка ушло существительное мужского рода *vit*, вполне корректное, а главное, самое короткое название мужского полового органа. Впрочем, успокаивает Пиво, еще осталось бессчетное количество других названий, правда, все они будут подлиннее.

Вообще надо сказать, что авторские комментарии, как уже видно, весьма веселые и неформальные и часто вполне информативные. Из них я, например, узнал, что устарело слово *brunet* (“брюнет”), а вот *brunette* (“брюнетка”) вполне живо. Русский язык оказался в данном случае более политически корректным, сохранив оба заимствованных из французского языка слова.

Еще удивительнее оказалась для меня информация о романе “*La Disparition*”, написанном Жоржем Переком (Georges Perec) и опубликованном в 1969 году. Бернар Пиво, не оценивая его художественные достоинства, признает его лингвистическим подвигом. Автор поставил и выполнил задачу не использовать в романе букву *e*.

Рассказ о книге Пиво можно было бы продолжать и так перебрать все сто спасенных слов. Но главное ясно уже сейчас. Перед нами очень французская, легкая и веселая, но вместе с тем мудрая книга о словах и языке.

Конечно, спасти слова, то есть сохранить их в языке, невозможно, но ведь понятно, что автор и не ставил такой задачи. Скорее, сохраняется память об этих словах. И мне остается только с завистью вертеть в руках книжку Бернара Пиво, представителя редкой профессии – спасателя слов.

Во власти слов

Большинство людей даже не представляют, в каких сложных, а порой интимных отношениях они находятся со словами родного языка. Иногда любовь или нелюбовь к слову сугубо индивидуальны, и чтобы объяснить их, придется залезать в подсознание или искать какую-то психологическую травму в детстве. Вот я написал слово *сугубо* и внутренне поежился. Чем-то оно не по душе мне, а чем – объяснить не могу. Может быть, тем, что звучанием напоминает *суккуба*, а может быть... Впрочем, не стоит заниматься публичным самоанализом, лучше честно признаться, что все мы находимся во власти слов.

Некоторые лингвистические симпатии и антипатии носят гораздо более общий и регулярный характер. Мной был проведен эксперимент по выявлению любимых и нелюбимых слов, результаты которого были частично опубликованы в журнале “Власть” в 2005 году. Журнал помог мне, опросив многих известных людей: политиков, бизнесменов, деятелей шоу-бизнеса и т. д. Многие слова – герои предыдущих глав – были использованы в этом эксперименте и действительно вызывали у людей сильную реакцию. В этой главе я подвожу итог сказанному ранее.

Можно выделить группы или даже целые пласты слов, вызывающие у большинства людей разнообразные, иногда довольно сильные эмоции. Интересно, что то или иное отношение к такой группе слов оказывается важной характеристикой самого человека. Скажем, любовь или нелюбовь к крепкому словцу делит человечество на два противоборствующих класса и кое-что говорит нам о характере, темпераменте, воспитании и т. д. конкретного человека. Да и вообще, наше отношение к другим людям формируется не только “по одежке и уму”, но и по тому, как они говорят, в частности какие слова используют. Одно-единственное слово – например, грубое или неграмотное (или, наоборот, “слишком умное”) – может вызвать отторжение и заранее испортить общение.

Сегодня в русском языке таких “групп риска” довольно много. Связано это с тем, что за последние 10–15 лет наш лексикон изменился очень сильно. У одних людей эти изменения вызывают резкое неприятие и вообще оцениваются ими как порча языка. Для других же новые слова кажутся интересными игрушками, с помощью которых можно сделать свою речь более эмоциональной, более яркой, наконец более модной. Часто отношение к “лексическим новинкам” определяется возрастом, грамотностью, профессией или шире – социальным положением. У слов, как и у людей, есть свой характер, своя популярность, свой престиж. Современная же русская речь является смешением всего, что только существует в языке (в том числе и того, что ранее существовало на глубокой периферии).

Итак, что же за группы слов вызывают особое к себе отношение?

Прежде всего это заимствования. Заимствований в русском языке всегда было много, но сейчас они хлынули таким потоком, что часто даже затрудняют понимание текста. Особое раздражение вызывают “избыточные” заимствования, то есть когда заимствование дублирует по смыслу уже существующее в русском языке слово (иногда при этом заимствованное ранее и из другого языка). Чаше всего это модные слова типа *комьюнити* (вместо *сообщество*), *интервью* (в новом значении вместо *собеседования*), *лофт* (вместо *чердака*) и т. д. Самым известным примером такого рода является, пожалуй, уже не раз упомянутый *консенсус*, по значению совпадающий с русским словом *согласие*. Его короткое воцарение в русском языке было связано с загадочной любовью к нему Михаила Сергеевича Горбачева. Мы постоянно пытались *достичь консенсуса*, а кончилось все тем, что слово практически исчезло из нашей речи. Напротив, некоторые заимствования остаются, и раздраженным носителям языка приходится с этим смириться. Так, трудно вообразить себе современный мир без *презентаций*, несмотря на существование почти полного синонима – слова *представление*.

Мода, как известно, вызывает одновременно и притяжение, и раздражение. Кто-то такие слова не любит, кто-то любит и употребляет к месту и не к месту, а кто-то не любит, но все равно употребляет, потому что модно!

Займствование – лишь способ проникновения слова в язык, важно же рассмотреть разные тематические пласты лексики. Так, заимствованиями полны, например, современные жаргоны, среди которых главную роль играют сейчас молодежный (сленг), “бандитский”, или криминальный, а также некоторые профессиональные (компьютерный, экономический, политический, спортивный и некоторые другие).

Особенно интересно отношение к криминальной лексике типа *наезд*, *беспредел*, *отморозок*, *крыша*, *стрелка*, *кинуть*, *мочить* и т. д. (здесь, кстати, как я уже говорил, почти нет заимствований). Многие люди, выражая недовольство распространением этих слов, на самом деле активно их используют. Причины мной уже назывались. Во-первых, это криминализация общества, а значит, некоторые ситуации адекватно описываются с помощью именно этой лексики. Во-вторых, их эмоциональность и, выражаясь этим же языком, “крутость”. Многие из этих слов проникли уже не только в обыденную речь, но и в речь официальных лиц и даже официальные документы.

Безусловно, самым экспрессивным является молодежный жаргон. Слова из сленга часто ничего, кроме эмоциональной оценки, и не выражают: *отстой*, *кул*, *прикольно*, *супер*, *классно*, *атомно* и т. п. Особое отторжение у людей постарше вызывает междометие *вау*, заимствованное из английского языка и выражающее неподдельный и внезапный восторг. Как же неподдельный восторг можно выражать только что заимствованным и потому неестественным словом? – недоумевают старшие товарищи. Вау! Сами удивляемся, – отвечает молодежь.

Отдельного абзаца заслуживает молодежное словечко, как правило составляющее отдельную фразу: *Жесть!* Это очень сильная оценка, но вот что интересно: в зависимости от контекста и ситуации она может становиться то положительной, то отрицательной. Иначе говоря, сила имеется, а знак (или, если хотите, вектор) еще не установлен и устанавливается отдельно. В любом случае слово *жесть* выражает определенное восхищение говорящего тем, о чем он таким образом высказывается. В общем, как сказано на одном сайте, *Внимание: жесть. И не говорите, что я вас не предупреждал!*

Очень близка к молодежному жаргону и гламурная лексика: *культовый*, *кастинг*, *эксклюзивный*, *стильный*, *элитный* и др. Само слово *гламур* вызывает противоречивые чувства, но похоже, что без него уже не обойтись. Речь идет об особой культуре, создаваемой глянцевыми журналами, об идеальном мире, населенном *правильными* юношами и девушками, посещающими *правильные* места в *правильной* одежде, *рассекающими* на *правильных* авто, и так до бесконечности (ну, о моей любви к этому слову вы уже знаете). Провести четкую грань между молодежным и гламурным жаргоном невозможно, то же *вау*, очевидно, относится и к гламурному миру.

Гламурный язык во многом наследует традиции словаря людоедки Элочки и отчасти языка приказчиков (галантерейного языка), главным принципом которого было “сделать (точнее, сказать) красиво”. А вот функционально гламурная лексика по существу заняла место советских идеологических слов и с той же степенью агрессивности внедряется в общественное сознание. У многих она вызывает раздражение как агрессивностью, так и искусственностью, но при поддержке соответствующей прессы остается модной.

На нашу сегодняшнюю речь оказывают влияние и различные профессиональные жаргоны – политический, экономический, компьютерный и другие. Особо надо отметить появление огромного количества новых профессий. Пожалуй, к *рекламщикам* и *пиарщикам* уже привыкли. К *риэлторам* и *криэйторам* привыкаем, хотя и пишем их по-разному. А вот *акаунт*-, *сейлз*- и прочие *менеджеры* беспокоят (и раздражают), слишком уж их много.

Кстати, игровая характеристика слова влияет на его восприятие – положительное или отрицательное. Очень много игры в компьютерном жаргоне, который в действительности распадается на несколько разных явлений. Одно дело – названия технических приспособлений или просто новые понятия, например *интернет*, *сидюшник*, *драйвер*, *хомяк*, *юзер*, *мыло*. И совершенно другое – видоизменения нашего языка в интернет-коммуникации. В последнее время активно обсуждается и, конечно же, вызывает сильные эмоции с разными знаками “новая орфография” в Живом журнале (например, уже классическое *аффттар жжжот, пешии исчо*)..

Напротив, слишком серьезны жаргонизмы и термины (их не всегда удастся различить) из области политики и экономики: *брифинги* и *саммиты*, *дефолты* и *монетизации* и прочее. К ним примыкает и более общая научная и псевдонаучная лексика, например *харизма*, *контент*, *визуальный* и прочее. “Умные” слова так же, как и “смешные и глупые”, могут вызывать активное неприятие, но по несколько иным причинам. Они часто затрудняют понимание текста, а иногда просто-напросто маскируют отсутствие смысла.

Эмоциональная реакция вызвана в первую очередь смешением нового и старого, языкового центра и периферии. Жаргоны и заимствования существовали всегда, и всегда пуристы возмущались новыми явлениями в языке, воспринимая это новое как порчу. Так, главными врагами были когда-то и заимствованное слово *бизнесмен* (ведь есть же русское *предприниматель*), и просторечное прощание *пока*, и многие другие. Но ведь, несмотря ни на что, эти слова остались в русском языке, и к ним постепенно привыкли.

Сейчас, правда, ситуация иная: новых слов слишком много, и при этом они проникают повсюду, так что действительно размываются границы литературного языка. И это пугает и раздражает людей, к этому языку привыкших. Естественно, что отношение к изменениям в языке связано с возрастом. Молодые люди (моложе 25 лет) выросли в период этих изменений и воспринимают их как естественное развитие языка, то есть часто просто не замечают их (это показывают различные тесты и опросы). В частности, многие молодые люди плохо понимают языковую игру, построенную на смешении стилей, что было так характерно для андеграундной литературы советского периода. Люди постарше реагируют на изменения по-разному, в зависимости от собственного характера и темперамента. Консерваторы и пуристы, например, такой “порчей” активно возмущаются. Можно сказать, что к традиционному конфликту отцов и детей добавился еще и языковой разрыв.

Возможно ли если не национальное примирение на почве языка, то хотя бы сглаживание языковых противоречий, снятие острого раздражения чужой речью? Скорее да, чем нет. Эпоха больших изменений довольно скоро завершится, и острота противостояния старого и нового, знакомого и незнакомого пройдет. Но отношение к словам все равно никогда не будет единым. Останутся такие вечные возбудители эмоций, как брань, канцелярит (“чиновничий жаргон”) или, например, слова-паразиты (без них, как я уже писал, не обходится ни один язык, потому что на самом деле никакие они не паразиты). И здесь надо сказать следующее. Эмоциональное отношение к словам, в том числе и негативное, свидетельствует только об одном – об интересе к языку. Лингвистическая же рефлексия в широком смысле – один из важнейших процессов, который связывает народ и язык и – по крайней мере отчасти – определяет развитие последнего.

Разделенные одним языком

Название “разделенные одним языком” – перифраза одного очень известного и загадочного английского афоризма. Загадочного, потому что, несмотря на известность, для него не существует единой канонической формы и нет согласия по поводу авторства. Из вариантов назову несколько: “Britain and America are two nations divided by a common language” или “England and America are two countries separated by the same language”²⁶. Авторство же приписывается прежде всего Б. Шоу и О. Уайльду, сказавшим, по-видимому, нечто похожее, а также Марку Твену, Уинстону Черчиллю и даже Бертранию Расселу. Впрочем, для данной темы это не столь существенно.

Несмотря на то что в русском языке не без основания ищут и национальную идею, и вообще объединяющее начало для всего российского народа, сегодня он во многом разделяет людей, и именно поэтому я позволил себе перенести высказывание Шоу или Уайльда на нашу почву.

Если произвести мыслительный эксперимент и перенести молодого человека третьего тысячелетия в семидесятые годы прошлого века и, наоборот, перенести человека из семидесятых в сегодня, минуя перестройку и дальнейшие события, мы получим интересный результат. У каждого из них возникнут серьезные языковые проблемы. Это не значит, что они совсем не поймут язык другого времени, но по крайней мере некоторые слова и выражения будут непонятны. Более того, общение человека из семидесятых годов с человеком третьего тысячелетия вполне могло бы закончиться коммуникативным провалом не только из-за простого непонимания слов, но и из-за несовместимости языкового поведения.

Этот мыслительный эксперимент становится вполне реальным, когда, например, современные студенты читают советские газеты или смотрят советские фильмы. Кажется, что в обратную сторону реализовать эксперимент сложнее. Однако возвращаются в Россию советские эмигранты, люди из семидесятых, и недоуменно застывают, видя, как мы общаемся. Они помнят другие речевые клише, другой речевой этикет и, наконец, следуют другим правилам речевого поведения, соблюдают другие речевые запреты.

Но языковой разрыв существует не только между уехавшими и оставшимися (в конце концов, они редко встречаются), но и между старыми и молодыми, между живущими в сети или в реале, иными словами, он есть между нами и здесь, в России.

²⁶ Наиболее распространенный русский вариант таков: “Англичане и американцы – два народа, разделенные одним языком”.

Ни господа, ни товарищи...

Слова о том, что наш язык меняется с огромной скоростью, уже стали банальностью. Порой нам кажется, что мы управляем этим процессом, особенно в сфере речевого этикета, который часто сознательно формируется лингвистами и, почти как правила правописания, предписывается обществу. К речевому этикету относятся и слова-обращения, с помощью которых можно привлечь чье-то внимание, определить социальный статус участников беседы, выразить эмоциональное отношение, порой даже манипулировать собеседником. Они используются и в публичном, и в интимном общении, и с незнакомыми или малознакомыми людьми, и с друзьями. В русской культуре особую роль играют личные имена, и эта тема отдельного разговора. А вот как быть сегодня с официальными обращениями, которые очень чутко реагируют на социальные потрясения?

Власть и различные общественные институты (в том числе пресса и телевидение) пытаются контролировать их употребление. Достаточно сказать, что после Французской революции специальным декретом Конвента было введено в качестве обязательного обращение *citoyen / citoyenne* (“гражданин / гражданка”). Впрочем, в посттермидорский период с падением прежнего режима оно бесследно исчезло. Также после распада мировой социалистической системы и в бывших социалистических странах стремительно уходили из языка официальные обращения типа немецкого *Genosse*.

В России же именно обращения оказались в центре двух социально-лингвистических переворотов – “революционного” и “перестроечного”. Считается, что мы, вернув в качестве обращения дореволюционного *господина*, возвращаемся к старому доброму положению дел. Чтобы разобраться с тем, так ли это, придется оглянуться назад.

После революции принципиальные изменения коснулись самых важных обращений: *сударь / сударыня, господин / госпожа, товарищ, гражданин / гражданка* и некоторых других, например *Ваше превосходительство*. На смену обращениям *господин / госпожа* пришло более демократичное *товарищ*. Дореволюционные обращения различали пол адресата, подразумевали определенный и достаточно высокий социальный статус и обычно использовались вместе с фамилией, профессией, званием и т. д. Новая власть ввела новое обращение *товарищ* с претензией на устранение всех отмеченных противопоставлений. Именно *товарищ* стал первым феминистическим вкладом в развитие языка, поскольку называет человека независимо от его пола. Кроме того, *товарищ* может употребляться как в сочетании с фамилией (профессией или званием), так и без нее (*товарищ Иванова; товарищ майор; товарищ, подождите*). С идеологической точки зрения слово *товарищ* имело очевидные преимущества: его использование подразумевало равенство говорящего и адресата, и, кроме того, для него была характерна сниженность статуса адресата по сравнению со старыми обращениями (возможное *товарищ проводник* при невозможном *господин проводник*).

Правда, в ситуации, когда нормальных отношений между людьми нет, обращение вообще невозможно, что тонко подметил М. Булгаков, часто использовавший обращения для характеристики персонажей. В “Мастере и Маргарите” он так описывает сцену избиения:

– Что вы, товари... – прошептал ополоумевший администратор, сообразил тут же, что слово “товарищи” никак не подходит к бандитам, напавшим на человека в общественной уборной, прохрипел: – гражда... – смекнул, что и этого названия они не заслуживают, и получил третий страшный удар неизвестно от кого из двух, так что кровь из носу хлынула на толстовку.

Препятствием для широкого распространения обращения *товарищ* стали связанные с ним идеологические ассоциации. Поначалу существовало противопоставление двух классов –

“господ” и “товарищей”, т. е. людей, употребляющих соответствующие обращения. Обращение *товарищ* для части носителей языка было оскорбительным, для другой же части обращение *господин* свидетельствовало о принадлежности собеседника к идеологически враждебному классу.

Именно в этот период в русском языке появились новые значения слов *господа* и *товарищи*, соответствующие двум общественным группам. Весьма красноречивым было иногда встречавшееся обращение к новым чиновникам *господин товарищ*. *Господин* выполняет свою привычную функцию вежливого официального обращения, а *товарищ* обозначает принадлежность к классу.

Современные же перемены ни в коем случае не являются возвращением к дореволюционной системе. Можно отметить многочисленные различия между сегодняшним и “старым” использованием *господина*. Так, возможны сниженные обращения типа *господин дворник*, недопустимые ранее. Очень часто приходится слышать обращение *господа* к разнополой аудитории. Происходит это по аналогии с неизменяемым по роду *товарищи*, хотя в соответствии с дореволюционным этикетом нужно говорить: *дамы и господа*. Наконец, встречаются совсем уж странные ошибки, когда в официальных письмах это обращение сочетается с личным именем или с именем и отчеством: *господин Андрей* или *господин Иван Иванович*.

Но главное даже не это. Новое обращение используется только в письменной речи, в основном в официальной переписке, а также в прессе. В устной речи его употребление вызывает эффект отчуждения и может иметь даже негативный оттенок. Скажем, во время предвыборных кампаний расположенные к кандидату журналисты обращаются к нему по имени-отчеству, а нерасположенные – с помощью *господина*. Употребление этого слова больше похоже на употребление *товарища* в советский период.

Таким образом, можно сказать, что возвращение в “доброе старое время” не состоялось. В нашу речь вернулся не дореволюционный *господин*, а переодетый в него *товарищ*. А мы, в свою очередь, перестав быть товарищами, так и не стали господами.

Просто Мария

Есть несколько мифов о русском языке, и один из них состоит в том, что у нас нет слов-обращений. Это не так. Например, в русском разговорном этикете (восходящем еще к старой деревенской культуре) допускается обращение к незнакомому человеку с помощью термина родства, например *мать, отец, сынок, дочка, дедушка, бабушка, внучок, внучка, дядя, тетя, братец* или *браток* и некоторые другие. Такое обращение вполне традиционно и совмещает в себе фамильярность вместе с особой теплотой. Говорящий метафорически распространяет модель семьи на весь мир. У Чехова в разговоре двух мужчин (один из которых врач) используется даже ласковое обращение *матушка*. Естественно, что никаких изменений пола при этом не имелось в виду.

Тем не менее основной проблемой для иностранцев остается выбор слова в начале общения. Большинство русских обращений эмоционально окрашены и не могут использоваться в нейтральной ситуации. Увы, действительно нейтрального обращения в русском языке нет. И на улице приходится начинать общение с вежливых формул: *Простите!* или *Извините!* а в менее церемонных ситуациях и с возгласа *Эй!*

Зато особую роль в общении по-русски играют личные имена. Можно даже сформулировать основное правило русского речевого этикета: “Если ты знаешь имя собеседника, используй его”. В течение беседы мы повторяем имена друг друга несколько раз, как бы поддерживая ее, делая нашу речь более адресной и контактной. Интересно, что, например, японцев это скорее пугает, поскольку в японском общении личные имена избегаются, слишком уж интимное это дело. Редко используют имена и финны, и некоторые другие народы.

Подтверждением важности обращения по имени в русском речевом этикете и прежде всего подтверждением осознания этого факта стали видеоконференции президента России В. В. Путина, в частности проведенная в 2003 году. В различных населенных пунктах России были установлены телекамеры, и граждане России с помощью журналистов могли задать президенту вопрос и тут же в прямом эфире получить видеответ. Перед тем как предоставить слово, журналисты просили задающих вопрос представиться. Естественно, что люди представляли себя в зависимости от возраста либо по имени-отчеству, либо по имени. Свой ответ президент, как правило, начинал с уже известного ему личного именного обращения. Более того, в процессе разговора с пожилым человеком, ветераном войны, В. В. Путин повторил обращение несколько раз, что подчеркивало, по-видимому, его уважение и персональную направленность его речи. Таким образом, осознание важности обращения по имени (теми, кто готовил видеоконференцию) привело к приданию ему статуса официального речевого этикета: самопредставление задающих вопрос и обращение к ним по имени в речи президента стали обязательными.

У каждого из нас огромное количество имен, если сложить все сочетания имени, отчества и фамилии, а также всевозможные уменьшительные и ласкательные имена. Такого обилия вариантов нет в других языках, и мало кто из иностранцев способен понять несочетаемую в теории комбинацию типа *Людочка Ивановна*, распространенную в медицинских учреждениях и школах, где отчество выражает уважение, а уменьшительное имя – эмоциональную теплоту. С помощью имени можно выразить очень много разнообразных чувств, но обращение по имени будет также и самым нейтральным. Именно поэтому, вступая в общение, мы прежде всего стремимся узнать имена собеседников.

Речевой этикет меняется на наших глазах, и это касается как раз наиболее нейтральных обращений. За последние два десятка лет заметно сузилась сфера использования имен-отчеств. Отчество практически исчезло из тех сфер общения, которые наиболее подвержены иностранному влиянию, то есть из бизнеса (в политике мы имеем причудливую смесь нового

бизнес-этикета и старого советского). Новый речевой этикет во многих деловых коллективах подразумевает обращение только по имени, в том числе и к начальнику, и к деловому партнеру, то есть в тех ситуациях, где ранее нейтральным было обращение по имени-отчеству.

Такая, казалось бы, точечная замена приводит к значительной перестройке системы личных имен. В русском языке личные имена можно разделить на два класса. Первый класс составляют имена, для которых при самостоятельном употреблении (то есть без отчества и без фамилии) наиболее нейтральным вариантом является полное имя. К этому классу относятся такие мужские имена, как *Андрей, Антон, Максим, Никита* и т. д., и такие женские, как *Вера, Лариса, Марина, Нина* и т. д. С некоторым огрублением можно сказать, что у них вообще отсутствуют краткие нейтральные варианты, а есть только прагматически маркированные: ласкательные и др. Так, меня обычно называют просто *Максим*, и только в особых ситуациях (чаще всего в детстве) я слышал *Максимка, Максимушка, Максик*. Кстати, если к телефону зовут *Макса*, я, еще не взяв трубку, понимаю, что звонит кто-то из моей студенческой или даже школьной юности.

Ко второму классу относятся личные имена, чьи полные варианты раньше самостоятельно не употреблялись, по крайней мере в функции обращения. При самостоятельном употреблении используются соответствующие краткие имена. К этому классу относятся такие мужские имена, как *Александр* (краткие – *Саша* или *Шура*, возможно и *Алик*), *Владимир* (*Володя*), *Дмитрий* (*Дима* или *Митя*), *Евгений* (*Женя*), *Михаил* (*Миша*) и др., и такие женские, как *Анна* (*Аня*), *Екатерина* (*Катя*), *Елена* (*Лена*), *Мария* (*Маша* или устаревшее *Маруся*), *Надежда* (*Надя*).

Еще двадцать лет назад невозможно было вообразить себе ситуацию, когда человека без всякой иронии назовут в разговоре *Александром* или *Константином* и сам он будет так представляться при знакомстве. Это было бы претенциозно, чопорно и даже жеманно. Подобные имена использовались только вместе с отчествами (или уж совсем в особых случаях типа “строгого родительского”: *Владимир, ты до сих пор не сделал уроки!*).

Однако все изменилось. И сегодня старый этикет фактически разрушен. В тех ситуациях, где раньше было принято называть собеседника по имени-отчеству, а теперь только по имени, такие краткие имена, как *Маша* или *Володя*, воспринимаются все-таки как чрезмерно контактные (интимные, фамильярные и т. п.), и вместо них используются *Мария* и *Владимир*, что раньше было недопустимо. Именно так все чаще представляются и незнакомым людям. Вот и превратилась *Мария Михайловна* в просто *Марию*.

Интересное смешение двух систем имеет место в ряде телевизионных программ. Когда приглашенный в студию гость имеет высокий социальный статус, ведущий обращается к нему по имени-отчеству. Однако для представления и называния его в речи, обращенной к зрителям, используется имя без отчества, правда вместе с фамилией. Следуя старой традиции, гостя следовало все же представлять, используя отчество. Таким образом, складывается новый публичный этикет.

Изменения речевого этикета относятся, пожалуй, к самым неосознаваемым в языке. Появление новых слов отмечают все, кто с возмущением, кто с любопытством. Речевой этикет в отличие от слов практически нигде не фиксируется. И сегодня люди так привыкли к новому этикету, что уверены в том, что он существовал всегда. Те, кто вырос после перестройки, воспринимают его как норму, те же, кто постарше, если и морщатся при таких обращениях, то не всегда понимают почему. Вот так мы и меняемся, даже не замечая этого.

Спокойной ночи и удачи!

В 60–70-х годах в прессе время от времени попадались статьи о том, как портится русский язык. В качестве одного из основных примеров такой порчи постоянно приводилось фамильярное прощание *пока!* которое ни при каких условиях, ни в каком случае не должен употреблять культурный человек. Стоит ли говорить, что сегодня без *пока!* русский язык себе представить невозможно. Его используют и некультурные, и малокультурные, и вполне культурные люди. Короче, все.

У каждого времени свои пугала. Сегодня появилось еще более ужасное *пока-пока!*. В первый раз я его услышал по телевизору, в телепередаче Сергея Шолохова “Тихий дом”. Конечно, в русском языке встречается удвоение слов. Мы можем сказать *здравствуйте, здравствуйте!* или *до свидания, до свидания!* но произносим это в замедленном темпе и даже напевно. А тут меня поразил убыстренный темп речи, так что слышалось только *пка-пка!*. Конечно же, это *пка-пка!* было только модной калькой с английского *bye-bye!* своего рода шуткой продвинутого журналиста. И казалось, за границы этой передачи оно не выйдет, так и останется авторской характеристикой. Тем не менее новое прощание распространялось все шире, сначала в речи некоторых “гламурных” персонажей, а потом уже и в речи обычных людей. Сегодня я слышу, что так прощаются дети, а это значит, что *пока-пока* вошло в русский речевой этикет и в русский язык.

Под влиянием английского языка в русском появилось еще несколько вежливых формул. Наиболее прижилось, пожалуй, прощание *увидимся!*. Многие вообще считают его исконно русским. Однако это не так. В русском языке такое слово (точнее, форма глагола *увидеться*), конечно, существовало, но оно никогда не завершало беседу. В отличие от английского *see you!* калькой с которого оно является. В английском стандартность этого прощания обыгрывается в известном стихе *See you later, alligator / In a while, crocodile*, перевести которое на русский нет никакой возможности. Зато можно вспомнить детский стишок Валентина Катаева, ставший с легкой руки Маяковского шуточным приветствием-паролем в их кругу: *Как живете, караси? / Ничего себе, мерси!*. Недавно по аналогии с *увидимся!* начало использоваться и шутовское телефонное *услышимся!*. Правда, пока оно звучит несколько экзотично. В связи с этим меня беспокоит, не появится ли в эпистолярном жанре прощание *упишемся!* Кто знает!

Наконец, менее повезло авторскому изобретению еще одного журналиста, спортивного комментатора Виктора Гусева. Он заканчивал футбольные репортажи и другие свои передачи еще одной калькой с английского – *берегите себя!*. Однако если в английском *Take care!* абсолютно конвенционально, т. е. является чистой формулой вежливости и никто не вдумывается в его смысл, то русское *берегите себя!* невольно заставляет телезрителей вздрогнуть. Ведь если рекомендуют беречь себя, значит, существует какая-то реальная угроза.

В целом подобного рода заимствования остаются для многих непривычными и скорее должны рассматриваться как модное, но недолговечное явление. Хотя кто знает.

Среди новых “уродцев” речевого этикета есть и исконно русские. Одно из самых нелюбимых мной – новое и уже вполне прижившееся приветствие *Доброй ночи!*. Оно появилось вместе с новым явлением – прямым ночным эфиром. Сначала в речи ведущих, которые таким образом – с особым шиком – здоровались со зрителями / слушателями, звонившими ночью в студию. Потом же *Доброй ночи!* было подхвачено и самими звонившими и даже вышло за пределы студийных бесед. Например, оно иногда используется как приветствие при телефонном звонке в слишком позднее время.

В действительности появление такого приветствия противоречит многим нормам языка. Во-первых, в европейских языках аналогичная формула (*good night, Gute Nacht* и *bonne nuit*) используется именно при прощании, в отличие от дневных приветствий типа английских

good morning, good evening, немецких *Guten Morgen, Guten Tag, Guten Abend* или французских *bonjour, bonsoir*. Это соответствует и обычному русскому прощанию *Спокойной ночи!*

Во-вторых, в русском языке *Доброй ночи!* как формула прощания уже существует, хотя и используется значительно реже, чем *Спокойной ночи!*.

В-третьих, в ней представлен родительный падеж, который в русском языке означает пожелание, традиционно используемое именно как прощание: *Счастливого пути! Удачи! Счастья вам!* и т. д. (с опущенным глаголом *желаю*). Приветствие же выражается другим падежом (*Добрый день! Хлеб да соль!*).

В последнее время по аналогии с этим появляются и новые “неправильные” приветствия. Например, в интернете все чаще встречается *Доброго времени суток!* подчеркивающее тот факт, что электронное письмо может быть получено в любое время.

Как лингвист, я бы всячески рекомендовал не расшатывать стройную систему русского этикета и не использовать приветствий в родительном падеже. В том же интернете встречается и более грамотное приветствие *Доброе время суток!*. Игра сохраняется, а правила соблюдены. Но при всем при этом я рискую оказаться в положении пуристов, боровшихся с прощанием *пока!*. Ведь последнюю точку ставит не лингвист, а народ. И если слово овладевает массами, а массы – словом, то никакой лингвист не сможет его запретить. Так что поживем – увидим.

И наконец, о последнем “уродце”. Слово *превед* появилось в русле народного интернет-движения “За неправильную орфографию!” наряду со словами *аффтар, исчо* и др. Все эти, казалось бы, нелепые написания объединяет то, что они читаются так же, как правильные. И уж точно являются игрой, модной в интернет-сообществе. Впрочем, в интернете найдется все, и уже часть интернет-сообщества начинает бороться со словом *превед*. Самое смешное, что недавно в речи студентов я услышал отчетливое произношение слова *превед*, чего по правилам русского произношения уж никак не должно быть: безударный гласный больше похож на *и*, а согласный на конце всегда глухой (*т*). Но, пожалуй, это можно отметить как чистый казус и всерьез не комментировать. Короче говоря, берегите себя!

Из Европы – с приветом!

Речевой этикет у каждого народа свой. Но интересно, что мы не только по-разному говорим, но и по-разному молчим. Точнее, когда у одних народов принято говорить, у других – принято молчать.

Сравнивать людей русской культуры с другими народами чрезвычайно интересно, но трудно; прежде всего потому, что русский речевой этикет за последние 20 лет изменился так сильно, что, по существу, можно говорить о двух разных речевых этикетах: старом и новом. И носители нового этикета – молодые люди – намного ближе к усредненной западной культуре общения. Поэтому для чистоты сравнения возьмем городского человека 80-х годов.

О русских (тогда еще – о советских) сложился известный культурный миф, что они в целом не слишком дружелюбны. Мало улыбаются и – что немаловажно – редко здороваются. Вот с тем, что русские редко здороваются (или, точнее, здоровались), и стоит разобраться. Попробуем представить несколько стандартных ситуаций.

Два незнакомых человека встречаются в подъезде жилого дома. Или даже (чтобы усугубить ситуацию) оказываются в одном лифте. Что делают при этом два стандартных европейца (стандартными мы будем считать жителей западной континентальной Европы, не слишком южных и не слишком северных, – скажем, немцев или французов; впрочем, и американцы ведут себя так же)? Они в этой ситуации непременно друг с другом поздороваются. А вот двое русских – ни в коем случае.

Или другая ситуация. Два незнакомых человека встречаются в отдаленном пустынном месте: в лесу, в парке и т. п. Двое европейцев, прежде чем разойтись, скорее всего опять поздороваются. А русские (если только они не намерены вступить в беседу) – снова нет.

Более того, можно сказать, что приветствие и в лифте, и в лесу для носителя русской культуры скорее даже нежелательно, поскольку подразумевает дальнейшее общение, не исключено, что и агрессивное.

Наконец, третья ситуация. Встречаются служащий и его клиент. Или, для большей конкретности, человек входит в магазин и вступает в коммуникацию с продавцом или кассиром. И снова в европейском магазине общению предшествует взаимное приветствие. Представить же себе, что в 1980-е годы москвич, войдя в гастроном, сказал бы: *“Здравствуйте. Взвесьте мне, пожалуйста, 200 граммов колбасы”*, – совершенно невозможно. *„200 грамм “Любительской”, пожалуйста!”* – вот вполне вежливая фраза, соответствующая тогдашнему речевому этикету. Приветствие же сразу выдавало иностранца. Одна моя знакомая, вернувшись в середине 1980-х годов после длительного пребывания за границей в Москву, решила, как она рассказывала, научить своих соотечественников вежливости. То есть начала здороваться в магазинах. Это вызывало бурную и довольно неприязненную реакцию. Ее приветствия воспринимались либо как странность, либо как простое издевательство. И в лучшем случае она слышала в ответ: *“Девушка, не задерживайте очередь!”*

Таким образом, в отличие от европейского этикета русский не требовал приветствия от незнакомых людей в ряде ситуаций, а именно – при краткой формальной коммуникации, в том числе между служащим и клиентом. В этом смысле можно говорить о меньшей открытости русских, которые либо вовсе не вступали в коммуникацию (обмен приветствиями без продолжения коммуникации тем не менее сам уже является коммуникацией), либо ограничивались краткой строго формальной коммуникацией. Более того, приветствие в таких случаях воспринималось носителем русского этикета как своего рода экспансия или, точнее, прелюдия к не всегда желательному разговору (например, в лифте).

В современной науке вежливость рассматривается как снятие или смягчение возможной или реальной агрессии. Таким образом, если оценивать в целом стратегии вежливого поведения

ния в рассматриваемых ситуациях, то европейскую можно было бы обозначить как “мы (ты и я) – свои, и поэтому я не представляю для тебя опасности”, а русскую – как “ты для меня не существуешь, и поэтому я не представляю для тебя опасности”.

Здесь очень важно заметить, что русские были ничуть не менее вежливыми, чем европейцы, – просто этикет у них был устроен иначе. Невежливость русских возникала только в той ситуации, когда они, попадая в Европу и говоря на соответствующем иностранном языке, сохраняли свой речевой этикет (свои стандартные манеры). Но ведь и поведение иностранца в России, говорящего по-русски, но сохранявшего свой речевой этикет, выглядело по меньшей мере странным.

За последние годы произошел сдвиг русского речевого этикета в сторону европейского. Прежде всего речь идет об общении в магазине. Эта ситуация, в отличие от двух других и даже в отличие от близких к ней ситуаций в транспорте, в медицинских учреждениях, попадает в сферу корпоративного этикета. Во многих крупных магазинах больших городов действует обязательный корпоративный этикет. Продавец или кассир должны обязательно поздороваться с клиентом. Не ответить в данном случае на приветствие было бы откровенной грубостью. Естественно, что постоянные покупатели сами начинают здороваться с продавцами и кассирами.

Определенные изменения происходят и при встрече незнакомых людей в доме или рядом с ним. Все чаще происходит обмен приветствиями во дворе и подъезде, причем это касается в основном молодого и среднего поколения. Очевидно, здесь также сказывается знакомство с европейским этикетом, причем, по-видимому, непосредственное.

Итак, наш этикет за достаточно короткий срок существенно изменился. Мы стали больше похожи на европейцев и американцев. Новый этикет приветствий уже сложился в корпоративной культуре и постепенно складывается в бытовой. И здесь мне почему-то совсем не жаль старой русской традиции. Ну что, разве от нас убудет – лишний раз поздороваться? А приятный осадок останется.

Чрезмерная вежливость

Правда, и с вежливостью не стоит перебарщивать.

Неужели вам незнакомо это чувство, когда хочется швырнуть трубку всего-то после третьего-четвертого повтора с легким придыханием: “Ваш звонок очень важен для нас. К сожалению, в данный момент все операторы заняты...”? Ну и так далее по тексту. Вежливость тоже может раздражать, особенно если она, как бы это поаккуратнее сказать, не вполне естественна, что ли.

Приведу два примера из собственного языкового опыта.

Первая сцена разворачивается в эстонском посольстве в очереди. В окне выдачи виз сообщают, что время работы закончилось и следующая по очереди русская женщина визы не получит. Та, однако, возражает, говоря, что ее впустил охранник и она отстояла очередь. В качестве свидетеля она призывает охранника, чье имя случайно услышала: “Ян, Ян, подойдите, скажите...” и т. д. Охранник подходит и молча присутствует при разговоре русской просительницы и эстонской чиновницы, а затем так же молча отходит на свое место. Обращение по имени к незнакомому человеку, выполняющему в данный момент свои профессиональные обязанности, по-видимому, совершенно исключено в европейском, и в том числе в эстонском, речевом этикете, но допустимо, хотя также с определенными ограничениями, в русском. В данной ситуации оно является способом установления более близких отношений, сокращения дистанции и привлечения адресата на свою сторону (как своего). Напротив, с точки зрения служащего оно воспринимается как внедрение в личную сферу, незаконная (имя ведь услышано случайно) претензия на знакомство и попытка изменить служебные отношения на личные без каких-либо оснований.

Второй пример связан с моей собственной реакцией на распространенную французскую просьбу, выражаемую конструкцией из слов *merci de* + глагол в неопределенной форме или отглагольное существительное, например, *merci de me rendre quelque chose* или *merci de votre comprhension* (последнее выражение, как правило, завершает констатацию некоего положения дел, не слишком приятного для адресата). Эту конструкцию достаточно сложно перевести на русский язык, поскольку русское *спасибо* – естественный перевод французского *merci* – является реакцией на уже совершившееся событие. В данных же примерах речь идет о благодарности за еще не сделанное действие, которое состоится в будущем. В русском языке “благодарность вперед” возможна, однако значительно более редка. Существует выражение *заранее благодарен*, используемое в письменной речи (как правило, в письмах). Оно включает некую просьбу и выражает определенную подчиненность пишущего, более низкий статус. Выражение *merci de votre comprhension* можно перевести на русский язык как “надеюсь (или надеюсь) на ваше понимание”.

Эта конструкция, безусловно относящаяся к средствам выражения вежливости, вызвала у меня устойчивое раздражение и воспринималась, напротив, как не вполне вежливое и достаточно агрессивное действие. Опрос русских, живущих во Франции, показал, что эта реакция не единична и, по крайней мере, не случайна. Выражение благодарности за еще не совершенное действие воспринимается как навязывание этого действия, то есть не как вежливая просьба, а скорее как агрессия, спрятанная за этикетной формой благодарности, что совершенно нехарактерно для русского этикета. Перевод *merci* с помощью “надеюсь” не адекватен, поскольку данное русское слово выражает неуверенную просьбу в отличие от сверхуверенной (если не сказать – самоуверенной) благодарности за еще не случившееся. Произнесенная благодарность обязывает адресата следовать навязанной стратегии, предопределяет его действия и лишает возможности выбора.

Обе описанные языковые ситуации интересны сами по себе. Но кроме того, они подтверждают достаточно важный, хотя и очевидный факт: использование речевого этикета одной культуры (в данном случае слов, направленных на установление положительного контакта и доброжелательных отношений) по отношению к представителю другой культуры может вызывать непредвиденные негативные последствия, в частности восприниматься как своего рода агрессия.

Думаю, что, читая эти рассуждения, многие удивятся, потому что за прошедшие годы слово *спасибо* после просьбы стало довольно обычным в корпоративных письмах на русском языке.

Кроме особенностей нашего этикета, про которые я говорил в предыдущей главе, у него есть еще одна важная черта – анонимность, и прежде всего она реализуется как раз в телефонном разговоре. Мы не любим называть себя (и этому есть много серьезных причин²⁷) случайному собеседнику. Если я звоню кому-либо по служебной надобности, а трубку берет кто-то другой, то, как правило, ни он, ни я не называем себя и не здороваемся, а я просто прошу подзвать нужного человека. Даже на личных автоответчиках чаще встречается запись “Вы позвонили по телефону такому-то”, чем имя хозяина. Впрочем, это касается не только телефона. Мои японские коллеги отмечали, что для них естественно представиться, даже если они задают вопрос на конференции.

Я уже сказал, что за последние годы произошел резкий сдвиг русского речевого этикета в сторону европейского. Изменилось и телефонное общение. Во всех крупных или просто уважающих себя компаниях служащий, беря трубку, либо представляется сам, либо называет свою компанию и, как правило, здоровается. К хорошему – в данном случае открытости и “персональности” общения – привыкаешь очень быстро. Поэтому когда-то привычное старое уже раздражает. Например, когда звонишь в обычную поликлинику, кто-то снимает трубку и ты еще пару минут слушаешь разговор о чужих проблемах, а потом короткое “Да”, кажется, что ты попал в другой мир. По существу, так оно и есть. И все-таки, вводя чужой этикет, надо быть осторожным. То, что немцу здорово, русскому не то чтобы смерть, но как-то не по себе. Русский этикет, даже новый, все-таки достаточно экономен и прост, поэтому длинные и непривычные фразы мы склонны воспринимать уже не как чистую вежливость, а скорее как содержательное общение. А к нему и требования иные. Так что осторожно, особенно с корпоративным этикетом.

Вот и фразе “*Ваш звонок очень важен для нас*” поначалу просто веришь, на третьей минуте ожидания начинаешь сомневаться, а на десятой понимаешь, что тебе нагло врут. А ведь автоответчик всего лишь хотел быть вежливым...

²⁷ Эти причины кроются и в нашей истории, и в нашей повседневности. Возможно, это некое чувство опасности, исходящее от внешнего мира и грозящее нам, если мы раскроемся – назовем себя.

Этикет

Как правильно начинать электронное письмо, с обращения или с приветствия? Увы, не знаю. И если кто скажет, что знает, не верьте ему. Этикет электронного письма еще окончательно не сложился, и человек, который дает рекомендации по этому поводу, просто придумывает его.

Новые технологии разрушили один из самых важных и незыблемых коммуникативных постулатов, состоящий в том, что речь бывает устная и письменная (в быту скорее называемая текстом), каждая со своими яркими особенностями. Ну действительно, находясь в аське (ICQ), в ЖЖ, посылая *е-мейл* / *и-мейл* (сам я склоняюсь к первому варианту, хотя, как это ни смешно, логичнее было бы писать *э-мейл*), мы, безусловно, пишем, но вот то, что мы пишем, больше похоже на устную речь. Хотя бы с точки зрения синтаксиса, если читатель еще помнит это слово.

Более того, в интернет-речи есть много всякого нехарактерного для письма, например смайлики. Смайлики ведь соответствуют мимике, а отчасти жестам и интонации, то есть компонентам именно устной речи. Я уж не говорю о том, что сами жанры и стили, встречаемые в интернете, гораздо более естественны для устного общения – дружеский обмен мнениями, перепалка или перебранка, рассказывание анекдотов и их комментирование и т. д.

Когда-то в интернете предпринимались попытки отгородиться с помощью языка от остального мира. Тогда и начали появляться различные самоназвания типа *сетяне* или *сетенавты*, а для собственного этикета придумали смешное слово *сетикет* (или *нетикет*, заимствованный из английского). Однако это слово так и не прижилось. Во-первых, сетевой этикет уж не настолько отличается от обычного, то есть не становится самостоятельной системой, просто кое-где возникают отдельные дополнительные правила. Во-вторых, сам интернет очень разнообразен, и, конечно, никакого единого этикета в нем не существует, причем разных дополнительных правил в уголках сети довольно много, и актуальны они для отдельных сообществ. Слишком уж по-разному общаются фанаты “Спартак”, поклонники Мадонны, представители бизнеса и, скажем, ученые. В принципе не исключено, что один и тот же человек заглядывает на все эти сайты или форумы, но ведет себя каждый раз соответственно. Где-то принято ругаться матом, где-то мат “банят”, запрещают, а где-то как бы не замечают.

Но вернемся к электронному письму. Когда я говорил об отсутствии “электронного” этикета (который я, собственно, несколько неуклюже и попытался назвать “этикетом”, чем, наверное, порадовал носителей украинского языка), я сильно кривил душой. На самом деле он конечно же существует, но представляет собой довольно причудливую смесь из компонентов устного и письменного (в основном эпистолярного) этикета.

В начале *е-мейла* возможно как особое письменное обращение, так и приветствие. Можно начать такое письмо словами: *Уважаемый господин Тунгусов* или *Дорогая Марина*. Интересно, что прежде в русском языке, как, например, и в немецком, слово *дорогой* использовалось для более интимного обращения (следующая ступень, по-видимому, *милый* и далее *любимый*). Однако под влиянием английского *dear*, которое наиболее нейтрально, но переводится на русский именно как “дорогой”, последнее стало вытеснять *уважаемый*. Так сегодня порой в письме обращаются и к малознакомым людям.

С другой стороны, электронное письмо можно начать и с приветствия, обычно без слов типа *уважаемый* или *дорогой* (подчеркну, практически обязательных в эпистолярном жанре): *Здравствуй, господин Тунгусов* или *Привет, Марина*. Такое начало характерно как раз для устного общения. Именно в электронных письмах появилось смешное и совершенно неправильное приветствие *Доброго времени суток*. Лучше уж было бы – *Доброе время суток*, впрочем, я уже об этом писал. В этом приветствии в игровом ключе проявляется настоящая интер-

нет-вежливость. Пишущий мог использовать для приветствия обозначение “своего времени”, то есть времени написания письма, однако из уважения к читающему или даже многим читающим предпочел туманную неизвестность – *время суток*. Итак, электронный этикет допускает и письменные, и устные формы, а порой даже смешивает их, как когда-то поступал товарищ Сухов из “Белого солнца пустыни”: *Добрый день, веселая минутка, любезная Катерина Матвеевна*. Его замечательные, как теперь бы сказали, аудиописьма были смешны во многом именно из-за стиля.

Самое же интересное в электронной переписке происходит, когда она состоит из целого ряда посланий. Я уж не буду говорить о приемах сохранения в рамках одного письма прошлых текстов (или их фрагментов), хотя и это сближает е-мейлы не с обычными письмами, а с записками на одном листе бумаги, которыми обмениваются школьники на уроке или студенты на лекции. В ходе переписки, особенно если она проходит интенсивно, постепенно теряются вежливые слова. Сначала опускаются эпитеты *дорогой* и *уважаемый*: *Марина, я согласна с тем, что ты пишешь, но...* – а потом и сами обращения: *Ни в коем случае!* Очередные письма рассматриваются не самостоятельно, а в контексте всей переписки, благо контекст действительно перед глазами. И это уже жанр беседы или, если пытаться искать аналоги в письменной речи, жанр записки, но не городской, посланной с нарочным, а именно школьных записок, которыми перебрасываются в течение урока многократно.

Электронное письмо – жанр довольно разнообразный и очень демократичный. Его этикет формируется спонтанно на основе уже существующих вариантов, и нет никакой необходимости навязывать ему ту или иную норму. Очевидно, впрочем, что его развитие продолжается и в дальнейшем будут возникать новые, в том числе игровые, элементы.

Основной инстинкт

Русский язык в интернете – это, конечно же, черт знает что такое. Но при этом это все равно русский язык.

Начнем с самого простого – с яростной порчи орфографии. Возникла она не в интернете, но именно в интернете была поставлена на поток. И наиболее ярко проявилась в так называемом языке падонков и истории со словом *превед*. Порча орфографии оказалась настолько привлекательной идеей, что сразу овладела интернет-умами и стала модной и почти обязательной. Прежде чем как-то оценивать этот процесс, хорошо бы понять, зачем нам вообще нужна орфография²⁸.

Хорошо известно, что именно орфография помогает легче воспринимать написанное, то есть попросту – быстрее читать. Это происходит потому, что мы привыкли к определенному графическому облику слов и опознаем их даже не целиком, а по нескольким ключевым буквам, прежде всего – по первой и последней. Неправильное написание незначительно задерживает наш взгляд на слове, тормозя процесс чтения в целом. Если таких задержек оказывается много (то есть мы имеем дело с неграмотным текстом), чтение тормозится не чуть-чуть, а сильно.

На самом деле орфография помогает и быстрее писать, поскольку грамотный человек делает это автоматически. И вот здесь прозвучало ключевое слово: *грамотный*. Дело в том, – и сейчас я раскрываю большой секрет, – что орфография облегчает жизнь далеко не всем, а только грамотным людям. Именно поэтому при любых реформах орфографии и графики страдают прежде всего они – те, для кого письмо и чтение стали, по существу, основным инстинктом. И именно образованные люди сильнее всего сопротивляются таким реформам. Остальные же без орфографии даже немного выигрывают: не надо думать, как писать, да и чтению это не мешает, поскольку привычки к определенному графическому облику слов у них не сформировано. Главное же, что при отсутствии орфографии незнание орфографических правил им абсолютно не вредит, так что их социальный статус сильно повышается.

Вторая причина привлекательности неправильной орфографии заключается в том, что она придает слову дополнительную выразительность. Один мой знакомый объявил, что будет писать *жи* и *ии* только с буквой *ы*, – в частности потому, что *жызнъ* более энергична и *жызненна*, чем *жизнь*. И по-своему был прав. Так он и писал: *жывот*, *ошыбка*, *машына*. Однако, будучи грамотным человеком, периодически забывался и срывался на нормативное *держишь* и *пишите* (сознательно следить за окончаниями значительно труднее, и здесь срабатывал автоматизм).

Итак, всевозможные выражения языка падонков – *ащикый сотона*, *аффттар жжот* и *пеши исчо*, – безусловно, выразительны и потому так популярны. Кое-кто стал даже говорить о новой неправильной орфографии, то есть новой системе антиправил. На самом деле никакой особой системы нет. По существу, есть лишь одно основное правило: там, где можно написать слово иначе, чем оно пишется, и это не повлияет на его произнесение, – пиши иначе. Фактически это означает, что написание *сотона* является – как бы это сказать – приемлемым, потому что везде, где ошибку сделать было можно, она сделана. При этом для слова *еще* возможны варианты: *исчо*, *ищцо* и т. п., один из которых, возможно, становится каноническим. Так, правильно писать *аффттар* с двумя *ф*, а не с одним, хотя оба варианта одинаково ошибочны.

Но здесь-то и кроется опасность. По-настоящему неправильно могут писать только очень грамотные люди, которые, во-первых, знают, как писать правильно, а во-вторых, понимают, какие ошибки не искажают произношение. Так, мне очень трудно поверить в то, что неграмотный человек мог бы написать *превед*, *кросавчег!* (лучше, впрочем, было бы *кросафчег*), потому

²⁸ Подробный разговор об орфографии и ее реформе будет чуть позже, но без нескольких слов не обойтись и сейчас.

что сделаны почти все возможные ошибки, причем каждый раз выбирается наиболее неестественная с точки зрения произношения буква.

Выразительность же всех этих написаний весьма условна. Они выразительны, пока мы осознаем их необычность и неправильность. По мере привыкания к ним и забывания “правильного прототипа” они станут совершенно обычными, нейтральными, но правила орфографии при этом мы потеряем безвозвратно.

Меня поразила позиция одного безусловно грамотного и вполне образованного человека по этому поводу, сформулированная на одном из форумов: дайте мне самовыражаться в интернете так, как я хочу, а вот моих детей в школе, господа лингвисты, извольте учить правильному языку и правильной орфографии. Этот человек, увы, не понимает одной простой вещи: то, что для него является игрой, для следующего поколения постепенно превращается в норму. Язык осваивается не в школе и не под чутким руководством каких-то там лингвистов. Вполне возможно, что его сын впервые увидит слово *аффтар* именно в интернете и именно в таком виде. И это окажется его первым и основным языковым опытом, который не перечеркнешь школьной зубрежкой.

Учитывая распространение интернета, игры и изыски взрослых с большой вероятностью станут основной языковой средой для сегодняшних детей.

После всего сказанного читатель вправе спросить меня, как же я оцениваю будущее нашей орфографии. На это у меня есть два ответа. В краткосрочной перспективе – очень плохо. Сегодняшние модные игры интеллектуалов выгодны неграмотным людям, а их, как известно, больше. В долгосрочной же перспективе грамотные образованные люди, безусловно, спасут нашу орфографию и победят. Вы спросите, как? А как обычно: неизвестным науке способом.

Коллективное остроумие Сбрендили

Ая обучался азбуке с вывесок, листая страницы железа и жести...» – писал в поэме “Люблю” Владимир Маяковский. В наше время обучиться азбуке таким способом у поэта не вышло бы. Вывески, перетяжки, рекламные щиты, а на них бренды да слоганы, все это порой трудно прочесть даже взрослому человеку (особенно грамотному). Во-первых, русских слов на вывесках и прочем не так уж много. Во-вторых, русские буквы перемешаны с нерусскими, а иногда даже и с не-буквами. Ну и, в-третьих, просто ничего не понятно. Например, что означает “плюс” или “+” в конце слова: “Работа+”, НТВ+, “Европа Плюс”? Если бы были “Работа + отдых” или “Европа + Америка”, еще куда ни шло, а так совершенно непонятно. Или вот, скажем, “ТрансИнвестКредитТрастБанк”²⁹. Что это: одно слово или пять? Если пять, то где пробелы между ними, а если одно, то откуда берется столько прописных букв внутри слова. Или вывеска “Хлебъ”. Кажется, что попал в дореволюционную Россию, но такую чуть-чуть ненастоящую. В настоящей бы после *л* написали букву *ять*, да кто ж это сейчас помнит. Или вот огромная перетяжка через Садовое кольцо – *Выездная трапеца*, записанная по правилам дореволюционной орфографии. Вроде все красиво, но только после буквы *ы* идет буква *ер*, а должна была бы быть буква *ять*. Вечно с этим *ятем* проблемы.

Идем дальше – сапожная мастерская “Versal”, это мы вроде перенесли во Францию. Жалко, что тамошний Версаль пишется иначе, но с другой стороны, он ведь и не сапожная мастерская. Похоже, что знание иностранных языков только мешает. Как, например, русский человек со знанием одного иностранного языка (а значит, английского) должен прочесть название компании ТНК-ВР, если никогда не встречал его раньше? На мой взгляд, есть только два разумных варианта: тэ-эн-ка-вэ-эр (если считать, что это русские буквы) или ти-эйч-кей-би-пи (если считать, что это по-английски). Догадаться, что это слово написано сразу на двух языках, на таком русангле, невозможно. Опять же на Садовом кольце, проезжая мимо обувного магазина, я притормаживаю, чем создаю аварийную ситуацию. На нем написано “petek”, и мне непонятно, петек это или ретек. И я на этом месте каждый раз торможу.

Есть у меня в Москве и самая нелюбимая вывеска. Это ресторан “Т. Ж. И. Фрайдис”. Сначала, глядя на нее, я не испытывал особых отрицательных эмоций. Думал, ну открыл некий Томас Жан Ингеборга Фрайдис ресторан и назвал своим именем, что ж в этом худого, не всем же быть Обломовыми да Пушкиными. Но когда мне объяснили, что за этой надписью скрывается английское выражение *Thanks God It's Friday* (в традиционном, несколько вольном переводе: “Слава богу, сегодня пятница”), я расстроился, потому что перестал понимать что бы то ни было. Откуда берется *с* на конце, мне все-таки объяснили, а вот с *Ж* я так и не смирился: лучше уж *Г* (от *God*). Но главное, я не понимаю, кто все это может понять. Ну да ладно, *Ж*. им судья!

Казалось бы, из всего сказанного вывод может быть только один – запретить! То есть абсолютно все запретить. Нерусские буквы запретить, древнерусские тоже запретить, слова чтоб остались только наши, отечественные, а за плюсом чтоб всегда следовало слагаемое (и желательно сумму указывать). И “МегаФон” станет “Мегафоном”, и “Yandex” – “Яндексом”, и всем будет хорошо. Нет, “Яндексу” хорошо не будет, потому что слова такого русского нет и имени такого нет, а значит, придется запретить целиком. Впрочем, и конкурентов его тоже запретят, так что никому не будет обидно. Но все-таки жалко.

²⁹ Автор приносит извинения тем банкам, составные части названия которых не были упомянуты.

Вот, кстати, и торговую марку “ЧайКофский” тоже запретить за издевательство над великим композитором. А ведь тоже жалко, потому что действительно смешно, и вряд ли Петр Ильич обижается. Даже возмутительное смешение алфавитов бывает чем-то оправдано. Написание названия газеты “Коммерсантъ” с твердым знаком подчеркивает определенную преемственность с дореволюционной эпохой³⁰, а латинское *i* в названии газеты “иностранец” делает ее как бы более иностранной.

Так что и окончательный вывод получается какой-то жалкий и двусмысленный. Как говорится, с одной стороны, но с другой стороны. В общем, пусть себе существуют.

А если говорить более решительно, то названия компаний и продуктов и, шире, реклама в целом – это своего рода игровая площадка, и было бы странно ожидать здесь соблюдения орфографических норм. Графические игры бывают разные. Это прежде всего выделение некоторых фрагментов слова или текста с помощью шрифта, цвета или размера букв. Таким образом, линейность текста уступает место многомерности, а в слове как бы мерцают другие значимые слова, например, в “МегаФон” видно слово *фон*, то есть звук. Иногда это делается с нарушением языковых норм, но это нарушение все равно осознается как игровое. В качестве примера можно привести слоган *Ниссанмневайтесь*, в который встроено название фирмы с легким искажением русских слов. В названии же магазина “Шалуны” буква *a* перевернута вверх тормашками, что дополнительно символизирует эту самую шалость.

Как и любая игра, игра с брендами может быть удачной и неудачной (или безвкусной), а порой мы имеем дело с очевидной безграмотностью (незнанием иностранных языков или дореформенных правил орфографии). Но и в этом случае нет смысла говорить о запрете, потому что наказанием за неудачный бренд, в частности за смешение “французского с нижегородским”, становится экономический провал, невнимание или насмешка потребителя.

Запрещать, а точнее, наказывать в судебном порядке нужно лишь то, что оскорбляет общественное мнение, но это регулируется отнюдь не орфографическими правилами.

А вот учиться читать придется по книжкам, что, может быть, и сподручнее.

р. s. Между тем вслед за бизнесменами потянулись и писатели. На прилавках лежат модные книжки на русском языке: “Casual” (английское слово), “Anticasual. Уволена, блин” (смесь английских и русских слов), “Duxless” (смесь английских и русских морфем), “Про любoff / on” (адская смесь). В книжных магазинах иногда выделяются специальные полки или столики для таких книг. Смешение кириллицы и латиницы – это теперь просто показатель “гламурности” романа. Может, все-таки запретить, пока еще не поздно? Или не запрещать?

³⁰ Что прекрасно сочетается с информацией, сообщаемой читателям газеты на первой странице: “Издается с 1909 года. С 1917 по 1990 год не выходила по не зависящим от редакции обстоятельствам”.

И целого мира мало

Ни один уважающий себя магазин не хочет быть просто магазином. И это понятно. Ведь нужно выделиться из ряда себе подобных. Давайте вспомним, как называются, например, книжные магазины или магазины подарков. Да, действительно, некоторые отдельные магазины еще так прямо и называются – магазин “Книги” или магазин “Подарки”. Но согласитесь, что это как-то банально или, говоря сегодняшним языком, некреативно. Как быть? Вы скажете – салон, и будете неправы. Салонов тоже хватает, и это тоже некреативно.

Есть несколько разных стратегий самоназывания, и самая простая – это укрупнение. Тут главная идея, что товара много, а значит, должно быть все или, по крайней мере, большой выбор. Укрупнение идет по нарастающей. Сначала захватим целый *дом*: “Дом книги”, “Дом игрушек”. Потом *город* (“Город игрушек”), потом *страну* (“Страна подарков”). Наконец, целый *мир*. Впрочем, *миры* появились уже давно, и к ним тоже привыкли: “Мир подарков”, “Детский мир”, “Книжный мир” и т. п. А сегодня, по-видимому, под американским влиянием (“Планета Голливуд”) активно распространяются всевозможные *планеты*: ресторан “Планета суши”, выставка “Планета образования”³¹.

В общем, получается, что и целого мира мало. Кто-то уже начинает замахиваться на вселенную, но это пока не магазины, а выставки, ярмарки, проекты. Однако самые мудрые уже поняли, что это тупик. Дальше, – точнее, больше – вселенной ничего нет. И значит, надо не просто укрупняться, а добавлять другие оттенки значения, например важность или серьезность. Вот и появились в интернете “Министерство подарков” и даже “Академия подарка”. Название *министерство* подразумевает не только большую величину, но и солидность и, как бы это сказать, – “главность”. Кто у нас главный по подаркам, куда обращаться? Конечно же, в “Министерство”. Слово *академия* в названии эксплуатирует еще одну важную идею – идею компетентности, но об этом чуть позже.

Идею укрупнения в свое время с успехом подхватили государственные образовательные учреждения. Вскоре после перестройки стали исчезать институты, превращаясь в университеты и академии. Не важно, что *университет* подразумевает преподавание разнообразных и универсальных знаний, не важно, что в его составе должны быть разные факультеты, представляющие большой спектр наук. Важно, что название *университет* престижнее и предполагает другие ставки и прочие финансовые условия. Вот и появились университеты да академии туризма или железнодорожного транспорта (поверьте, никого не хочу обидеть), ничуть не изменившись организационно с той поры, когда они назывались институтами. Впрочем, если они меняются, как правило, получается еще смешнее. Представьте себе в некоей Медицинской академии новый факультет иностранных языков или еще какой-нибудь модный и непрофильный факультет. Зачем? Потому что выгодно. Ради этого же (престиж + деньги) училища превратились в колледжи, а многие школы – в гимназии и лицеи.

Все бы ничего, да есть одна беда, связанная с языком. Если все стали университетами, то слово *университет* неизбежно теряет свой старый смысл, а вслед за ним и престиж. Происходит своего рода девальвация значения.

Поэтому, если вернуться к магазинам, стратегия укрупнения и повышения важности с помощью названия хороша, только если вы первый и желательно единственный. Так что названия “Министерство подарков” или “Академия подарка” пока вполне удачны, то есть привлекают клиентов, а проще говоря – работают. Другое дело, что “академий” уже довольно много, правда, в соседних областях. *Академия* несет идею всеобъемлющего научного знания и вместе

³¹ Кстати, американизация видна и в названии книжного магазина – Лас-Книгас. Такой вот книжный Лас-Вегас получается, жаль только, что непонятно, что бы это могло значить.

с тем солидности и компетентности. Кроме того, в *академии* присутствует и творческая составляющая, то есть место, где появляются и развиваются новые идеи. Именно поэтому “Академия красоты” пока еще (см. выше) звучит привлекательнее простого “Салона красоты”.

По существу, речь уже пошла о новой стратегии – внесении в название элемента творчества и исследования. Модными постепенно становятся такие слова, как *лаборатория* или *мастерская*. Мне уже несколько раз встречались “Лаборатории красоты”, а тут в первый раз попалась “Мастерская флористики”. Согласитесь, что звучит куда привлекательнее стандартного: магазин “Цветы”. Совсем недавно я столкнулся с “Лабораторией сновидений”. Вы думаете, что там на заказ делали сны? Нет, всего лишь продавали подарки. Но кто откажется заглянуть в такой магазин? Популярностью пользуются и *фабрики*: мне попадались магазины под названиями “Фабрика букетов” и “Фабрика шоколада”.

Есть еще одна заметная стратегия, в каком-то смысле противоположная укрупнению. В последнее время на вывесках стали появляться уменьшительные слова *ресторанчик*, *кабачок*. Последнее, конечно, еще вызывает в памяти знаменитый в советское время телевизионный кабачок „13 стульев”. Главным все же следует считать не маленький размер, а скорее ощущение уюта и домашнего тепла, возникающего в небольших пространствах. Именно поэтому в этом же ряду находятся такие названия, как “У мамы Зои”, “Моя мамочка” или “У Катюши”, которые включают ласкательные имена или семейные термины. Язык используется здесь для одомашнивания, создания интимной атмосферы, и, естественно, такие названия характерны прежде всего для “пунктов питания”. Впрочем, *магазинчики* тоже существуют, особенно если в них продаются товары для детей или юных девушек. Пожалуй, “Магазинчик одежды для крупных мужчин” выглядел бы диковато.

Наконец, в этом мире, где всякий хочет или просто обязан выделиться, есть и еще одна стратегия, имеющая, впрочем, весьма ограниченное применение. Когда все придумывают себе название поярче и повычурнее, оригинальным вдруг может оказаться самое тривиальное. Недаром же в последние годы появились газета под названием “Газета” или еженедельный журнал под названием “Еженедельный журнал”. Название состоит собственно из определения и больше не сообщает ничего. Впрочем, как только это становится приемом и в качестве такового осознается, он перестает работать. Вот уже и название “Газета” использовалось дважды, один раз, правда, для интернет-издания, и потому газета называлась “Газета. ru”. Так что, как и стратегия укрупнения, эта тоже имеет свои границы.

Впрочем, не следует забывать, что имя – то есть название – всего лишь повод для знакомства. Завлечь клиента с помощью лингвистических ухищрений можно, а удержать – нет.

Горе от кутюр

Когда беседа заходит о брендах и слоганах, обязательно вспоминаются самые нелюбимые, вызвавшие более или менее сильные отрицательные эмоции: раздражение или даже негодование. Иногда сразу и не поймешь, почему возникают именно отрицательные эмоции. Как-то раз меня пригласили поучаствовать в дискуссии под названием “Грамотным быть модно”. Хороший слоган, бодрый, правильный, нужный – позитивный, одним словом. Но раздражает. На самой дискуссии я заявил, что это не так: мода, как мы хорошо знаем, преходяща, а грамотность таковой быть не должна.

Чем быстрее меняется мода, тем лучше всем: производителям, журналистам, самим модникам и модницам, я уж не говорю о трендсеттерах. В этом году такие шляпки уже не носят! Зато носят вот такие! Не знаю, сколько может продлиться мода на грамотных, ну сезон, ну два сезона. А что потом? Как говорится, или – или. Или стать скучной и старомодной, или притворяться неграмотной, чтобы оставаться на самом пике: “Извени, дарагой, што я не прешла, увидемся зафтра”. Кстати, ничего не напоминает? Ну да, конечно, моду на антиграмотность в интернете!

В общем, за грамотных стало обидно, но эта обида была какой-то туповато привычной. Я вспомнил, что мне уже попадались заголовки *модно быть спортивной*, *модно быть здоровой*, наконец даже *модно быть естественной*, и все это всего лишь перифраза другого слогана, который появился, кажется, в 2005 году: *модно быть умной*. Сначала он чуть-чуть загадочно возник на московских рекламных щитах, а потом на страницах женского глянцевого журнала “Madame Figaro”, выход которого эти щиты готовили. Сейчас уже не разберешь, было ли это первым упоминанием, но примерно в то же самое время, может быть, чуть позже, начался обвал: эти слова появлялись в заголовках статей и репортажей о книжной ярмарке, телепередаче, кафе, короче, обо всем, что несет некоторые признаки интеллекта. Правда, в самом журнале эта фраза продержалась недолго. В начале 2006 года в журнале сменился главный редактор, а заодно и рекламный слоган. Впрочем, возможно, эти события никак не были связаны. Например, просто закончился год, и ум вышел из моды. Действительно, сколько ж можно! Но, как мы видим, слоган, слегка изменившись, жив.

Да, умным женщинам не повезло. Даже блондинки могут перекраситься, голубоглазые купить линзы, а худышки прибавить в весе, когда в моду наконец-то войдут брюнетки, кареглазки и полные женщины. А вот куда девать ум – это вопрос. Но ведь недаром русская пословица утверждает, что везет как раз дуракам (а следовательно, и дурам). Умным-то везение ни к чему, они и так сумеют вывернуться. Например, поступить “по Александру Сергеевичу”, помните ведь, как по совсем другому поводу Пушкин писал: “Но притворитесь! Этот взгляд все может выразить так чудно!”

Так что раздражение, с которого я начал, вызвано не обидой за умных.

Нет, с этим слоганом определенно что-то не так. К кому, собственно, он обращен? К умным? Мол, дождались, вошли в моду. Маловероятно. Умным это даже несколько униЗИтельно. Вот был, был умным, и все без толку, зато теперь! Подозреваю, что умные если и ценят свой ум, то не за его модность. И напротив, модность, опять же если ценят, то все-таки ниже ума.

Значит, к глупым? Но к ним-то зачем обращаться, это же бесполезно – ум либо есть, либо нет. Неужели чтобы обидеть?

Снова не угадали. Целевая аудитория слогана – модницы. Итак, если модница не дура, то это такой сигнал: “Кончай притворяться душой!” Правда, мне как-то кажется, что не-дура сама разберется, когда и с кем ей притворяться. А вот если дура, то это другой сигнал: “Начинай притворяться не душой! И прежде всего возьми наш журнал, зайди в наше кафе и т. д., авось

сойдешь за умную”. И вот тут все становится ясно, в том числе и раздражение. Обидно даже не то, что рекламщики, креативщики, слоганщики ставят моду выше ума, а то, что опять они всех считают идиотками, которые обязательно купят их журнал, зайдут в кафе – в общем, сделают что-нибудь очень глупое, исключительно ради того, чтобы казаться поумнее, чтобы, в свою очередь, быть помоднее.

Так что правильно они этот слоган убрали. И все-таки в чем была его энергия, породившая столько подражаний? По-видимому, в его парадоксальности, ведь он объявлял некую вечную человеческую ценность модной. Тем самым нахально переворачивалась шкала культурных ценностей. Да, для кого-то ум – вечная ценность, но ведь для кого-то – полная ерунда. Вспомните классическое: “если ты такой умный, то почему такой бедный” (где ум ставится ниже уже не моды, а богатства). И вот из этих последних слоган и пытался завербовать новых ценителей ума (хотя бы на пару сезонов).

Чем же можно заменить эту нагловатую и бодрую парадоксальность? Надо подумать, ведь мы не креативщики, но пока в качестве временной меры я предлагаю более универсальное: *Модно быть немодной*. Правда, тогда настоящим модницам придется попотеть, могут, кстати, и не справиться. Для них я бы зарезервировал что-нибудь попроще, например *модным быть умно*, что позволит модницам претендовать еще и на ум, не особенно напрягаясь. А вот умным слоганы вообще не нужны. Зато им бы я дал совет. Умным быть можно. Но не надо этим злоупотреблять.

Ирония по инерции

Все слышали про крылатые слова, но едва ли все осознают, как часто их используют. Это открытие сродни тому, что мы говорим прозой. Выражение “крылатые слова” звучит слишком возвышенно, а в действительности речь идет о речевых клише, которые хорошо известны. Когда-то они были цитатами, но частое употребление как бы стерло авторство. *Счастливые часов не наблюдают* первым сказал Грибоедов, но сейчас это принадлежит народу. То же самое произошло и с фразой, которую произносит в фильме “Подкидыш” персонаж великой Раневской: *Муля, не нервничай меня* (то еще крылатое словцо), и со многими другими.

Речевые клише были и остаются источником постоянной языковой игры. Многие любят не сами крылатые слова, а возможность как-то изменить известное выражение, исказить, разрушить его, иногда просто поставить в неподходящий контекст. На первый взгляд это кажется издевательством над цитатой, однако не все так просто.

Иногда издевательство действительно имеет место. Так сказать, “бережное отношение” к цитате заключается в том, что цитата сохраняется полностью, но цитируется в необычных условиях, например абсолютно не к месту. Контекст или сама ситуация цитирования, как правило, “снижают” пафос. Таковы уголовные наколки, иногда совпадающие с политическими лозунгами, или цитирование политических лозунгов на стенах общественного туалета. Очевидно, что туалетные граффити были на самом деле разрушением текстуально совпадающих с ними лозунгов и поэтому издевательством над ними.

В качестве яркого примера разных подходов к цитированию я приведу два стихотворения. В стихотворении Давида Самойлова “Пушкин по радио” строки Пушкина и Самойлова сосуществуют и взаимодействуют. И хотя контекст у пушкинских строк непривычный (имеет место перенос во времени и определенное “снижение”), неясно, нужно ли говорить о каком-либо разрушении:

Возле разбитого вокзала
Нещадно радио орало
Вороньим голосом. Но вдруг,
К нему прислушавшись, я понял,
Что все его слова я помнил.
Читали Пушкина...
...
С двумя девчонками шальными
Я познакомился. И с ними
Готов был завести роман.
Смеялись юные шалавы...
“Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман”...

В стихотворении же Николая Глазкова “Ворон” (привожу его целиком) в последней строфе происходит очевидное разрушение речевого клише *никогда*, восходящего к мистическому стихотворению Э. А. По (в различных русских переводах встречается как “никогда”, так и “nevermore”). Это разрушение подчеркивается абсолютной неправильностью последней вопросно-ответной пары:

Черный ворон, черный дьявол,
Мистицизму научась,

Прилетел на белый мрамор
В час полночный, черный час.

Я спросил его: – Удается
Мне в ближайшие года
Где-нибудь найти богатство? –
Он ответил: – Никогда!

Я сказал: – В богатстве мнимом
Сгинет лет моих орда.
Все же буду я любимым? –
Он ответил: – Никогда!

Я сказал: – Пусть в личной жизни
Неудачник я всегда.
Но народы в коммунизме
Сыщут счастье? – Никогда!

И на все мои вопросы,
Где возможны нет и да,
Отвечал вещатель грозный
Безутешным: – Никогда!

Я спросил: – Какие в Чили
Существуют города? –
Он ответил: – Никогда! –
И его разоблачили.

Одной из таких любимых “игрушек” всегда была строчка из Тютчева – *Умом Россию не понять*. Как ее только не продолжали! Например: *Умом Россию не понять, а другим местом больно*. Несколько раз ее творчески переработал Игорь Губерман, большой любитель искажения классики: *Умом Россию не понять, а чем понять – опять не ясно*, или более грубо: *Давно пора, та-та-та мать* (цензура моя. – М. К.), *умом Россию понимать* (вспомню у него же: *Счастливые всегда потом рыдают, что вовремя часов не наблюдают*). В чем смысл такой игры? Предполагается, что собеседники должны опознать цитату и понять, ради чего ее исказили. Это напоминает двойное подмигивание. Первый раз: “Ну что, узнал?” И второй: “Смотри, что я с этим сделал, сейчас будет смешно!” Само клише таким образом привлекает внимание и одновременно является тестом на “свой – чужой”, а игра с ним по замыслу говорящего должна вызвать юмористический эффект (что, впрочем, не всегда удается). Смыслы речевого клише и его искажения как бы сталкиваются, и вместо одной линейной фразы возникает многомерный текст. Разрушитель цитаты вступает с ее автором в короткую и комическую дискуссию.

Поучительна сравнительно недавняя история этого приема. В советское время им пользовались в основном эстеты, запрещенные и полузапрещенные писатели, авторы самиздата. Материалом часто служили советские лозунги, цитаты из песен и кинофильмов, в результате чего возникал особый антисоветский юмор. Так, фраза *Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью* (В. Бахчанян) разрушала не только советское песенное клише *Мы рождены, чтоб сказку сделать былью*, но и стоящий за ним жизнерадостный и жизнеутверждающий пафос социалистического житья-бытья, а Кафка и *сказка* в таком столкновении по существу становились противоположностями, антонимами.

Здесь можно еще раз вспомнить И. Губермана:

Я Россию часто вспоминаю,
думая о давнем дорогом,
я другой такой страны не знаю,
где так вольно, смирно и кругом.

Два речевых клише советского времени сочетаются и борются одновременно, создавая двухуровневое советское пространство. Реальное *вольно, смирно и кругом* хотя и вытесняет мифологическое *вольно дышит человек*, но существует и воздействует на читателя именно за счет энергии разрушения последнего.

В перестройку этот прием расцвел и вышел на улицы. Я помню, с одной стороны, актуальные шутки в КВН: *Бразильский бы выучил только за то, что надо ж куда-нибудь ехать*. Это короткая дискуссия с патриотизмом Маяковского: “Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин”. В дискуссии происходят две юмористические и одновременно полемические подмены. Русский язык заменяется несуществующим бразильским, а в качестве повода для самообразования вместо гордости Лениным выдвигается желание побыстрее сбежать. Сходный механизм действует в полемически издевательском лозунге времен Перестройки. На демонстрациях появился плакат со слегка измененным советским клише *Партия есть наш ум и совесть* (вместо *Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи*). Но в слове *есть* жирной косой чертой был перечеркнут мягкий знак, что превращало глагол *быть* в глагол *есть*, а восхищение Партией (КПСС, естественно) сменялось ужасом перед ее людоедством: *Партия ест наш ум и совесть*. Многомерность смыслов была представлена наглядно, поскольку на плакате присутствовали и конкурировали обе фразы. В августе 91-го появились лозунги против ГКЧП, разрушающие клише и обыгрывающие фамилии участников: *Кошмар на улице Язов* и другие.

Потом этот прием подхватили юмористы, а потом он и вовсе был поставлен на поток. Легко назвать с ходу несколько газет, где практически все заголовки (или скажу осторожнее: не меньше 50 %) устроены подобным образом. Сидит там специально обученный человек, находит подходящую цитату, и раз... искажает ее до – нет-нет, как раз до узнаваемости. Конечно, ни о какой многомерности смыслов речи уже нет, задача состоит просто в том, чтобы чем-то известным привлечь внимание и обозначить тему статьи.

Например, в статье с заголовком *Все котлованы ведут в Храм* (отсылка к фильму “Покаяние” и одновременно к фразе *Все дороги ведут в Рим*) речь идет о котлованах и никакой дискуссии с фильмом нет. Заголовок *Дело Муми-тролля живет и побеждает* означает, что тема статьи – детская литература. В *Полонезе Явлинского* тема – Явлинский, а *полонез Огинского* попался под руку случайно, из-за созвучия фамилий. Прием стал чрезвычайно модным (а в некоторых СМИ почти обязательным) и, как следствие, потерял смысл, многомерность и перестал быть смешным. Изменилось еще одно. Если раньше основным материалом были цитаты из литературы, кинофильмов, а также политические лозунги, то сегодня на первое место выходит реклама. Из полюбившегося рекламного слогана выкидывается одно (или несколько) слово, на место которого вставляется все что угодно. Кто только не побывал за последние годы “в одном флаконе”! Про кого только мы не узнали, что “не все они одинаково полезные”!

А реклама в свою очередь сама использует известные цитаты, иногда не слишком пристойные. Вот мне подмигивают с рекламного щита: *Плохому водителю знаки мешают*. (Узнал? А как же. Смешно? Не очень.) Короче, выходит замкнутый круг или, если хотите более оптимистичного взгляда, производственный цикл. Все идет в дело и по несколько раз.

Один иностранец сказал мне: “Знаешь, почему так трудно понимать русские тексты? В них слишком много скрытого юмора. Ну что вы за люди такие, все время шутите, все время

иронизируете”. Я пожал плечами, а про себя подумал, что это уже как-то автоматически получается. Инерция приема.

p. s. Этот прием сработал и в моей книге. Начиная с ее названия (поклон Альмодовару и его “Женщинам на грани нервного срыва”) и кончая названиями отдельных глав. Честное слово, я этого не хотел, просто есть законы, которым невольно подчиняешься. А кроме того, читатель может развлечься, вспоминая источники цитат. Вот и следующую главу я начну с цитаты.

Но поражения от победы ты сам не должен отличать

Эта строчка Пастернака, конечно, не об Олимпийских играх, не о спортсменах и не о спортивных журналистах. В спорте, в отличие от поэзии, поражения от побед отличаются слишком заметно. И все-таки...

Мы как-то отвыкли от чудовищного языка спортивных журналистов и самих спортсменов советского времени. От бесконечных *наших ребят*, от тиражируемых метафор типа *ледовой дружины* или *кудесников мяча*. Это было так давно, что сами клише уже подзабылись, о них напоминают разве что пародийные тексты Высоцкого (“а наши ребята за ту же зарплату уже семикратно выходят вперед” или “наш гвинейский друг”). Журналисты теперь пишут весело, бойко и нестандартно. Вот, к примеру, заголовки репортажей с зимней Олимпиады в Ванкувере, появившиеся в газете “Спорт-экспресс” (СЭ):

*По пятьдесят – и все
Ванкувер пережили. Что дальше?
Какой смысл бежать до зеленых соплей?
Кто спал, тому повезло
Братская могила шлемов
Головорезы, Дарт Вейдер и Черный Носорог*

Нет, в советское время такое было невозможно. Да и спортсмены стали говорить не просто грамотнее, а интереснее и ярче. Интервью Владимира Познера, которое он дал в Ванкувере той же газете СЭ, так и называется “Наши спортсмены наконец-то научились разговаривать”. Может быть, правда, они всегда умели, но советские речевые стереотипы не давали.

Избавились, и слава богу. Интересно, что редко-редко, но все-таки заезженные клише проскальзывают и в сегодняшних репортажах, и в интервью, которые дают спортсмены и тренеры. Вот, пожалуйста: *звездная спецбригада*; *настоящий сибирский характер*; *этот не подведет* (почти Высоцкий); *надеюсь, это придаст сил нашим олимпийцам и количество медалей в российской копилке будет расти каждый день*; *мы смогли доказать, что наша страна по-прежнему остается грозной силой*.

Или вот заголовки:

*Россия – Канада: матч века
Защитницы Отечества
Время битвы
Лучший из лучших*

Из самих цитат и заголовков видно, что они либо про победу, либо про ожидание победы. И вот что любопытно. Репортажи об олимпийской борьбе, о поражениях и даже победах, но относительно скромных, скажем, серебряных и бронзовых медалях, написаны живым языком, индивидуальным стилем. Бронзовый призер рассказывает о себе искренне и интересно. А вот приходят победы, особенно громкие, и сразу в репортажах возникают *битва за золото*, *триумфальное шествие* и прочие военные метафоры, а в интервью *золотые копилки* и *наши парни и девочки*. Как это объяснить? Возможно, прав Лев Толстой и все счастливые семьи, а в нашем случае все счастливые чемпионы, счастливы одинаково. Ну и, как хорошо известно лингвистам, для описания плохого в языке много средств, а для описания хорошего – мало. Вот и описывают спортивную радость и сами спортсмены, и журналисты стандартно и слегка банально.

Но есть и другое подозрение. Просыпается старая советская привычка. Чтобы долго не говорить об этом, процитирую слова Владимира Познера из упомянутого интервью:

– Вы сказали, что любите хоккей. А как вы относитесь к тому, что еще с советских времен хоккей имеет для России гораздо большее значение, чем просто спорт?

– Конечно, это был также и политический инструмент. То же самое сейчас делается со спортом в Китае. Победы рассматриваются как доказательства преимущества определенного политического строя. Я все это понимал – и мне это дико не нравилось <...>

– А в сегодняшней России такого не чувствуете?

– На уровне государства, наверное, нет. А вот на уровне людей проскальзывает, как ни странно. Ненавижу, например, вот это: “Подвели страну!” Что это значит?! Или: “Они обязаны выиграть!” Чтобы доказать – что? Я вообще этого не понимаю. Американцы, к сожалению, тоже иногда этим грешат.

Иначе говоря, пока российские спортсмены борются, то выигрывают, то проигрывают, спорт остается спортом и журналисты могут писать о нем профессионально и интересно. Но как только российский спорт одерживает триумфальную победу, проснувшаяся гордость (местами переходящая в гордыню) подавляет и профессионализм, и чувство языка. Получается, что строчку Пастернака в заголовке я адресовал самому русскому языку или, точнее, речевому стилю спортивных журналистов.

Правда, это только подозрение. К сожалению, Ванкуверская олимпиада дала нам не много материала для его проверки.

Искусство недопонимания

Вглаве “Монегаски любят зорбинг” я писал о журналистских словах и словечках, которыми наполнены газетные и журнальные статьи и которые должны были бы в силу их непонятности отпугивать читателя. Однако странным образом часто они, напротив, привлекают его и даже создают журналисту репутацию знатока своего дела, чьи жаргонизмы – своего рода пароль для посвященных. Но так обстоит дело не только в СМИ.

Если вы любите художественную литературу, давайте поговорим о ней.

Читая исторические романы популярного современного писателя Алексея Иванова (“Сердце Пармы”, “Золото бунта”), невозможно не обратить внимания на язык. В некоторых предложениях почти треть слов оказываются неизвестными. И самое странное, что это не раздражает читателя (по крайней мере, меня) – скорее завораживает, поскольку с помощью новых слов автор создает не всегда понятный, чужой, но интересный, почти магический мир. Ну вот, например:

Зеленое золото Вагирйомы тускло отблескивало сквозь прорези в кожаном шатре, расшитом понижу багрово-красными ленточками. Шатер стоял на помосте, укрепленном на спинах двух оленей, что устало шагали за конем хонтуя. Позади остался извилистый путь от родного Пельма: через многие хонты своей земли, через священное озеро Турват, на жертвенники у Ялпынга, по отрогам Отортена и на полдень по Каменной Ворге до самых Басегов. Хаканы встречали караван, меняли быков, помогали тянуть лодки вверх по рекам, тащили через перевалы и прощались, отправляя вместе с хонтуем по два-три воина от своих селений. К тому времени, как Вагирйому довели до Чусвы, у Асыки уже собрался сильный отряд в семь десятков манси. Оставив плоты у последнего павыла перед устьем Туявита-Сылвы, хонтуй повел караван лесами напрямик к Мертвой Парме.

Пока я набираю на компьютере первый абзац романа Алексея Иванова “Сердце Пармы” (появился в 2003 году), спел-чекер неумоимо подчеркивает красной волнистой линией неизвестные ему слова. Таких подчеркиваний набирается семнадцать. Много. Удивительно, что он знает слово *Парма*, наверное, перепутал с чем-то из итальянской жизни.

Или вот из другого романа: “Батя удержал бы барку на Рубце – так сплавщики называли стрежневую струю от ребра бойца Молотова, – да Спиридон Кобылин, нагнавший сзади, своей баркой просто срубил потеси по левому борту батиной барки” (“Золото бунта”). Часть из этих слов проясняются контекстом, но некоторые так и остаются загадкой.

Алексей Иванов сегодня никак не является исключением (разве что чемпионом в этом странном виде спорта по употреблению незнакомых слов). Те же тенденции реализуются в творчестве как отдельных современных авторов, так и целых литературных направлений. Так, например, пишут представители киберпанка, перемешивая жаргонизмы с авторскими окказионализмами.

В 2002 году издательство “Амфора” опубликовало фантастический роман “Паутина”, выложенный в интернете еще в 1997 году, автором которого значится Мерси Шелли, известная в русском интернете виртуальная личность³². В романе много языковой игры, специфических интернет-каламбуров. Например,

Все Новые Нетские – это хорошо забытые Старые Датские³³;

³² В интернете, впрочем, фигурировала Мэри Шелли, а Мерси, по-видимому, результат ее скрещивания с мужем оной – Перси Биши, но чего только не происходит при выходе из виртуального пространства.

³³ Малопонятное для носителя литературного русского языка высказывание, по-видимому, является обыгрыванием анек-

или:

Сетература отличается от литературы всего одной буквой – у литературы читателя, у сетературы – читателя;

или:

Можно крикнуть “на раз”, но тогда это сразу заметят. А для постоянного юза это не годится. Тут надо быть тише кулера, ниже драйвера. Например узнать чей-нибудь пасс и втихаря его юзать;

или:

Мой комп – моя крепость;

или:

Жидкая память – это нормально, но жидкая мать – это изврат, зачем она тебе?³⁴

В тексте много языковых находок. Мне, например, больше прочего нравятся *худло* (вариант – *худл*; замена в будущем устаревшего словосочетания *художественная литература*), и отсюда *специалист по худлу*, а также *компфетки* (легкое подмигивание Набокову) и выражение *Ясный пенить!* (смесь из *Ясен пен* и процессора *Pentium*, если кто не помнит). Однако самым замечательным свойством этого текста оказывается то, что часто невозможно отличить авторскую выдумку от реально существующих жаргонизмов. По крайней мере, все эти *бэкапить*, *юзать*, *апгрейд*, *мать*, *клава*, *комп*, *линк*, *сетература*, *чат* и прочая существуют и вне “Паутины”, только они, скорее всего, неизвестны обычному образованному (но не продвинутому) читателю.

Еще один пример – эмигрантская литература. Даже такой серьезный писатель, как Василий Аксенов, к одному из своих романов присовокупил словарь, поясняющий значения “новых” заимствований – слов, которые либо придумал он сам, либо используют обитатели Брайтон-Бич (например, *шатапчик*, *мама!*).

В связи со всем этим, так и хочется сказать, безобразием встают по крайней мере два вопроса. Во-первых, неужели писатели не боятся потерять своего читателя? Ведь читатель в массе своей ленив. Ему неохота лазить в словари или в интернет, чтобы узнать значение незнакомого слова. Он вообще хочет линейности в чтении, а если ему что-то непонятно, он просто закроет книгу и забудет о ней. А ленивый читатель – это практически любой из нас. Неленивые читатели такая же редкость, как талантливые авторы. И все-таки упомянутые книги выходят большими тиражами и продаются, а значит, и читаются.

Тут же возникает и второй вопрос. А как же все-таки выкручивается в этой непростой ситуации читатель, или, говоря научным языком, какие существуют читательские стратегии?

Так вот, стратегия читателя таких романов – это в действительности наша сегодняшняя стратегия понимания русского языка и даже больше – мира, в котором мы живем. И мир, и язык изменяются настолько быстро, что мы в принципе не можем понять все. Постоянное расширение границ языка и мира приучает нас к тому, что можно назвать “неполным пониманием”.

дота о новом русском, который пришел к старому еврею и сказал: „Папа, дай денег”; в роли старого еврея выступает принц Датский со товарищи.

³⁴ На всякий случай отмечу, что слова *память* и *мать* (“материнская плата”) имеют особые “программистские” значения.

Когда Земфира поет “Меньше всего нужны мне твои камбэки”, слушатель, даже зная английский язык, не с первого раза понимает, “чего ей не нужно”. Слушая песню, он либо поймет это слово, либо пропустит его и будет слушать дальше. Чем же *камбэки* отличаются, скажем, от профессионального жаргонизма *бэкапить*? Ничем (разве что свежестью). Точно так же мы читаем газеты, точно так же воспринимаем речь современных детей. Например, сначала смутно понимаем жаргонное слово *фича* и лишь потом догадываемся, что оно восходит к английскому *feature*. Непонятные слова пронизывают все сегодняшние тексты и жанры: песни, романы, статьи, да что там говорить – нашу обыденную речь. Иногда за ними скрываются незнакомые и непонятные вещи, а иногда, наоборот, что-то близкое и знакомое, названное по прихоти пишущего как-то непривычно.

Ленивый читатель никуда не исчез. Он просто приспособился читать подобные тексты, потому что иначе пришлось бы перестать читать вообще. Или тратить на чтение несоразмерно много времени. Какую-нибудь небольшую рекламу надо было бы читать, обложившись словарями английского языка, жаргона, молодежного сленга и т. п. Да и этого бы не хватило, потребовались бы консультации с друзьями и знакомыми. Мы же – ленивые – довольствуемся неполным пониманием текста, как бы пропуская незнакомые слова, не обращая на них слишком много внимания. И только если назойливое слово встретится нам еще и еще, мы запомним его и постараемся понять по контексту, а не получится – спросим знакомых. Такая коммуникативная стратегия, то есть стратегия неполного понимания, по-видимому, единственный путь приспособиться и хоть что-то понять в стремительно меняющемся мире.

А смысл?

Вкакой-то давней статье, не помню чьей, обсуждались ключевые вопросы разных эпох. В частности, утверждалось, что на смену, казалось бы, вечным *Что делать?* и *Кто виноват?* пришел вопрос *Какой счет?*. Наверное, это был юмор, хотя и не лишенный той самой доли истины. Лично я особенно ценю два современных вопроса *А смысл?* (с вариантом *Смысл?*) и *И что?* (с вариантом *И?*). Эти вопросы – реакция на произнесенный собеседником текст, они выражают сомнение в его прагматической ценности и по существу свидетельствуют о коммуникативном провале.

Вопрос *Смысл?* часто задавал юный отпрыск моего знакомого в ответ на побуждение его к действию, чем ставил родителя в тупик. Возможно, поэтому я ощущаю этот вопрос как молодежный, этакое пассивное сопротивление навязываемой старшим поколением активности. Вопрос *И что?* напротив, характеризует вопрошающего как активного человека, который готов был бы сделать из сказанного определенные выводы и даже действовать в соответствии с этим, но не понимает как. Честно говоря, я сам порой задаю этот вопрос.

К сожалению, его задают и мне, ожидая от меня (“лингвиста-профессора”) полезных рекомендаций по поводу языка и общения. А я обычно разрушаю чужие коммуникативные ожидания, поскольку вижу свое профессиональное предназначение в том, чтобы исследовать новые явления и тенденции в языке, а не в том, чтобы давать им этическую оценку и уж тем более запрещать. В конце концов, все взрослые люди, сами разберутся – писать *аффттар жжжот* или не писать, покупать *элитные холодильники* или не покупать, говорить *вау* или не говорить.

По поводу разрушения коммуникативных ожиданий или даже коммуникативного провала я хочу рассказать один случай из своей преподавательской практики. Его можно интерпретировать по-разному. Например, как еще один повод побрюзжать, что молодежь теперь не та, что прежде. Или как повод покритиковать российское образование. Или, наконец, как повод задуматься, зачем все это, и мы в частности. Далее будут представлены все эти интерпретации, но сначала о сути дела.

Итак, я преподаю этой самой молодежи теорию и практику коммуникации. Сначала, естественно образом, я преподаю теорию, а потом пытаюсь применить ее на практике. С теорией все в порядке: я говорю, молодежь записывает. Тут и азы семиотики, и теория диалога, и психолингвистические аспекты... Но как доходит до практики, молодежь вяло, но решительно сопротивляется. А именно решительно ничего не делает. И чем больше я на нее даю, тем решительнее она упирается. А молодежь эта состоит из примерно десяти прелестнейших юных созданий исключительно слабого пола. И тем обиднее мое педагогическое фиаско.

К примеру, я задаю написать краткий пересказ современного романа, причем на первом этапе – одного и того же. Проблемы начинаются сразу с выбора романа. Оказывается, что не существует такого современного романа, который бы прочли все мои слушательницы. Точнее говоря, самым современным таким романом оказывается “Война и мир”, и то условно. Кто-то прочел, но не целиком, кто-то целиком, но частично забыл. А перечитывать, естественно, никто не хочет. Но “Война и мир” и меня не устраивает, по разным причинам, в том числе и связанным с современностью. Но подсознательно сильнее давит отказ самого Толстого пересказывать “Анну Каренину” в ответ на вопрос, о чем роман, точнее, готовность в качестве пересказа повторить роман от первой строки до последней.

В отличие от Толстого и в силу своего лингвистического образования я как раз считаю пересказ одним из основных литературных жанров (входящих как составная часть во многие другие жанры), да к тому же еще и важнейшим диагностическим критерием понимания текста

(того, который пересказывается). При всем при этом в прямую дискуссию с Толстым предпочитаю не вступать. В том смысле, что на его тексты не покушаюсь и его творчества не трогаю.

В результате сошлись мы на “Мастере и Маргарите”, задание выполнили трое (остальные сослались на чрезмерную занятость по другим дисциплинам). В двух пересказах первый эпизод на Патриарших занимал половину (на что я, впрочем, и рассчитывал), а остальная половина состояла еще из пары эпизодов и истории Иешуа и Пилата. Третий, к сожалению, был безупречен и потому безнадежно непоучителен. Увы, так бывает всегда. Какова бы ни была молодежь, найдется один такой ее представитель, который безупречно выполнит данное ей задание. А значит, и учить этого представителя нечему.

Все прочие задания выполнялись в том же ключе, вследствие чего мне пришлось полностью переключиться с анализа творчества моих подопечных на анализ уже существующих текстов.

Чтобы не казаться старомодным, я приготовил для изучения тексты следующего рода: рецензии на кинофильмы из многократно мной цитируемого журнала “Афиша”, модного и вместе с тем не бессмысленного. Среди различных заданий было, в частности, как мне казалось, достаточно простое – квалифицировать рецензию как положительную или отрицательную и подтвердить свое решение фрагментами из текста рецензии.

Проблемы начались с первой же рецензии (на фильм Мартина Скорсезе “Банды Нью-Йорка”, автор С. Зельвенский). Были выловлены противоречащие друг другу фразы: одни содержали положительную, а другие отрицательную оценку.

Например, в первой части рецензии:

Романтическая линия на фоне грандиозных исторических событий. Три часа действия... Ребята, извините, я ошибся дверью. Мы с девушкой купим попкорна и отправимся на “Любовь чего-то там” с Хью Грантом.

И во второй:

Все, решительно все говорит о том, что на “Бандах Нью-Йорка” ловить нечего. Между тем посмотреть их совершенно необходимо. Во-первых, этот фильм – настоящее большое кино. Веха, извините. Когда через десять лет люди будут вспоминать, чем отличились мастера экрана в 2002 году, они вспомнят “Банды” (ну и еще “Особое мнение”). Во-вторых, этот фильм, несмотря на продолжительность, – дико увлекателен. Там действительно неизвестные страницы, массовки и костюмы. Но вот вам зуб: как сядете в кресло – так и будете сидеть не шевелясь, пока свет в зале не зажгут.

И далее:

Кино Скорсезе – не любовная интрига на фоне исторического процесса и тем в корне отличается от стандартного голливудского эпоса. Скорсезе интересуют именно что исторический процесс: не вереница дат, заученных к экзамену, а плоть и кровь.

Так все же романтическая история или исторический эпос, скучно или безумно увлекательно? Кстати, при чем тут попкорн и Хью Грант?

В процессе анализа текста было высказано предположение, что автор сначала хотел написать отрицательную рецензию, а потом по каким-то причинам оторвался от нее (устал, заснул, напился...). Вернувшись же к ней, то ли забыл первоначальный замысел, то ли передумал и завершил ее нейтральной или даже слегка положительной оценкой. Сначала я порадовался неожиданной для меня иронии моих подопечных, но потом понял, что эту гипотезу они рассматривают всерьез, просто потому что никаких других у них нет. Я пытался спорить

и приводить разные доводы. Например, что, кроме отвлекшегося автора, существует редактор, который едва ли пропустит такую отрицательно-положительную рецензию, содержащую внутренние противоречия. Впрочем, фигура редактора никого не убедила, поскольку если уж автору нет дела до его собственной рецензии, то редактору и подавно.

Я также пытался обратить внимание на контекст: отрицательное мнение высказывается в контексте попкорна и Гранта. Значимо ли это? И так далее. В конце концов, по-видимому, чтобы от меня отвязаться, рецензию сочли отрицательной. Мотивы? Ну, во-первых, вначале она все-таки отрицательная, а первое слово дороже второго. Во-вторых, в ней сказано слишком много гадостей и в том числе просто неприятных слов типа *пахан*, *подыхать* и т. п. А Хью Гранта рецензент действительно за что-то не любит, и зря...

В ответ на такое решение проблемы я еще раз произвел анализ текста и, на мой взгляд, доказал “положительность” рецензии. Действительно, отрицательная оценка фильма либо исходит от “ложного автора”, специально порожденного персонажа-обывателя, любителя попкорна и Хью Гранта, либо как бы уравнивает положительную. Таков стиль “Афиши” – не говорить одни комплименты и т. п. Мой анализ был благосклонно, но молчаливо принят. Впрочем, девочки заметили, что на фильм этот они все равно не пойдут, как бы он ни понравился рецензенту.

Анализ других рецензий проходил в том же духе. Если в рецензии встречались такие “приятные” слова, как *снег*, *природа*, *любовь*, рецензия расценивалась как положительная (даже несмотря на прямое утверждение о скучности и тягостности фильма). Наоборот, если в положительной рецензии содержались грубые и резкие слова, она расценивалась как отрицательная. При этом мои ученицы хором утверждали, что такой фильм они ни за что смотреть не будут.

Я пытался возражать, говоря, что они не понимают намерений автора рецензии, что такое восприятие текста слишком импрессионистично, и был поражен полнейшим равнодушием своих слушателей. Ну не понимаем, ну и что? Зачем нам его понимать?

Должен признаться, что я последовательно прошел три стадии, соответствующие трем упомянутым выше интерпретациям произошедшего.

Сначала я побрюзжал на молодежь. Потом осознал, что молодежь тут, вообще говоря, ни при чем, такая же реакция могла бы быть у людей любого возраста.

Затем я перешел к критике образования. Школьная традиция преподавания русского языка состоит в том, что в гораздо большей степени изучаются слово и грамматика, а не текст, его семантика и коммуникация. По существу, школа учит (отдельный вопрос – удачно или неудачно) грамотно писать, то есть орфографии и пунктуации, избегая при этом обсуждения сложных проблем даже в этой области. Грубо говоря, если навыки речи мы бы усваивали только на школьных уроках русского языка, мы бы не умели ни говорить, ни понимать. В лучшем случае мы бы умели записывать фразы *Мама ела кашу*, *Мама мыла раму* и чуть более сложные и расставлять в них знаки препинания. Это даже не критика школьного курса, это констатация факта. Просто в школе учат тому, а не этому.

Попытки движения к тексту и коммуникации начались в школе в постперестроечное время, но столкнулись с определенными проблемами. Оценивать результаты такой работы гораздо труднее, чем оценивать тривиальную грамотность, а в нашем образовании главной целью по-прежнему является оценка. Ориентация на оценку не всегда бессмысленна, но некоторые виды деятельности губит на корню. Например, сочинение. Если ученик в своем сочинении свободно рассуждает на определенную тему, то это замечательно. Но так не бывает. Во-первых, за сочинение ставится оценка, во-вторых, сочинение многие годы является ключевым экзаменом, часто определяющим судьбу человека. Это значит, что сочинение должно понравиться либо конкретному учителю, либо неконкретному экзаменатору. Отсюда возникновение множества шаблонов, следование которым почти обязательно, поскольку индивидуальное

творчество опасно. Опасно даже не с идеологической точки зрения, как в советское время, а просто с практической: оно, конечно, может понравиться неизвестному экзаменатору, но, скорее всего, активно не понравится, в отличие от некоторого стереотипного изложения, которое вряд ли сильно понравится, но и не вызовет сильных отрицательных эмоций, важных при предоставлении оценки.

У сложной коммуникативной деятельности (к каковой можно отнести и понимание, и рассуждение) есть две важных особенности. Во-первых, она плохо поддается оценке (любая ее оценка субъективна, а объективные критерии, как правило, отсутствуют), во-вторых, будучи ориентирована на оценку, она сильно искажается (одно дело – свободное рассуждение, другое дело – рассуждение ради пятерки). Первая из названных особенностей весьма неудобна для школьного образования, подстраивающегося под оценку, под выпускной и под вступительный экзамены. Вторая особенность во многом обесмысливает обучение коммуникативной деятельности в рамках такого образования (где все оценивается).

Вместе с тем очевидно, что ценность коммуникативных способностей гораздо выше, чем грамотности. И для жизни, и для профессии (исключение составляет разве что профессия корректора).

Тестирование по русскому языку не предусматривает оценки коммуникативных способностей экзаменуемых (например, уровня понимания текста), что, с одной стороны, хорошо, поскольку оценить эти способности объективно невозможно, но с другой стороны, – плохо, потому что именно эти способности чрезвычайно важны. Кроме того, это плохо для образования в целом, поскольку раз эти способности не оцениваются (условно говоря, не олимпийский вид спорта), то и развивать их в школе не будут. А будут, как и раньше, учить орфографии и пунктуации.

Есть ли выход? Подозреваю, что в наших условиях выхода нет, по крайней мере реалистичного. Старые вступительные экзамены (в том числе сочинение) отменены. Вместо них введен Единый государственный экзамен – ЕГЭ, который в основном состоит из тестов. Смысл тестирования в частности и единого экзамена вообще, на мой взгляд, не в том, чтобы существенно улучшить процесс проверки и оценки знаний и способствовать отбору более талантливых и подготовленных детей. Цель в том, чтобы разрушить систему коррупции в университетах, и успешность такого экзамена будет определяться не справедливостью отбора (ее с помощью таких тестов, безусловно, достичь нельзя), а тем, насколько удастся побороть существующую несправедливость (коррупцию, взятки, репетиторство и все, что с ними связано).

Тем не менее развивать коммуникативные способности в школе, конечно же, следует. Более того, ситуация, когда они специально не оцениваются на жизненно важном экзамене, вполне плодотворна. Ведь тогда их развивают не ради оценки, а ради них самих. По существу, на сегодняшний день это и есть выход. Вопрос, готова ли школа это делать? Более реалистичным кажется отрицательный ответ.

Возвращаясь к рассказанному выше случаю. Вначале я был удивлен и даже раздражен таким отношением к тексту. Если нет цели понять текст, то зачем все это? Зачем писать и зачем читать рецензии? К чему тогда теория и практика коммуникации? Позднее, поразмыслив, я понял, что коммуникация как раз была удачной. Грубые фильмы моим симпатичным и положительным ученицам все равно бы не понравились, несмотря на положительную их оценку неким рецензентом. И напротив, нежные фильмы о природе и любви скорее пришлись бы им по душе, и совершенно не важно, что о них думает рецензент. В рецензии они уловили те слова, которые неприятны именно для них, и дали оценку фильму непосредственно, как бы минуя рецензента. Точнее говоря, они приписали рецензенту свою собственную оценку фильма, полученную из его же рецензии на основе косвенных данных (а не на основе прямой оценки самого рецензента).

Я настойчиво требовал от них понять текст и угадать мнение рецензента, а они этим мнением пренебрегли и составили свое собственное. С практической точки зрения, они, безусловно, правы. Мое задание никакого практического смысла не содержало. Действительно, зачем нам знать, что думает и пытается выразить некий неизвестный и потому неинтересный человек? Это его проблемы.

Очевидно, что я сам при чтении рецензии использую, как правило, те же стратегии. Обычно мне важно не понять мысль рецензента, а решить, стоит ли смотреть этот фильм, читать эту книгу и так далее.

Короче говоря, в результате чтения курса я пришел к выводу, что понимание чужих текстов и чужой речи для нормальной жизни и нормального общения вообще-то не нужно. И я, пытаясь научить понимать и ясно выражать свои мысли, возможно, приношу больше вреда, чем пользы. Поэтому русская школьная традиция, в рамках которой изучается слово и грамматика, а не текст и коммуникация, имеет твердые основания. Первое объективно и незыблемо, второе сомнительно и изменчиво. Более того, как и всему практически ценному, практике коммуникации мы учимся вне школьных уроков. Учимся так, как это нужно для жизни, а не так, как это захочется отдельно взятому преподавателю (в данном случае – мне).

В заключение осталось дать полезный совет. Он прост: не слушайте ничьих советов (особенно профессорских). У советчика могут оказаться другие коммуникативные стратегии и установки, да что уж там, другие жизненные цели, и его рекомендации вам только навредят. Мудрость (особенно чужая) часто бесполезна с практической точки зрения, а то, что кажется глупостью, порой оказывается практической сметкой. А вы говорите: Смысл?..

Поле брани

Случилось самое страшное: мы теряем наше национальное достояние, наш русский мат. Читатель, конечно, не согласится и, может быть, добавит в подтверждение несколько слов. Но ведь дело не в словах, слова-то как раз остались и звучат чаще, чем прежде. Исчезают культурные запреты на употребление бранных слов, без которых, как это ни парадоксально, нет и мата.

От лингвистов часто требуют самых решительных мер против брани, вплоть до полного запрета. Увы, брань запретить нельзя. Она есть во всех языках и, значит, для чего-то человеку нужна, ну хотя бы для выражения негативных эмоций. Русскую же брань запретить невозможно еще и потому, что она составляет предмет особой национальной гордости, своего рода национальную идею. Я имею в виду, естественно, русский мат. Лучше всех эту гордость выразил Владимир Высоцкий:

Проникновенье наше по планете
Особенно заметно вдалеке:
В общественном парижском туалете
Есть надписи на русском языке!

Мне приходилось участвовать во многих официальных дискуссиях о проблемах русского языка. Но как только речь заходила о мате, все остальные проблемы мгновенно забывались, и дальше беседа текла по проторенному руслу. Сначала все ахали да охали и рассуждали о том, что матерщину необходимо запретить, потом кто-нибудь лукаво улыбался и признавался, что и сам порой злоупотребляет, после чего все расслаблялись – свои же люди – и либо рассказывали анекдот, где без мата ну уж совсем никак, либо просто, крикнув, произносили чего-нибудь такое, что еще минуту назад требовали вышвырнуть из русского языка. И всем было счастье.

А не ругаться матом – это для русского человека ну как водки не пить, то есть – подозрительно. Подозрительно, что не русский. Потому что даже бразильские футболисты, приезжая играть в Россию, первыми усваивают именно эти слова. Шпионов им специально обучают. То есть мат всех нас объединяет, мы им в глубине души и слегка застенчиво гордимся, а всякий чужеземец, интересуясь русской культурой, непременно к мату обращается. Получается самая настоящая национальная идея.

Тем мучительнее мне сейчас публично сознаваться, что я мат не люблю. Нет, конечно – и здесь я незаметно подмигиваю читателю, – я и сам, бывало, ну вы понимаете... Но если отбросить все эти ужимки, то приходится признаться, что я не люблю слышать мат ни в автобусе, ни в университетском коридоре, ни от пьяного, свалившегося в лужу, ни от милой девчушки с ангельской внешностью. И действительно, как гражданин, а точнее говоря, как простой обыватель считаю, что ему не место... Ну и так далее. Это – с одной стороны.

А с другой стороны, как лингвист я к мату отношусь с большим уважением. Русский мат – это сложная и, безусловно, уникальная языковая и культурная система с большим количеством разнообразных функций. Кроме многообразия функций важно еще многообразие культурных запретов – табу, которые накладываются на употребление матерных слов.

О функциях мата скажу совсем коротко. Мат может использоваться по прямому назначению, то есть для называния связанных с полом и сексом и табуированных в русской культуре объектов. С его помощью можно оскорбить человека, а можно вызвать доверие: в некоторых ситуациях его использование естественно, а иногда обязательно. Например, в закрытых мужских сообществах (армии, тюрьме и т. п.) неупотребление мата вызывает недоверие. В советское время мат служил для разрушения официоза, ритуального употребления языка. Наконец,

мат может использоваться как своего рода речевая связка, заполнитель пауз, то, о чем подробно сказано в главе про слова-паразиты. У некоторых людей речь почти целиком состоит из таких связок.

Что же касается запретов, то меня всегда поражало отнесение мата к табуированной лексике. Что же это за табу такое, если все его регулярно нарушают. Но дело в том, что нужно говорить не об абсолютном и тотальном запрете, а о системе культурных правил, регулирующих употребление мата и меняющихся со временем. Можно назвать ряд правил, которые еще недавно соблюдались в городской образованной среде. Взрослые не используют мат при детях, а дети – при взрослых. Мужчины не матерятся при женщинах, а женщины – при мужчинах. Нельзя материться в публичных местах и в официальной обстановке. Мат недопустим в книгах, фильмах, на сцене и т. д. Исключения, конечно, всегда бывали, но они воспринимались именно как исключения, то есть нарушение нормального общепринятого поведения. Культурным считался не тот человек, кто не знал, что такое мат, или не употреблял его вовсе, а тот, кто знал соответствующие правила и умел, говоря научным языком, переключать регистры: не ругаться при детях и женщинах, но, когда надо, рассказать смешной анекдот или спеть песню Галича. Знание культурных запретов подразумевало в том числе отпор человеку, злостно их нарушающему, например ругающемуся в присутствии женщины. Упомянутая выше “чисто матерная” речь характеризовала как раз некультурного человека или, что довольно любопытно, некоторые отдельные субкультуры. Скажем, в советской деревне мат использовался много, часто и всеми, фактически ни один из упомянутых запретов там не действовал. Именно поэтому мужчина, который в такой культурной ситуации вступает за честь женщины, выглядит скорее глупо, чем мужественно, ведь такой мат не имеет или почти не имеет оскорбительной силы.

Сегодня городское образованное общество стремительно приближается к подобной же ситуации. Названные запреты не действуют или почти не действуют. Мат используют независимо от пола, возраста и ситуации, и это имеет очень странные последствия. Для многих людей он фактически перестает быть особым культурным явлением, а становится обычной бранью средней степени неприличия – от частоты, а главное, безграничности употребления непристойность как бы стирается. Исчезает таинство запрета, остаются грубость и вульгарность. Интересно, что такое положение можно сравнить не только с ситуацией в деревне, но и ситуацией в европейском просторечии, где также нет таких строгих табу. Снятие в нашей культуре табу и с тем, связанных с полом и сексом, приводит к тому, что мат, опять же в соответствии с европейской традицией, все чаще используется в буквальном смысле.

Самое же главное состоит в том, что мат перестал быть общезначимым культурным механизмом. Ведь сказанное выше касается далеко не всех. Многие тем не менее сохраняют традиционную культуру, и для них обилие мата оскорбительно и даже болезненно.

Таким образом, ситуация с употреблением матерной лексики крайне нестабильна. Расшатывание культурной системы началось в конце 1980-х и начале 1990-х и воспринималось как более или менее естественное и даже прогрессивное в контексте прочих разрушений всевозможных советских запретов. В связи с этим можно вспомнить хотя бы несколько событий. В 1990 году Владимир Линдерман, известный сейчас как один из лидеров национал-большевиков под партийным псевдонимом “Абель”, начал издавать первую в СССР эротическую газету под названием “Еще”. А 1 апреля 1995 года Александр Никонов с Дмитрием Быковым выпустили в виде приложения к “Собеседнику” первую русскую нецензурную газету “Мать”.

Сегодня можно говорить об определенном возвращении запретов на брань в официальных ситуациях, в том числе на телевидении и радио, в газетах и журналах. Мат не исчез из публичной речи совсем, как в советское время, но заменяется: на телевидении – специальным писком, в печатном тексте – точками. Оба этих способа отражаются в интересном рассуждении по поводу мата в упомянутом выше интервью Леонида Парфенова.

– У меня довольно странный вопрос. Вы материтесь?

– До недавнего времени ничего подобного не было, а теперь матерятся все. Похоже, в среднем классе мата больше не стало, а стало – в верхних прослойках Питера и Москвы. Могу ругаться, а могу и не ругаться. В основном это на работе происходит.

...

Мы, кстати, в “Намедни” первыми стали “забипивать” мат, а не вырезать его. Осенью 2001 года впервые ньюсмейкер (не Жириновский где-то снятый и не кто-то там на заднем плане – а ньюсмейкер) Земфира в интервью сказала: “Лёнь, пойми, ну в каждом деле должен быть элемент пох...зма, нет, разь...байства, нет, надо найти синоним. Вольности, вот, элемент вольности!”

Особенно любопытно отношение к мату в интернете. Здесь вроде бы отсутствует цензура, все дозволено и мат должен процветать, но тем ценнее возникновение спонтанных культурных запретов, иногда очень аккуратно и корректно сформулированных. Приведу пример правила, действующего в Живом журнале в книжном сообществе ru_books, публикующем рецензии на книги (приводится первоначальный вариант):

Материться. Не выражайтесь – рецензии, содержащие нецензурную брань, будут удаляться. Это не снобизм, а элементарное приличие и уважение к другим. Если вы решите, что книга, о которой вы пишете, заслуживает только такой рецензии и по-другому вы свои мысли выразить не можете – публикуйте, но в этом случае уберите весь постинг под лжекат (как это сделать – написано выше), а перед ним сообщите, что под лжекатом – нецензурная лексика. Такие рецензии удалены не будут.

Увы, полноценной национальной идеи из мата не получается. Сегодня он скорее разъединяет людей. Например, взрослых и их детей, выросших уже в другой культурной традиции. Что делать? Например, попробовать обойтись без мата, хотя бы при собственных детях, тогда есть надежда, что и для них эта лексика останется табуированной.

Блинная тема

К теме мата примыкает тот самый пресловутый *блин*. Я уже писал, что этот заменитель матерного слова, или эвфемизм, как говорят лингвисты, кажется мне вульгарней того, что он заменяет. Такое же неприятное ощущение от *блина* испытывают и некоторые мои знакомые и коллеги. Однако это слово все чаще появляется в речи вполне образованных и культурных людей, в том числе и в официальных ситуациях. В начале книги я назвал актера Евгения Миронова, использовавшего *блин* в благодарственном слове при вручении ему премии. Прошло несколько лет, и уже писатель Дмитрий Быков, вручая ту же премию, зачитывает поэтическое послание, в котором есть такие строки: “Вот вы сидите – номинанты, *блин*, – инфанты, дебютанты, неофиты, – а через пять минут из вас один пойдет под эти хищные софиты”.

Конечно, можно клеймить всех использующих слово *блин*, но очевидно, что они просто иначе воспринимают его. Для многих это своеобразный маркер свойскости, близости с собеседником. Иначе говоря, у нас у всех своя языковая интуиция. Я вспоминаю, как когда-то, будучи мальчиком, произнес при отце слово *фиг* и был поражен его резкой реакцией. Позднее я узнал, что оно тоже эвфемизм, заменитель другого матерного слова, но только сейчас понимаю, как оно могло быть неприятно отцу, ведь примерно те же чувства я испытываю, слыша *блин*. Конечно, я едва ли изменю свою языковую интуицию, но по крайней мере буду знать, что у других людей она может сильно отличаться от моей и, произнося эвфемизмы, они не имеют в виду ничего дурного.

Терпения и терпимости, – желаю я сам себе, – терпения и терпимости.

Любить по-русски³⁵

По какой-то причине, вероятно, вследствие первородного греха, запас слов, выражающих хвалу, у нас чрезвычайно невелик по сравнению с богатым и разработанным словарем, выражающим хулу.

Г. К. Честертон

Понять чужой народ не так сложно, как многие думают. Поживи с этим народом, понаблюдай за ним, походи вместе в магазины, потолкайся с ним в метро, попади пару раз в неловкое положение – и волей-неволей поймешь. Может быть, не все поймешь, но на первое время достаточно. С началом перестройки, когда наконец начали выпускать за границу, появилось множество статей, эссе, путевых заметок, вздохом описывающих американцев, немцев, японцев, даже до датчан доходило. Из этих текстов прежде всего вычитывалась почти детская радость писавших, источником которой было, по-видимому, осознание двух нетривиальных истин. Во-первых, другие народы действительно существуют, во-вторых, они действительно другие.

Подобные наблюдения хороши тем, что не претендуют на многое, делаются легко, а будучи снабжены толикой юмора, доставляют огромное удовольствие, правда в первую голову самому рассказчику. Плохи же они, естественно, тем, что поверхностны, случайны и, главное, вызывают у самого наблюдаемого народа в лучшем случае усмешку, а то и нескрываемое раздражение. Кроме того, выясняется, что этот метод никак не работает, если хочешь познать свой собственный народ. Ведь, наблюдая за другими, ты постоянно пользуешься сравнением с самим собой (“это они делают не так, как мы”), а сравнивать себя с собой, увы, не получается.

Иное дело – разнообразные научные методы. То есть, конечно, и раздражение они вызывают, и удовольствия такого не доставляют, зато степень проникновения поглубже и доказательства поубедительнее, да и опираются они не только на сравнение. Объект наблюдения и анализа тоже расширяется. Изучаются фольклор, литература, искусство, культура и прочее-прочее. А главное, как говаривал в подобных случаях Киплинг, не забудь про подтяжки, мой мальчик...

А под подтяжками (для тех, кто не понял) мы имеем в виду родной язык.

Когда-то на контрольной по лингвистике на вопрос “Что такое язык?” наша однокурсница написала нечто вроде: “Язык – это неисчерпаемый кладезь всех богатств, накопленных человечеством”. И, несмотря на полученную отметку, была права. Позднее мы узнали, что язык еще и игра (в которую играют люди), и очки (через которые мы видим мир), и тюрьма (из которой некуда бежать), и суп (который мы варим вместе), и бог знает что еще – если не все сразу. Во всяком случае, изучая язык, мы многое узнаем не только о нем самом, но и о людях, которые на нем говорят. А значит, без лингвистики не обойтись.

В науке тоже случаются приливы и отливы. Интерес к какой-то, казалось бы, надежно забытой теме, проблеме или теории возникает неожиданно и лавинообразно растет по своим малопонятным законам, пока вдруг не выясняется, что тема, проблема или теория опять никому не интересны, а если кому и интересны, то надо ждать следующего научного мейнстрима столетия через полтора. В общем – мода (естественно, в хорошем смысле слова), а говоря научным языком – актуальность, хотя первое слово как-то честнее, особенно если речь идет о фундаментальных науках вообще и лингвистике в частности. Ну какая там актуальность, когда все проблемы вечные!

³⁵ Эта глава написана в соавторстве с Марией Бурас.

Сейчас одной из самых актуальных (читай, модных) лингвистических задач является исследование связей языка с культурой и мышлением, а также построение картины мира, стоящей за каждым языком. Искать истоки идеи (а особенно – достаточно аморфного комплекса идей) – как правило, дело неблагодарное. Тем не менее это лингвистическое и философское направление обычно возводят к Вильгельму фон Гумбольдту. Именно он первым стал рассматривать язык как деятельность и искать в нем выражение духа народа. Философы и лингвисты подхватили его идеи и понесли, однако следующего прилива пришлось ждать больше века. Неогумбольдтианство возникло в Европе только в 20-х годах прошлого столетия. Правда, несколько раньше – в конце 19 века – в Америке расцвела этнолингвистика, в рамках которой позднее была сформулирована знаменитая гипотеза Сепира – Уорфа. Эта гипотеза утверждала, что родной язык влияет на наше мышление. То, что о сути этой гипотезы спорят до сих пор, нисколько не мешает многим лингвистам продуктивно работать под ее знаменем. В 1953 году в Чикаго даже состоялась посвященная ей конференция, в которой приняли участие не только лингвисты, но и философы, этнографы, психологи и др. И вот теперь – в конце 20-го – начале 21 века – еще один прилив. Среди самых ярких примеров работы австралийской лингвистики Анны Вежицкой, проникающей в дух народа через его язык.

Конечно, эта проблематика принадлежит не только лингвистике – она находится на стыке разных гуманитарных наук. Сколько наук с красивыми названиями было создано или только предполагалось создать для изучения этих феноменов: сравнительная антропология, уже упомянутая этнолингвистика, культурная психология!..

Надо признать, что чуть ли не самой благодатной почвой для такого рода исследований оказались и русский язык, и русский дух (он же “загадочная русская душа”). В качестве объекта изучения просто напрашиваются русские словечки типа *авось* или *тоска* и *душа*. А безличные конструкции вроде *убило молнией* или *задавило трамваем* разве не пример фатализма русского народа? Кто еще обратится к первому встречному *мать* или *отец*? Только русский, который, несмотря на внешнюю грубость (исследований по вежливости в языке тоже хватает), переполнен душевным теплом. Короче говоря, в русском языке, как сказал по другому поводу Гамлет в переводе Пастернака, “много кой-чего”...

Ситуация странная, почти парадоксальная (если забыть на время о табуированности и прочих запретах): для одного из самых важных действий в жизни человека в нашем литературном языке фактически нет нормального (то есть стилистически нейтрального и при этом не профессионального) обозначения. И наоборот, существует множество жаргонных и сленговых слов, которые крайне выразительны и естественны в разговоре “про это”. Вместо списка примеров в качестве подтверждения и поддержки приведем короткий текст С. Довлатова (“Записные книжки. Соло на ундервуде”):

Прогуливались как-то раз Шкляринский с Дворкиным. Беседовали на всевозможные темы. В том числе и о женщинах. Шкляринский в романтическом духе. А Дворкин – с характерной прямоотой. Шкляринский не выдержал:

– Что это ты? Все – трахал да трахал! разве нельзя выразиться более прилично?!

– Как?

– Допустим: “Он с ней был”. Или: “Они сошлись”...

Прогуливаются дальше. Беседуют. Шкляринский спрашивает:

– Кстати, что за отношения у тебя с Ларисой М.?

– Я с ней был, – ответил Дворкин.

– В смысле – трахал?! – переспросил Шкляринский.

Количество “нелитературных” глаголов действительно необычайно велико. Если отбирать по словарям жаргона, сленга, бранной лексики и т. д., оно исчисляется несколькими сотнями (воистину “велик и могуч”...).

Что же могут сказать нам эти слова о нас же самих, думающих или говорящих о любви, точнее, о ее акте? Что свидетельствует язык о духе народа в данной ограниченной области? Исследование глаголов с совпадающими или очень близкими значениями позволяет воссоздать соответствующий фрагмент русской картины мира, или, иначе говоря, – любовь по-русски.

Насторожить исследователя должно уже само количество глаголов-синонимов и вовлеченность разнообразнейших языковых средств. Лингвистам хорошо известно, что разнообразие средств выражения с большой вероятностью означает, что речь идет о чем-то неприятном и нехорошем. Вообще, в любом языке имеется много возможностей сказать о чем-то плохо и мало способов сказать хорошо (см. эпиграф).

Впрочем, и сами эти глаголы, и их языковое поведение более чем красноречивы.

Прежде всего – что это за глаголы? Их можно разделить на две группы: существующие только вне литературного языка и те, что есть также и в литературном языке, но только с другими значениями. Например, какое-нибудь *харить* или заимствованное из английского (как будто своего мало) *факать* безусловно относятся к первой группе. А вот *налить* или *перепихнуться* можно найти даже в “приличных” словарях, но... не с тем значением. Первые – это, скажем, исконные глаголы любви. У них могут быть и другие значения, но они вторичны. Для второй же группы, наоборот, вторичными являются как раз табуированные значения любви, а главные вполне приличны и весьма разнообразны.

Напротив, вторичные значения исконных глаголов любви довольно однообразны – обязательно какая-нибудь гадость и безобразие. Типа надоесть, быть совершенно неинтересным, ударить, избить, украсть и т. п. Это легко продемонстрировать на примере матерного, так сказать, базового глагола. Вспомним каламбуры и анекдоты, построенные на столкновении разных значений этого слова. Например, старый советский анекдот о зайце, объясняющем возмущенному волку свое неучастие в общезверином субботнике тем, что у него “половой акт”. Когда же в очередной раз волк обращается к зайцу, вновь получает стандартный ответ и поражается продолжительности действия, заяц объясняет по-простому: “... он этот субботник”.

Каковы, говоря научным языком, механизмы смехопорождения в этом случае? Да обычный каламбур. Заяц использует матерный глагол в его вторичном и гораздо более часто встречающемся значении, то есть сообщает, что ему глубоко безразличен субботник (можно было бы сказать: *плевал я на ваш субботник*). Эффект усиливается тем, что первоначально использованное зайцем выражение *половой акт*, в отличие от соответствующего глагола, не имеет этого вторичного значения, так что реакция волка, в том числе его возмущение, вполне оправданна.

Эта особенность не является спецификой русского языка. Достаточно подсчитать, сколько раз и в каких значениях говорят слово *fuck* герои какого-нибудь американского боевика, чтобы убедиться в интернациональности данного явления.

Иначе говоря, слова, предназначенные для выражения акта любви, очень легко приобретают всякие неприятные вторичные значения и очень часто относятся к так называемой бранной лексике.

Однако исконных слов не так уж и много. Постоянное пополнение этой лексики происходит за счет обычных слов и обычных корней. Однако далеко не все обычные слова годятся для этого, а только избранные. Какие же? Значение этих слов и корней, как уже сказано, очень разнообразно. Но при этом довольно большая их часть означает действия резкие, разрушительные и едва ли приятные для человека: *врезать*, *всадить*, *долбить*, *дрычить*, *дырявить*, *жарить*, *заклепать*, *законопатить*, *запрессовать*, *распечатать*, *скоблить*, *трахать* и др.

Вторичные значения возникают с помощью различного рода переносов: метафорических, метонимических и др. Если ограничиться переносом по сходству, то станет очевидно, что половой акт ассоциируется с чем-то неприятным, а иногда и просто разрушительным для человека. Это видно и из того, какие вторичные значения имеют исконные глаголы любви, и из того, у каких глаголов литературного языка появляется вторичное значение, связанное с половым актом.

Правда, все не так просто. В половом акте в нормальном случае участвуют двое, и роли у них весьма различны. Чтобы понять, как язык рассматривает отношения партнеров, обратимся к синтаксическим особенностям рассматриваемых глаголов. В подавляющем большинстве случаев субъектом действия является мужчина, а объектом – женщина (здесь не рассматриваются однополые акты). Относительно небольшое количество глаголов допускает в качестве подлежащего и мужчину, и женщину. И наконец, только у нескольких глаголов субъектом может быть женщина, а не мужчина.

Таким образом, все глаголы делятся на три неравных по размеру группы. Третью – с субъектом действия женщиной – образуют глаголы типа *дать, отдалиться, подвернуть, подмахнуть, расстелиться*. Большинство из них управляют дательным падежом, то есть мужчина является адресатом или полу-чателем.

Вторую – несколько большую – группу образуют глаголы типа *перепихнуться, состыковаться, пошмариться, спать, расслабиться, спариться*. Безусловное большинство здесь составляют симметричные глаголы с частицей *-ся*, обозначающей взаимность действия. Субъектом может быть как мужчина, так и женщина. Другой партнер обозначается предложной группой: *перепихнуться с кем-то*. Наконец, эти глаголы допускают также совместное выражение мужчины и женщины в качестве подлежащего: *Они состыковались*.

У подавляющего же большинства глаголов подлежащим может быть только мужчина. Эта основная группа делится на две большие подгруппы (исключения единичны). Большая часть управляет винительным падежом, однако также значительное число глаголов управляет дательным. В первом случае женщина оказывается объектом того самого интенсивного и крайне неприятного действия: *вздрыгнуть, выдрать, отжарить* и т. д. Во втором случае нужно говорить об особом семантическом эллипсисе, а именно об опущении названия подразумеваемого инструмента, вместилища или жидкости: *вдуть, влить, врезать, законопатить, засадить...* Женщина фактически интерпретируется как хозяйка вместилища, с которым мужчина производит какие-то манипуляции, часто грубые и неприятные.

Еще одна важная характеристика концептуализации действия в языке связана с тем, с какими приставками, а точнее говоря, приставочными моделями сочетаются соответствующие бесприставочные глаголы. Разнообразие здесь достаточно велико. Всего задействовано пятнадцать приставок: *в-, вз-, вы-, за-, на-, о-, от-, пере-, по-, под-, при-, про-, рас-, с-, у-*. Однако наибольшую активность проявляют три приставки: *за-, от- и по-*, – например, *законопатить, отшампурить, пошкворить*. Причем нейтральна лишь приставочная модель с *по-*. Она означает просто “заниматься соответствующим делом некоторое время”. А вот приставочные модели *за-* и *от-* вызывают крайне неприятные ассоциации. Действительно, достаточно вспомнить только глаголы типа *забить, заморочить, замучить*, в которых объект действия оказывается в тяжелом и неприятном состоянии. Так, базовый табуированный глагол с приставкой *за-*, в частности, означает “сильно надоест, измучить”.

Приставочная модель *от-* оказывается, пожалуй, еще менее приятной для объекта действия. Соответствующие глаголы сближаются с глаголами *отдубасить, отколошматить, отметелить* или *отругать, отчитать*. Иначе говоря, половой акт интерпретируется в рамках данной модели либо как физическая агрессия, либо как наказание.

В обоих случаях об удовольствии речи нет.

Стоит еще раз вернуться к особенностям значения многих глаголов, особенно с приставкой *от-*. Для них фактически не различаются идеи акта любви и изнасилования. Глаголы типа *отодрать*, *отдрючить*, *отхарить* и многие другие могут означать как просто половой акт, так и изнасилование. В любом случае согласие и добрая воля второго участника оказываются абсолютно несущественными.

Даже в тех случаях, когда женщина является субъектом действия, приставка может указывать доминирующее положение мужчины. Например, *подмахнуть*, или *подвернуть*, или *растелиться*.

Можно упомянуть и более редкие приставочные модели, которые также интерпретируют действие как не слишком приятное для женщины.

Несколько глаголов образовано с помощью приставки *на-*. Они, в частности, представляют особую пространственную метафору: *напаялить*, *натянуть*.

Остальные модели представлены единичными глаголами. Это также может быть интенсивное и агрессивное воздействие: *вздрючить*, *выдрать*. Кроме того, это пространственные метафоры: *протянуть*, *развалить*, – и консумационный перенос: *употребить*.

Не следует, впрочем, считать, что русский язык всегда рассматривает мужчину как агрессивного и жестокого самца, малоодушевленного и маломыслящего мачо. Так, для изображения не самого удачного поведения и реакций мужчины используется несколько глаголов, образованных с помощью прозрачных метафор: *поперхнуться* (преждевременная эякуляция), *обмусолить*, *спустить*. Но по сравнению с тем, что приходится терпеть женщине, это сущая ерунда.

Рассмотренных языковых свидетельств уже вполне достаточно, чтобы вынести приговор. По-видимому, и для читателя он уже очевиден: слишком красноречивы и однозначны языковые данные (хотя надо помнить, что рассматривались лишь статистически преобладающие лингвистические модели).

Итак, приходится признать, что акт любви в русском языке имеет очень мало общего с любовью (если ее понимать как нечто хорошее и приятное: ср. *поцеловать*, *расцеловать*, *поласкать*, *обласкать*). В лучшем случае для некоторых синтаксических или словообразовательных моделей можно говорить о нейтральной оценке.

Итак, женщина либо интерпретируется как хозяйка вместилища, с которой совершаются различные, но чаще неприятные действия: *всадить*, *врезать*, *напаялить*, либо с ней обращаются уж совсем по-садистски. Это подтверждается наличием переносных значений типа “избить”, “изнасиловать”, “измучить” – или же существованием омонимов с таким значением в литературном языке.

Почти все модели представляют событие как действие мужчины (часто агрессивное), направленное на женщину. Модели, рассматривающие женщину как субъекта или признающие равноправные позиции участников, редки.

Таким образом, акт любви скорее являет собой акт насилия и агрессивного воздействия мужчины на женщину, за которой не признается ни права иметь собственную волю, ни права на собственные желания. Кроме роли агрессора, разрушителя и мучителя мужчине оставлена еще одна роль. Акт любви может рассматриваться как акт наказания. Уж не за первородный ли грех, о котором вспоминает Честертон? Но тогда почему наказывается только женщина?

В общем, есть о чем задуматься (и не только феминисткам). В утешение можно сказать, что, во-первых, у языка вообще не так много возможностей для выражения “хорошего” и отмеченными свойствами в той или иной мере обладают и многие другие языки. А во-вторых, что речь-то шла не о литературном языке, а об особых жаргонах, то есть не о национальной русской картине мира, а о каком-то субмире. И говорят так уголовники и нехорошие парни. А мы-то с вами интеллигентные люди и используем исключительно литературный язык, а слов таких и вообще не знаем.

А что же литературный язык? Да ничего! Лицемерно молчит. Как будто и нет никакого акта любви или уж совсем он не важен для человека. Ну в лучшем случае, говоря словами Шкляринского (по Довлатову), он с ней был... (В смысле – трахал!)

Лексикографический невроз, или Словарь как способ поговорить

Я написал первый роман в виде словаря, второй в виде кроссворда, третий в виде клепсидры и четвертый как пособие по гаданию на картах таро. Пятый был астрологическим справочником для непосвященных.
Милорад Павич

Я не сразу понял, что передо мной серьезная и объективная тенденция. Оправданием мне может служить то, что мне она предстала в ряде случайных совпадений, связанных с частными и разрозненными обстоятельствами моей личной жизни.

В конце 2006 года мне попался специальный выпуск журнала “Большой город”. Номер этот был выпущен в канун Нового года и назывался “Словарь 2006 года”. В новогоднем номере другого журнала – “Афиша” – главным был материал под названием “Слова России”. В руках у своей дочери я заметил книжку Кати Метелицы “Лбюовь”. Повертев ее, я обнаружил на задней обложке цитату из Петра Вайля: “Под видом словаря – то есть того, к чему Катя Метелица приучила читателей, – написана необычная книга: это и культурологические эссе, и очерки нравов, но, прежде всего, лирическая автобиография, остроумная и трогательная”. Слово “приучила” означало, что “под видом словаря” автор уже что-то выпускал. И действительно, легко нашлась по крайней мере еще одна ее книга, “Азбука жизни”, где слова тоже стояли в алфавитном порядке (в действительности есть и другие). Книжки Кати Метелицы вырастали из ее колонок, и здесь невольно вспомнилась колонка Владимира Новикова в журнале “Новый очевидец”, тоже превратившаяся в книгу “Словарь модных слов”, которую я вскоре после Нового года получил в подарок от автора. А последней каплей стал звонок из журнала “Критическая масса” с просьбой написать рецензию на книгу Сергея Чупринина “Русская литература сегодня: жизнь по понятиям”, которая также написана в виде словаря³⁶.

Тут уже впору было заподозрить неладное и произнести сакраментальное: “Тенденция, однако”. Однако не стоит торопиться.

Моя главная проблема состоит в том, что я лингвист и постоянно имею дело со словарями. Более того, отношение к ним у меня профессионально трепетное. То есть я различаю хорошие и плохие словари. В данном же случае я попал в затруднительное положение, поскольку не мог назвать эти книги / журналы ни хорошими, ни плохими словарями. Между названными книгами и журналами много различий, а общее, пожалуй, только одно: все они существуют “под видом словаря”, по сути таковым не являясь. Во всяком случае, с моей профессионально лингвистической точки зрения.

Зачем же использовать столь уважаемую (научную и объективную) форму словаря для чего-то другого, ненаучного, развлекательного, несерьезного и субъективного? Нет ли здесь коварного литературного, да что уж там скрывать, постмодернистского заговора против самого святого, что есть у лингвистов, – против словаря? Или можно расслабиться, узрев здесь лишь игру случая, так некстати путающуюся у меня под ногами?

Прежде чем рассуждать об этом, стоит представить каждое из названных изданий, поскольку у меня нет уверенности в том, что читателям так же повезло случайно столкнуться с ними. Вообще, для словарей чрезвычайно важно, какое слово идет первым и какое послед-

³⁶ Наверняка можно было бы вспомнить что-то еще в таком роде, но я ограничусь этими книжками. Придирчивому книголюбу скажу только, что о Павиче я не забыл, просто Павич здесь абсолютно ни к месту, хотя бы потому, что ему более или менее все равно, использовать ли форму словаря или, скажем, кроссворда (см. эпиграф), и поэтому в дальнейшем он упоминаться не будет.

ним, а также что находится между ними. Это я как специалист говорю. Вот в таком ключе и рассмотрим наши словари.

Катя Метелица. *Азбука жизни*. Kolonna Publications, 2005.

Книжка, которая начинается с перечня слов без всякого комментария: *Аляска – Амазонка – Алупка – Алушта – Арканзас – слива – айва – алыча – абрикос – Аляска* (была). Похоже на игру в города (следующее слово начинается на последнюю букву предыдущего), хотя в дальнейшем этот принцип нарушается. Дальше идет слово *абракадабра*, про которое что-то написано. Потом идут слова на Б: *баобаб – бабуин – барабан – по барабану!* А затем снова слова с комментарием – *бомба* и *бумеранг*. Кончается книжка словом *яблоко*, про которое сказано следующее:

Моя любимая загадка:

На что похожа половинка яблока?

Официальный ответ на нее неизменно разочаровывает.

Половинка яблока похожа на вторую половинку.

Из того, что содержится между буквами А и Я, стоит отметить наличие статьи о *Ленине* (вполне в духе лирической автобиографии) и отсылочную статью *Родина* см. *Крыжовник, Селедка*.

После прочтения “Азбуки жизни” очевидно, что форма словаря взята Катей Метелицей для “прикола”, но на этом “приколе” она категорически настаивает. Например, снабжает книжку указателем (одновременно “предметным и именным”), что создает впечатление полного абсурда – научный аппарат для лирической автобиографии.

И вот еще одна ее книга.

Катя Метелица. *Лбюовь*. Kolonna Publications, 2005.

После прочтения этой книжки многое проясняется. Первым по алфавиту идет *Авторское предисловие*, в котором автор признается:

В этой книжке собраны рассказы, заметки и трактаты. Большая их часть – тексты для моей колонки “Стиль жизни”, которая выходит на восьмой полосе “Независимой газеты” по четвергам. Я расположила темы по алфавиту, потому что привыкла так делать. Мои издатели предупредили, что я должна быть готова к вопросу: а почему все-таки по алфавиту? У меня есть несколько вариантов ответа: для смеха; для солидности; чтобы было аккуратно.

Можно еще сказать, что пристрастие к алфавитному порядку – это мой личный невроз (моя самая первая книга называлась “Новый русский букварь”). Я действительно считаю, что алфавитный порядок – самый разумный. Хотя варианты “для смеха” и “для солидности” тоже работают.

Заканчивается книга статьей *Яйцо и Ямашка*. Чтобы объяснить малознакомое читателю слово *ямашка*, а также его объединение со словом *яйцо*, снова придется обратиться к цитированию: “В гостях одна девушка, Катя, рассказала чудесную историю про свою маленькую дочку. Она, говорит, целый день к нам всем приставала, чтобы мы отгадали загадку. “Сна’ужи белое, внут’и желтое; на букву “я”. Мы говорим: яйцо. Она: “Нееет!” Но ведь яйцо же. Что еще? А она: “Нееет! Это цветочек, ’ямашка”.

Указателя на этот раз нету, зато автор продолжает обильно использовать внутренние ссылки, из которых отмечу такую: *Внутренний мир* – см. *Красота, Холодильник*. В пространстве между *Авторским предисловием* и *Яйцом и Ямашкой* существуют множество смешных и не очень текстов, некоторые из которых называются *Бриллианты, Бытовые преступления, Достоевский Ф. М., Евродоска, Женственность, Лбюовь*, давшая название всей книге, *Топографический кретинизм, Тупить, Упасть на улице*, ну и так далее. Трактатов в собственном смысле слова вопреки авторскому предисловию не обнаружено. Впрочем, на роль трактата претендуют, на мой взгляд, тексты *Капучино, Тамагочи* и *Чашка кофе*. Проще всего (в силу краткости текста) процитировать *Тамагочи*: “Как известно, тамагочи всегда умирают в холодильниках”. Все.

Журнал “Большой город”, 13.12.06. Специальный номер “Словарь 2006 года”³⁷.

Строго говоря, это не совсем словарь, потому что в него вошли не только отдельные слова, но и имена известных персон, а также разные любопытные словосочетания³⁸. Первое слово в нем – *антифа*, со вполне серьезным толкованием: “популярное в некоторых странах Западной Европы (Великобритания, Германия) молодежное движение, противостоящее скинхедам на их территории (т. е. на улице) и зачастую их же методами (т. е. дракой)”. И дальше – более подробные сведения об этом движении. На букву “я” встречается слоган *я грузин*, а последним словом, написанным кириллицей, оказывается *як-цун-цон*, что означает строчку из припева финской польки, а точнее – модный рингтон (мелодия для звонка мобильного телефона). Ему сопутствует любопытный лингвистический комментарий: “в переносном значении – кавардак, безобразие”, – иллюстрируемый следующим примером: “*Когда вы уили, мы устроили реальный як-цук-цон*”.

Кроме кириллической части в “Словаре” есть еще и латинская, которая также активно используется в русском языке. Например, загадочное *Web 2.0* (с определением “все лучшее, что делается в интернете, – бесплатно и коллективными силами энтузиастов”) и *YouTube* (“сайт для выкладывания и просмотра коротких видеороликов”).

Внутри масса интересных статей о таких явлениях нашей жизни 2006 года, как *Бондарчук, боржоми, Бутово, Википедия, Все входящие бесплатно, гойда* (с отсылкой к книге Владимира Сорокина “День опричника”), *гуглить, Духless, жессть, живот мальчика, кит-бутылконос* (в январе 2006 года один такой заплыл в Темзу), *Кондопога, Ктулху, Перельман, плаггер, полупресед, превед, рейдеры, ретросексуал, скайпнуть, Скарлетт* (имеется в виду актриса Скарлетт Йоханссон), *три кита* (мебельный торговый центр) и даже *ипроты* (в связи с запретом на их импорт из Латвии). Статьи написаны серьезно и информативно. Из них действительно узнаешь полезную информацию либо о каком-либо событии, либо об употреблении данного слова. Например, статья *Гей-парад*, связанная с запретом на его проведение в Москве, снабжена картой мира и списком городов, в которых в 2006 году прошли гей-парады. Слово *охренищенко* имеет такое определение: “Любой запрет, введенный по политическим соображениям” – и содержит такой пример: *Это не законопроект, это опять охренищенко*. Слово *пежня* определяется как “Слово-паразит. Обозначает любую ерунду, недостойную упоминания: *Это какая-то пежня*”.

Пародийная серьезность, а порой даже научность толкований с легкими вкраплениями разговорной речи только усиливает ощущение абсурда (так и хочется сказать – идиотизма) нашей действительности и провоцирует не всегда здоровый смех. Приведу два примера.

³⁷ Журнал “Большой город” выпускал номера-словари и в последующие годы. Но в качестве примера я взял декабрьский номер 2006 года, тем более что в этом же году номер-словарь выпустил и другой журнал – “Афиша”.

³⁸ Это же замечание касается и книг Кати Метелицы, и журнала “Афиша”, которые, правда, прямо словарями не называются.

“Душ Сантуш (полное имя – Жозе Эдуарду душ Сантуш)

Истинная причина московских пробок и президент Республики Ангола еще со времен Леонида Брежнева и телепрограммы “Международная панорама”. Посетил Москву с официальным визитом 31 октября – в день, когда транспортные потоки города, как обычно, были парализованы. В тот же вечер футбольная команда “Спартак” решила (как это делают в последнее время многие) добираться на игру с “Интером” на метро. “Спартак” проиграл, за этим разразился скандал, в качестве одного из главных объяснений транспортных заторов города был назван старик Д. С.³⁹ и его кортеж. Теперь это имя накрепко связано не с социализмом, Индирой Ганди и Бабраком Кармалем, а с системными заторами на транспортных артериях Москвы”.

Живот мальчика

Часть тела, которую поцеловал президент России. Инцидент произошел во время пешей прогулки президента по Соборной площади Кремля: увидев совершенно незнакомого 5-летнего мальчика Никиту, президент наклонился, задрал ему футболку и подарил животу поцелуй...

Удачны и отдельные примеры употреблений тех или иных слов и выражений. Так, в словаре встречается выражение *Конечно, Катя!*:

Ставшая крылатой реплика из фильма “Меченосец”. Неожиданно произносится героиней Чулпан Хаматовой ближе к концу фильма, когда возлюбленный в очередной раз интересуется ее именем. Готовый девиз новейшего российского кинематографа – бессмысленного, по-своему прекрасного и особенно смешного именно в те редкие моменты, когда он хочет казаться лиричным. В связи с тотальным отсутствием каких-либо коннотаций подходит для любого случая жизни. Например: “Сколько времени?” – “Конечно, Катя!”.

Ну и чтобы закончить, приведу статью *код*:

Решенная проблема заголовков и названий книг: *К. чего-то*. Это может быть “Код Рафаэля”, “Код Givenchy”, “Код Ельцина”, “Код неандертальца” и любой другой код. Демонстрирует тайную веру авторов в то, что их произведения станут так же популярны, как бестселлер Дэна Брауна “Код да Винчи”...

Как ни странно, но после прочтения “Большого города” понимаешь, что “словарные мотивы” Кати Метелицы работают и здесь. Во-первых, для смеха. Во-вторых, для солидности. А может, просто невроз такой коллективный.

Журнал “Афиша”, 2006, № 24 (191).

В новогоднем журнале “Афиша” меня интересует большой текстовый блок, в оглавлении названный „2006: итоги года”. Впрочем, сам текст называется, как уже сказано, “Слова России”. Журналы “Большой город” и “Афиша” в 2006 году принадлежали одному издательскому дому, и остается только гадать, возникли ли идеи словарей независимо или были распространены по двум редакциям одним приказом. Несмотря на некоторое совпадение авторов словарей, реализованы эти идеи по-разному. В “Афише” значительно меньше иронии и совсем нет

³⁹ Замечательное столкновение разговорного “старик” и стандартной энциклопедической подачи в тексте заглавного слова.

сарказма. Для одних и тех же событий находятся разные ключевые слова. *Жизненно важные органы* (А) и *Полупредсед* (БГ) – для дела Сычева, *Кит в Темзе* (А) и *Кит-бутылконос* (БГ) – для кита-бутылконоса, заплывшего в Темзу, *Онищенко* (А) и *Охренищенко* (БГ) – для запрета грузинских и молдавских вин, *Путин целует Никиту в живот* (А) и *Живот мальчика* (БГ) – для описанного выше случая, *День опричника* (А) и *Гойда* (БГ) – по поводу выхода романа В. Сорокина и т. д. Впрочем, неизбежны и некоторые совпадения: *Борат*, *гей-парад*, *превед*, *Duxless* и др. Как говорится, лучше не скажешь. Обсуждать отдельные тексты “Афиши” подробно не имеет смысла, а поговорить о тексте в целом стоит. Структура текста здесь совсем другая. Верхняя половина страницы отдана словам и выражениям, вызывающим в памяти события 2006 года, причем слова упорядочены не по алфавиту, а по времени (когда произошло то или иное событие). Все слова разбиты на двенадцать месяцев. Внизу же в виде сносок комментируются некоторые из событий. Первым выражением оказывается *жизненно важные органы*, и к нему относится текст о рядовом Андрее Сычеве, а последним – слово *дискурс* без комментария⁴⁰. Последний комментарий посвящен выражению *Маскаев победил*, то есть победе боксера Олега Маскаева в матче за титул чемпиона мира. Комментарии подчеркнуто нейтральны. Приведу два литературных примера.

“*Адольфыч*. Киносценарий “Чужая”, принадлежащий перу Адольфыча – бывшего сотрудника Госплана Украины, бывшего деятеля киевского рок-подполья, бизнесмена с теневым прошлым и звезды ЖЖ, – похоже, закрыл бандитскую тему в литературе: смешнее и острее, чем человек, скрывающийся под псевдонимом Владимир Нестеренко, написать уже не сможет никто”.

“*Empire v*. В ноябре выходит роман Пелевина “Empire v” (незадолго до выхода книги черновик рукописи широко распространяется в интернете) – очередной меткий приговор эпохе. Если вкратце – тут утверждается, что в основе мироздания лежат гламур и дискурс, причем и то и другое иллюзия”.

Хотя текст в “Афише” так же, как и в “Большом городе”, основан на некоторых ключевых словах и комментариях к ним, он в меньшей степени напоминает традиционный словарь, а в большей – своеобразную словарную новостную ленту, если это сочетание имеет какой-нибудь смысл.

Владимир Новиков. *Словарь модных слов*. М.: Зебра Е, 2005.

Если все рассмотренное выше правильнее называть “как бы энциклопедиями”, поскольку речь идет об описании явлений окружающего мира, то это случай особый. Книжка Владимира Новикова – самый настоящий словарь, хотя, конечно же, не научный. В том смысле, что в нем действительно описываются слова, причем именно те, которые сейчас модны, актуальны, частотны. Иногда это новые слова или выражения: *гламур*, *креативный*, *отстой*, *пиар*, *шоу*, *яппи* и т. д. Иногда это слова, приобретшие новые значения и заигравшие новыми гранями, например *авторитет*, *грузить*, *фиолетово*, *культовый*, *круто*, *по понятиям*. Иногда речь идет о вечных ценностях, как в случае слов *жопо* или *цензура*. Первым словом в книге идет *авторитет*, а последним – *яппи*. Владимир Новиков избегает давать определения, а скорее просто весело объясняет, как употребляется то или иное слово, а также по ходу дела рассказывает всякие забавные истории. И почти всегда дает свою эмоциональную оценку. Например, статья о слове *мессидж* начинается так: “Это слово еще не получило постоянную российскую прописку: его порой пишут через э, а то и заключают в осторожные кавычки. Но, думаю, мессидж все-таки займет свое законное место в одном ряду с “миссией” и “мессией”. У этого

⁴⁰ Поскольку “дискурс” предшествует “гламуру”, нетрудно увидеть отсылку к вышедшему в этом году роману В. Пелевина.

слова обширнейший смысловой диапазон: от бытовой реплики, произнесенной для телефонного автоответчика, – до духовного послания, адресованного всему человечеству...” А вот выражение *по жизни*: “Выражение не самое изысканное, но есть в нем некоторая сермяжная правда. Оно иногда помогает вскрыть противоречие между мнимостью и сущностью”. Выражение *по понятиям* автору определенно не нравится: “Это одно из самых уродливых выражений, произведенных на свет русским языком...” А заканчивается статья о нем так: “Хочется одного – чтобы выражение ‘по понятиям’ могло попасть в будущие словари только с пометой ‘устар.’”.

Несмотря на постоянно присутствующую в тексте оценку, в целом книга не кажется нравоучительной, и причина, на мой взгляд, очевидна. Владимир Новиков испытывает очевидное удовольствие от русского языка, от хоровода всех этих слов и словечек, даже если среди них мелькают и не слишком приятные. Говоря теми самыми модными словами, он по жизни лингвистический эпикуреец, чувствующий харизму слова, или, иначе говоря, его особую фишку, и получающий от этого удовольствие.

Сергей Чупринин. *Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям*. М.: Время, 2007.

Эту книгу кратко представить значительно трудней. И тому несколько причин. Среди объективных надо отметить серьезность этого труда, отличающую его от упомянутых выше “словарей”. По сути, это словарь “актуальных” литературных терминов, во всяком случае, такова очевидная на первый взгляд претензия. Кроме того, эта книга – одна из двух, составляющих единый авторский проект, как сказано в аннотации. Вторая книга имеет частично совпадающее название “Русская литература сегодня: Большой путеводитель” и является биографическим справочником, включающим биографии современных писателей. Кроме того, в кратком представлении чрезвычайно трудно соблюсти правильный баланс между искренним восхищением, испытываемым к данному фундаментальному труду в целом, и некоторым скепсисом по поводу чистоты жанра именно этой части проекта (к биографическому словарю скепсис не относится). Более того, восхищение я для краткости вынесу за скобки и попытаюсь объяснить, почему я не готов считать этот замечательный семисотшестидесятисемистраничный труд, снабженный именным указателем (опять эти указатели!), словарем в полном смысле этого слова. Книга начинается статьей *авангард в литературе*, *авангардизм* и заканчивается статьей *этнолитература*. Между ними много интереснейших и серьезных статей: обзоры типа *детективная литература* или, скажем, *журналистика литературная*, хорошо известные термины (*графомания*, *плагиат*, *центон*), а также модные литературные словечки *ремейк*, *слэм-поэзия*, *лавбургер* и другие. Вместе с тем в книге много того, что собственно термином не является. Иногда речь идет о яркой метафоре, подхваченной Чуприниным у других критиков или писателей, например, *створазживание литературы* или *либеральная жандармерия*. Иногда – об очень общей теме или проблеме, так или иначе отражаемой в современной литературе, например *аутизм и коммуникативность в литературе* или *звезды в литературе* (кстати, для такого типа статей автор стандартно использует конструкцию “нечто в литературе”). Несколько огрубляя, можно сказать, что Сергей Чупринин пишет о том, что ему интересно, то есть по форме перед нами терминологический словарь, а по сути – сборник связанных между собой статей. И я подозреваю, что автор сам сознает это и даже затевает с читателем забавные игры, подбрасывая ему некоторые подсказки, главной из которых оказывается вполне игровое название – “Жизнь по понятиям”, содержащее каламбурное столкновение “понятия” в научном смысле и понятия жаргонного, на что как раз и указывает контекст (напомню, как недоволен был этим выражением Владимир Новиков). Вообще в этой книге множество элементов игры и иронии. Даже такой вроде бы объективный прием, как характеристика явления или термина с помощью чужой цитаты (Сергей Чупринин пользуется им постоянно), превращается порой в игру, в которую вместе с читателем вовлекаются и коллеги-критики, и коллеги-писатели.

Тут уже можно подвести предварительный итог, состоящий в том, что под видом словаря могут скрываться романы, сборники эссе или статей, описания событий или людей, анекдоты, да и вообще все что угодно. Чем же так притягивает уважаемых авторов словарная форма? Почему так и тянет их расположить статьи в алфавитном порядке?

Вспомним Катю Метелицу, которая, по существу, уже ответила на эти вопросы.

Итак, во-первых, “для смеха”. Юмористический эффект возникает в тех случаях, когда содержание текста не соответствует академической форме словаря. Смешное загоняется в академический формат и от этого становится еще смешнее. По-видимому, по мнению Метелицы, наличие именных и предметных указателей смеховой эффект еще усиливает, доводит, так сказать, до надрыва животиков. Хотя здесь с ней можно и поспорить.

Во-вторых, “для солидности”. Словарная форма в некоторых случаях повышает академическую ценность текста. Скажем, словарь актуальных литературных понятий, безусловно, интереснее и важнее сборника статей литературного критика.

В-третьих, “для аккуратности”. Речь, как мне кажется, идет о следующем. В том случае, если текст не имеет четкой собственной структуры и распадается на много разных текстов, форма словаря скрепляет его, придает определенную значительность. Этот прием работает, если книга выросла из журнальных или газетных колонок, в общем-то не связанных между собой (разве что стилистически). Это, как ни странно, срабатывает и при подведении итогов за год. Алфавитный порядок событий и тем года оказывается как-то ярче и четче временного порядка, за которым-то не всегда строго и уследишь. В этом смысле удобно сравнить воплощение одной и той же идеи в разных форматах. Кажется, что год, представленный в журнале “Большой город” (словарь главных тем), выглядит как-то ярче, выпуклее и, главное, запоминается лучше, чем тот же год, предлагаемый журналом “Афиша” (что-то вроде новостной ленты или хроники). Формат словаря в этом смысле хорош по двум противоположным причинам. С одной стороны, он структурирует текст, не имеющий никакой первоначальной структуры, то есть, по существу, задает некую композицию, связывает разрозненные эпизоды. С другой стороны, эта структура достаточно гибкая, она не искажает события, не навязывает каких-то дополнительных смыслов и позволяет включать в книгу новые эпизоды, если это потребуется.

Катя Метелица еще упоминала невроз, но его можно отнести на счет индивидуальных особенностей автора. Хотя нужно сказать еще одну важную вещь, а обозвать ее можно хоть неврозом, хоть как. И это, пожалуй, единственное, что объединяет все рассмотренные книги и журналы. И именно в этом можно усмотреть ту самую тенденцию, с которой и начался разговор. После прочтения всех названных текстов возникает устойчивое ощущение, что мир лучше познается через слова. Можно называть их модными, можно – ключевыми. Мы запоминаем не объемные события или сложные понятия, а отдельные слова, своего рода ярлыки для всевозможных явлений, и именно эти ярлыки храним в своей памяти, общественной или индивидуальной. Особенно удачны ярлыки в виде речевых клише (типа выражений *Полная Кондопога* или *Конечно, Катя!* и даже таких литературоведческих терминов, как *створаживание литературы*). Они хорошо запоминаются и легко вызывают воспоминания о прошлых событиях и, что немаловажно, эмоции, с ними связанные. Эти слова являются единицами хранения событий в нашей памяти и действуют как вспышки, мгновенно освещающие эти события. Поэтому гораздо ярче и действенней оказывается не просто текст, а текст, введенный через некое точное и запоминающееся слово, поэтому в конце концов авторы и дают художественным произведениям короткие названия.

Но названия романов и прочих текстов придумывает, как правило, один человек, и они могут быть удачными и неудачными и, что называется, провоцируют частные ассоциации. А вот ключевые слова в самых разных областях – от литературоведения до политики и вообще жизни в целом – возникают в результате нашей общей деятельности и всегда отражают некую общую и общезначимую реальность. Задача отдельного автора состоит не в том, чтобы их при-

думать, а в том, чтобы их отыскать в языке и культуре, вспомнить самому и тем самым вызвать ответную реакцию у читателя. Разговор о ключевых словах оказывается интересен всем тем, кто эти слова знает и у кого они вызывают соответствующие мысли, образы и эмоции. Одинаковые механизмы действуют в разговоре и о нашей жизни за год, и о нашей сегодняшней литературе.

А раз мир лучше познается через отдельные слова и выражения, то и форма словаря становится востребованной, ведь слова удобнее всего располагать в алфавитном порядке (для солидности и аккуратности). Вот и появляются пространные высказывания, в том числе и художественные, о литературе, о политике, просто о жизни “под видом словаря”. Тенденция, если уж говорить о тенденции, состоит в том, чтобы “говорить (или, точнее, писать) целыми словарями”. И поверьте моему лингвистическому опыту, высказывание в виде словаря гораздо убедительнее высказывания в виде кроссворда, не говоря уж о клепсидре (см. эпиграф к этой главе).

Несчастный случай для одинокой домохозяйки

Все действующие лица выдуманы, все совпадения случайны. Ну или почти все. За свои высказывания автор никакой ответственности не несет.

Раз уж я заговорил о литературе, то не буду останавливаться. Меня всегда интересовало, что произошло после перестройки с таким литературным жанром, как детектив. Тем более что современный детектив иногда вызывает такую же реакцию, как и русский язык в целом. Кроме того, в этом жанре используется некоторый набор языковых приемов и клише, характерных и для других областей использования языка.

Вообще-то я люблю детектив и совсем не считаю его “низким” жанром. Какой уж там низкий жанр, если есть Честертон и Конан Дойл. Как и любой ценитель жанра, я имею свои пристрастия, и наоборот. Из классиков почему-то не люблю Сименона и Агату Кристи, зато с огромным удовольствием прочел все недавно переведенные романы Ван Гулика. Ненавижу Чейза, но если кто-то заподозрит меня в снобизме или, не дай бог, интеллигентизме, гневно отвечу: “Нет!” Разве снобы любят Дэшила Хэммета или Рекса Стаута? А я вот люблю. Я, конечно, читал Умберто Эко, но понравилось только “Имя розы”, да и то в том самом первом сокращенном переводе. А вот несколькими детективами Дюрренматта восхищаюсь и готов даже перечитывать (чего, впрочем, не делаю из-за лени).

Из нынешних авторов особенно ценю Ле Карре, хотя иногда засыпаю после трех-четырех страниц сверхпрофессионального описания размышлений сверхпрофессионалов. Очень люблю читать Даниэля Пеннака и из наших Акунина и Юзефовича. Да, и не забыть сказать, терпеть не могу Дэна Брауна с его недовинченными кодами и Артуро Переса-Реверте с шахматными этюдами. А вы говорите: “Интеллектуал!”

Зачем я это все наговорил, ведь к дальнейшему это не имеет никакого отношения?

Ну, во-первых, чтобы вы знали, с кем имеете дело, не с каким-то там сухим исследователем некоего мифического жанра, а с живым человеком, который любит то и не любит это, а почему – черт его знает.

Во-вторых, чтобы стало понятно мое раздражение. Не нравилось мне, когда разные писатели (среди них попадались, кстати, и хорошие, и плохие) с явным пренебрежением высказывались о популярности, а главным образом тиражах женских детективов. При этом называлось несколько имен, иногда как бы и со строчной буквы, мол, пишут там всякие *маринины*, *донцовы* и *дашковы*, мы их, естественно, не читаем, ведь ерунда какая-то, а не литература, а ведь поди ж ты, тиражи какие, а вот мы, крупные и прочие писатели земли русской, практически оказываемся никому не нужны. В этих словах мне чувствовалась некоторая озлобленность и зависть, а главное – лицемерие, потому что многие из презиравших детективы все чаще обращались к ним как писатели и, о ужас, никакой популярностью при этом не пользовались.

Из всех упомянутых женщин, авторов детективных романов, я к тому времени читал только Александру Маринину и не то что бы любил ее, но относился с уважением. Несколько ее романов я прочел с удовольствием, да и образ Насти Каменской, эдакого синего чулка советской милиции, был вполне колоритен. Я попробовал читать других писательниц, особого интереса не испытал, как вдруг (без этого “вдруг” в детективе вообще обойтись невозможно) понял, что женский детектив интересно не читать (по крайней мере, мне), его интересно изучать.

Постепенно я понял еще несколько простых, но важных вещей. Существуют не только “женские”, но и “мужские” детективы, и ни те ни другие, собственно, детективом не являются. То есть преступлений в них хоть отбавляй, а вот с раскрытием имеются определенные проблемы. Классический детектив – это всегда игра, соревнование между героем детектива и чита-

телем, кто раньше раскроет преступление и тем самым отгадает загадку, поставленную писателем. При этом читатель испытывает законную гордость от своей победы (если он правильно и раньше героя решил ребус), но гораздо большее эстетическое удовольствие – от собственного поражения (от то-го, что пошел по ложному следу и не угадал преступника). В “мужских” детективах, законодателем которых, по всей видимости, является Дэшил Хэммет, герой прет напролом и преступника находит, пренебрегая всякими загадками, ну вроде как Александр Македонский решает проблему Гордиева узла. Читатель получает огромное удовольствие уже от того, что это не его регулярно бьют по башке, ну и от специфического юмора, конечно. В общем, чистотой жанра здесь не пахнет, обаяние (у того же Хэммета) порой встречается, хотя, пожалуй, не в русском варианте его романов, так что нетрудно понять, почему любитель(ница) детективов, оказываясь перед выбором, что взять, русский покетбук с мужской фамилией или с женской, берет с женской.

Что же касается женских детективов, то они, как выяснилось, делятся на три неравных части. Основная масса текстов восходит к польской писательнице Иоанне Хмелевской и часто называется “ироническим детективом”. Иногда издатели пытаются нас запутать и придумывают всякие там авантюрные или даже шоу-детективы. Чтобы понять, в чем различие, например, между ироническим детективом и шоу-детективом, достаточно обратиться к книгам Галины Куликовой. На книгах до 2004 года написано:

Если к загадке добавить любовь и все это обильно присыпать юмором, а затем хорошо перемешать, то получатся иронические детективы Галины Куликовой.

На книгах же, вышедших в 2004 году, написано:

Если к загадке добавить любовь и все это обильно присыпать юмором, а затем хорошо перемешать, то получатся шоу-детективы Галины Куликовой.

Чистота жанров и разница между ними, как говорится, налицо.

Вторую – не слишком большую, но важную – часть так и тянет назвать собственно детективом, что звучит малосодержательно, а потому назовем ее “сентиментальным детективом”.

Называя третий тип, надо быть крайне аккуратным, поскольку на язык просится простой и четкий, но как-то не совсем пристойный эпитет. Короче говоря, назовем этот тип “детективом падших женщин” и забудем о нем, как о страшном сне. Почему? Да потому, что он действительно не имеет к детективу никакого отношения. Вокруг этой самой падшей женщины все время происходит что-то нехорошее, но преступления никто и не думает раскрывать, просто через некоторое время становится известно, кто убил, кто украл, кто изнасиловал, а сама дама в это время занята только одним делом: так сказать, продолжением падения. Типичным представителем жанра “я расставила ноги, и он грубо вошел в меня” является Юлия Шилова, блестящий мастер многоточия (иногда все предложения в абзаце кончаются им). Впрочем, кроме многоточия читать в ее книгах, пожалуй, нечего, и честные издатели при определении этого жанра обходятся без слова “детектив” – просто “криминальное чтиво”.

Наконец, еще одна простая истина состоит в том, что женский детектив определяется прежде всего двумя вещами. Во-первых, на обложке стоит женское имя. Во-вторых, главным героем (или хотя бы одним из них) является женщина⁴¹. Первое чрезвычайно важно, поскольку, с одной стороны, автором женских детективов вполне может быть мужчина, и,

⁴¹ Некоторые единичные сыщики-мужчины, например Иван Подушкин у Дарьи Донцовой, принципиально картину не меняют, хотя, конечно, являются шагом в сторону. У Донцовой вообще главным героем является семья, что сохраняется и в “мужской” серии.

наоборот, женщина, взяв мужской псевдоним, тут же выпадает из этого ряда (и то и другое, насколько мне известно, случается).

Чтобы более подробно разобраться в сути женского детектива, придется стать тем самым покупателем в книжном магазине, чья рука почему-то все тянется и тянется к детективу с женским именем на обложке.

А действительно, почему? Чтобы разобраться в этом, я взял несколько полюбившихся мне цитат из женских детективов и последовал в заданном направлении. Получились своего рода подзаголовки. Вот первый.

“Аналізу поддається все. Надо только уметь анализировать”

Поначалу мне показалось, что все женские детективы вообще написаны одним человеком или в лучшем случае – двумя. Это, конечно, была ошибка, ложный след, так сказать, но все-таки...

Начать надо с имен и названий произведений.

В истории мировой литературы были писатели, которые мастерски составляли списки, в том числе списки собственных имен. Это традиция идет от Гомера, а если говорить о современности, достаточно назвать имена Набокова, Сэлинджера и Стругацких. Именно после них стало ясно, что, скажем, список одноклассников может стать художественной прозой. Так вот, список авторов женских детективов никакой критики не выдерживает.

Приведу основные имена:

Александра Маринина

Дарья Донцова

Полина Дашкова

Татьяна Полякова

Татьяна Устинова

Галина Куликова

Марина Серова

Виктория Платова

Анна Литвинова

Дарья Калинина

Анна Малышева

Юлия Шилова

Елена Афанасьева

Думаю, что ни в одном случайно взятом российском школьном классе не найти такого безупречного и потому абсолютно незапоминающегося набора фамилий. Я заранее прошу прощения у тех авторов, чьи фамилии настоящие. Дело ведь не в каждом имени и каждой фамилии по отдельности. Любая фамилия хороша, но речь идет именно о совокупности. Список, в котором есть только самые частотные имена и фамилии, в котором нет фамилий разных национальностей, не важно каких – татарских, еврейских, грузинских, украинских, польских, немецких, – выглядит крайне неестественно. Иначе говоря, случайностью это быть не может. Следствием же такого подхода оказывается абсолютная незапоминаемость каждой отдельной писательницы. Здесь невозможны даже шутки, проделываемые в мужском детективе: как-то раз мне попала книга, на обложке которой стояло имя “Кондратий Жмуриков”. Вообще, мужчины, даже если взять только самых известных, демонстрируют значительно большее разнообразие: *Кивинов, Доценко, Незнанский, Тополь* и др., не говоря уж об *Акунине* и *Юзефовиче*.

Если собственная фамилия укладывается в прокрустово ложе – хорошо, если нет, то придумывается соответствующий псевдоним. Видимо, по этой причине Донцова сохраняет в псев-

дониме фамилию, но меняет “нестандартное” имя на имя “Дарья”. Именно поэтому неожиданно выстреливает на этом фоне не слишком известная Полина Дельвиг. Хочется надеяться, что это ее настоящая фамилия⁴².

Стратегия издателей кажется сначала не очень понятной. С одной стороны, интенсивная раскрутка наиболее известных писательниц: Марининой, Донцовой, Дашковой, Устиновой и других, а с другой стороны, препятствующая этому изначальная невнятность и незапоминаемость псевдонима (ср. с яркими, если не сказать броскими, голливудскими псевдонимами). Тем не менее противоречия здесь нет. Издателям, по всей видимости, нужна абсолютно однородная масса, действительно что-то вроде одного автора, ну а если кто-то вырывается вперед, ему на помощь бросают все современные средства: телевидение, интернет⁴³, – и тогда даже малозапоминающаяся фамилия не помеха. Ведь опознают же сейчас все Донцову, да и Кристи не бог весть какая редкая фамилия. Способом раскрутки является также придумывание новых жанров, исходя из принципа “Каждому автору – свой жанр”. Переход Галины Куликовой на новую ступень известности был ознаменован уходом из иронического детектива в шоу-детектив, то есть, по существу, созданием нового жанра. Татьяна Полякова пишет авантюрные детективы, а Литвиновых характеризует уже не жанр, а стиль – “русский стиль”.

Не намного лучше обстоит дело и с названиями детективов. Их уж точно пишут два человека. Для иронических детективов рецепт прост. Надо взять какое-нибудь речевое клише: поговорку или известную цитату – и, желательно, слегка исказить ее. Это тот же прием, который используется в газетных заголовках (см. главу “Ирония по инерции”). Например:

Красивым жить не запретишь – Салон медвежьих услуг – Закон сохранения вранья – Правило вождения за нос – Сумасшедший домик в деревне – Витязь в овечьей шкуре...

Дантисты тоже плачут – Домик тетюшки лжи – Созвездие жадных псов – Чудовище без красавицы – Синий мопс счастья – Полет над гнездом Индюшки...

Овечка в волчьей шкуре – Миллионерша желает познакомиться – Охотницы за привидениями – Отпетые плутовки – Барышня и хулиган – Неопознанный ходячий объект...

Первая цепочка названий принадлежит Галине Куликовой, вторая – Дарье Донцовой, третья – Татьяне Поляковой. А может, наоборот, а может, кому-то еще, не помню точно я. Да разве это важно?

Кстати, этот самый творец названий иронических детективов почему-то любит конструкцию с предлогом “для”:

Камасутра для Микки-Мауса, Надувная женщина для Казановой, Концерт для Колобка с оркестром (Д. Донцова); Деньги для киллера, Час пик для новобрачных, Фитнес для Красной Шапочки, Фуршет для одинокой дамы, Караоке для дамы с собачкой (Т. Полякова); Пенсне для слепой курицы (Г. Куликова); Куколка для монстра, Такси для ангела (В. Платова).

Названия серьезных детективов, названных выше сентиментальными, выделяются уже по тематическому признаку. В них должны быть упомянуты смерть, сон, игра, грех, призраки, маски, вообще всякая мистика (хороши и любимы слова-ужасы: монстр, маньяк и другие) и, возможно, немного любви. Кстати, роман А. Марининой так и называется – *Смерть и немного любви*.

Можно привести такие же цепочки, как и в предыдущем случае:

Игра на чужом поле – Мужские игры – Смерть ради смерти – Посмертный образ – Чужая маска – Светлый лик смерти... (А. Маринина);

⁴² Если быть точным, то и псевдоним “Александра Маринина” не вполне укладывается в общий ряд. Имя в наше время не слишком частое, а фамилия вообще нестандартная, поскольку образована от женского имени. Но по крайней мере на первый, пусть невнимательный, взгляд она из ряда не выпадает, глаз не раздражает.

⁴³ В телевизоре довольно часто мелькают Маринина, Донцова, Дашкова и Устинова, а в интернете мне удалось обнаружить и сайты некоторых писательниц, видно, что издательства заботятся о своих авторах: Марининой, Донцовой, Устиновой, Поляковой и Куликовой.

Вкус убийства – Зеркало смерти – Любовь холоднее смерти – Разбитые маски – Страх перед страхом – Стриптиз перед смертью... (А. Малышева);

Проигравший получает все – Второй раз не воскреснешь – Отпуск на тот свет – Эксклюзивный грех – Прогулки по краю пропасти... (А. и С. Литвиновы).

К мистике и смерти тяготеет и В. Платова, автор скорее иронических детективов: *Эшафот забвения, Корабль призраков, Смерть на кончике хвоста...*

Интересно, что и Т. Устинова и А. и С. Литвиновы, пишущие “сентиментальные” детективы, очень часто используют в названии приемы из первой (“иронической”) серии. Так, у Устиновой – *Подруга особого назначения* или *Пороки и их поклонники*, у Литвиновых – *Быстрая и шустрая* или *Дамы убивают кавалеров*.

Из любого правила существуют исключения. Таким исключением является Полина Дашкова, а с некоторых пор и Александра Маринина, в своих поздних романах отошедшая от стереотипов. Среди новичков также попадают авторы со своими нестандартными названиями, например первый детективный роман Елены Афанасьевой называется *Ne-bud-duroi.ru*. Не по правилам, зато запомнить легко.

И все же в целом есть всего два рецепта – структурно-игровой и любовно-мистико-тематический, и в принципе ничто не мешает их смешивать. Надеюсь, излишне объяснять, что большей частью названия книг никакого отношения к содержанию не имеют.

“У меня справка из психушки”

Закончив с обложкой, можно как раз и перейти к содержанию, а точнее, к главному его элементу – женщине-героине. Особенно колоритны и однородны героини иронического детектива.

Следует сразу признать, что лучше всего о женских детективах говорят сами женские детективы, причем не только тексты и цитаты из них, но и обложки, аннотации и прочее. В качестве рекламной аннотации к одному из детективов на-писано:

Главные героини – молодые обаятельные женщины, склонные к рискованным авантюрам, без оглядки переступают закон. Их путь проходит через опасные падения, головокружительные взлеты, нищету и роскошь, любовь и кровавые слезы.

Точнее не скажешь. Можно, правда, сказать иначе. Бегают по улицам сумасшедшие бабы нездешней красоты, а вокруг них падают, падают трупы. И что вы думаете – ничего страшного! Они продолжают бегать как ни в чем не бывало и даже находят свою любовь. Или она находит их. Но ведь по существу это то же самое.

В начале книги героиня обычно предстает таким гадким утенком, она нехороша собой, то есть не то чтобы совсем нехороша, а как-то несчастлива в личной жизни, а потому немного скованна, а потому мужчины ее игнорируют, а потому у нее возникает масса комплексов, и мужчины ее вообще в упор не видят. Ну и так далее. Короче, она такая же, как мы с вами – одинокие домохозяйки, жизнь которых скучна и обыкновенна. Правда, в отличие от нас с вами, она вполне обеспечена материально, и понятно почему. Чтобы сосредоточиться на проблемах духовных и загадочных. А это ей понадобится очень скоро, потому что примерно на третьей странице произойдет первый несчастный случай. Ну, к примеру, из окна выпадет старушка. И далее иронические детективы развиваются абсолютно по Хармсу.

Когда из окна выпадает пятая старушка, ты, то есть читатель, то есть одинокая домохозяйка, смекаешь, что не все так просто в этой жизни и, возможно, между старушками есть какая-то связь. Но героиня еще долго этого не понимает и поэтому кажется не только гигант-

ской флуктуацией всевозможных несчастных случаев, но и клинической идиоткой. Правда, некоторые из героинь все же задумываются:

– Может быть, во мне есть какой-то скрытый шарм? – с сомнением подумала она. – Что-то взрывоопасное, о чем я до сих пор не догадывалась? (Г. Куликова. *“Синдром бодливой коровы”*).

Героиню искренне жаль. Но первое впечатление обманчиво. Нет, не в том смысле, что она не клиническая идиотка, а в том смысле, что, несмотря на горы трупов, у нее все будет хорошо. К концу книги у нее не будет проблем с внешностью, исчезнут комплексы, а мужчины будут перед ней падать замертво, но уже в переносном смысле (то есть “шарм” таки был). Даже ее идиотизм станет менее заметным или, во всяком случае, перестанет быть клиническим.

Вообще-то характеру героини можно только позавидовать. Ведь вокруг нее убивают не только чужих людей, но и соседей и знакомых (иногда просто потому, что их пути пересеклись с ее причудливой траекторией):

Вечером того же дня ее [соседки. – М. К.] истерзанное тело нашли за гаражами местные алкоголики (Г. Куликова. *“Пенсне для слепой курицы”*).

Героиня же продолжает нестись по жизни, как ни в чем не бывало.

Итак, в ироническом детективе читатель не соревнуется с героиней, более того, читатель, с точки зрения настоящего детектива, всегда выигрывает. Он всегда умнее героини (глупее быть просто трудно) и догадывается о том, кто же преступник, значительно раньше ее, иногда даже в середине книги. Впрочем, это абсолютно не важно, поскольку речь идет не о настоящем детективе, а об ироническом. Дальше читатель просто сопереживает героине, которая сама лезет в очевидные ловушки, и ждет, как же автор разгребет горы трупов и свяжет все чудесные нелепости сюжета. А вот этого как раз ожидать не следовало, поскольку все снова происходит по Хармсу. Жизнь опять побеждает смерть неизвестным (по-видимому, ни для читателя, ни для героя, ни для самого писателя) способом.

Хотя в ироническом детективе предполагается некоторое интеллектуальное превосходство читателя над героиней, это отнюдь не означает, что интеллект читателя оценивается высоко. Подобные тексты весьма нравоучительны и снабжены громадным количеством объяснений, часто кажущихся избыточными.

Приведу несколько очевидных примеров:

– В натуре! – Кирьянов имитировал интонацию так называемых “новых русских” низкого пошиба.

– Рассказывай, а то зарэжу, – я в свою очередь спародировала “лицо кавказской национальности...” (М. Серова. *“Грабь награбленное”*).

или:

– А это, Таня, настоящий полковник, – Натали спародировала строчку из песни Аллы Пугачевой (М. Серова. *“Грабь награбленное”*).

Еще можно представить себе домохозяйку, которая не знает, что такое “в натуре”, но домохозяйку, которая не имеет представления о “кавказском” акценте и не слушает Пугачеву, вообразить невозможно. Тогда – для кого эти неуклюжие пояснения? Кого же видит автор в качестве своего читателя? Нет ответа.

Эти примеры, конечно, случай исключительный, но в целом в ироническом детективе автор часто выступает в качестве гуру и выстраивает следующую интеллектуальную иерархию: автор читатель героиня.

В сентиментальном детективе все вроде не так, но если чуть-чуть присмотреться, то довольно похоже. Героиня, конечно, не дура и даже вызывает у читателя уважение, но почему-то все время совершает, нет, не дурацкие, но, скажем, опрометчивые поступки. Она тоже при-

тягивает несчастья, и она тоже расцветает по ходу действия. Если в начале героиня – бедный, никому не нужный гадкий утенок, то в конце книги она богатый и очень красивый лебедь (например, получила наследство, влюбилась и расцвела). Впрочем, все чаще в качестве главной героини сентиментального детектива выбирают вполне самостоятельную, успешную и привлекательную леди. Но все-таки немного несчастную в личной жизни. Тогда в процессе развития сюжета она избавляется от всего наносного, фальшивого и, конечно же, обретает выстраданное счастье.

Некоторые отклонения от сказанного возможны, но не столь значительны. Так, Анна Малышева часто пишет о тяжелой женской судьбе (как самой по себе, так и по причине происходящих преступлений) и далеко не всегда балует читателя сказочным счастьем в конце. Бытовая сторона жизни, однако, так заедает, что детективная интрига становится почти незаметной. Дарья Донцова, используя постоянных персонажей, не может каждый раз эксплуатировать любовную линию (тогда ее героини могут соскользнуть в разряд падших женщин). Поэтому у нее главным героем является не сама героиня, а вся ее большая и, как правило, сумасшедшая семья. Наградой в этом случае становится не большое и светлое чувство, а счастье и процветание семьи, иначе говоря, героини Донцовой борются не столько за любовь, сколько за семейные ценности.

Таким образом, в целом женский детектив оказывается по сути женским (по большей части, любовным) романом, более или менее отягощенным детективной интригой. А в женском романе, как мы понимаем, нельзя обойтись без мужчины.

“Или он немного того, или что-то знает”

Естественно, встает вопрос, каким же образом разрешается детективная интрига, как разгадывается загадка. К сожалению, по этому поводу сказать почти нечего. Героиня крайне редко раскрывает преступление. В основном реализуются два варианта. Иногда в результате ее беспорядочных, бессмысленных, а часто просто вредных действий преступление как-то само собой раскрывается. Ну, то есть преступники вынуждены самораскрыться, потому что, как и читатели, уже ничего не могут понять в происходящем.

И этот вариант определяется принципом № 1:

Женщины не признают никакой логики, и в этом их сила (Г. Куликова. *“Синдром бодливой коровы”*).

Впрочем, особенно напрягаться женщинам и не приходится, по крайней мере в ироническом детективе. Про всех прочих героев сразу становится ясно, кто он – преступник или хороший человек. Единственным исключением оказывается мужчина ее мечты. Это, пожалуй, самая амбивалентная фигура иронического детектива. Тут уж, как говорится, либо – либо. Либо он действительно мужчина ее мечты, либо он оказывается самым главным преступником (а мужчина ее мечты маячит где-то на заднем плане и в конце концов спасает героиню от этого псевдоидеала). Других вариантов нет, а вот кто же он – это и есть главная и, наверное, единственная загадка, которая одинаково мучит героиню и читателя. Раз уж речь зашла о мужчинах, то можно сформулировать, а точнее, процитировать принцип № 2:

Чтобы справиться с неугодным мужиком, нужен другой мужик (Г. Куликова. *“Пенсне для слепой курицы”*).

Второй вариант заключается в том, что детективную интригу распутывает мужчина. Откуда он берется и вообще какие отношения у главной героини с мужчинами, мы поговорим

позже, а пока отметим незначительные отклонения от двух главных принципов. Я имею в виду вмешательство мистических сил, что, впрочем, скорее всего является разновидностью первого варианта. Примером доведения этого принципа “до абсурда” могут служить цитаты из повестей Марины Серовой:

И вдруг меня осенило: а не посоветоваться ли мне с высшими силами?

Я извлекла на свет из ящика письменного стола чехольчик с магическими двенадцатигранными “косточками”.

Я закрыла глаза и сконцентрировалась на вопросе: что принесет мне посещение местного театра, где солировала убиенная примадонна (или все-таки покончившая с собой)?

Потом я бросила гадальные косточки, и они словно сами выскользнули у меня из ладони.

– Ну-ка, ну-ка, посмотрим, – прошептала я, склонясь над столом.

Получилась комбинация: „11+20+27” – “Новые яркие впечатления”.

Я пожалала плечами. А чего еще, собственно говоря, можно было ждать от посещения театра?!” (М. Серова. *“Обвести вокруг пальца”*).

Я бросила косточки и открыла глаза. Комбинация чисел оказалась такая: „19+7+33”.

Я напрягла свою память и вспомнила, что это значит. Новое предсказание выдалось следующим:

“Прилив свежих жизненных сил и энергии, которые помогут вам выбрать правильный путь” (М. Серова. *“Обвести вокруг пальца”*).

И наконец:

Сев в машину, я достала из бардачка заветный замшевый мешочек и кинула гадальные кости. 20+25+10 – “Да, действительно, жалок тот, в ком совесть нечиста”, – говорили мои помощники (М. Серова. *“Грабь награбленное”*).

Невозможно понять ни то, каким образом выпадают очки на этих загадочных костях, ни то, каким образом прочитывается предсказание. Но читателю этого знать и не надо, а героине... См. принцип № 1.

“Пара-тройка производственных фрикций”

Отношения героинь женских детективов к мужчинам и с мужчинами многообразны и совсем даже не сводятся к этой игривой цитате. Мужчина – он и главный враг, и друг, и любовник. Иногда ему даже удастся совмещать все эти функции.

Мужчина как враг не очень интересен. Он глуп, коварен и жесток. Периодически или он сам, или его прихвостни бьют женщину, но она бьет в ответ. И неизвестно, кому больше достается. Время от времени, как уже сказано, он притворяется мужчиной ее мечты и порой даже доставляет ей некоторое удовольствие. Вообще, вступление женщин в интимные отношения с мужчинами, будь то враги или друзья, довольно четко зависит от “серийности” героини. Если это единичный персонаж, то без любви (в том числе и физической) никак нельзя. Если же речь идет о постоянных героинях, то есть женщинах-детективах, то им, как правило, удастся успешно уклоняться от физического контакта с мужчинами, даже горячо любимыми. Тем самым, с одной стороны, они не идут по пути разврата, а с другой – интрига сохраняется и переносится в следующий роман.

Но главные мужчины женских детективов – не враги, а друзья и возлюбленные. Обычно в женских детективах есть тот самый “мужик” из принципа № 2, который делает за женщину всю черную или вообще всю работу. Это может быть родственник или настоящий друг, и в некоторых романах мужская и женская функции строго противопоставлены. С женщиной происхо-

дят тридцать три несчастья, она совершает нелепые поступки, он же занимается дедуктивным анализом, а в лучшем случае еще и спасает ее. Так обычно происходит в сентиментальных детективах, где интрига выстроена гораздо четче, чем в иронических, и, наверное, поэтому требуется мужская логика. Таким образом устроены многие романы Татьяны Устиновой, но особенно явно этот принцип прослеживается в творчестве Анны и Сергея Литвиновых. Хотя авторов двое, но детектив, безусловно, женский, а параллелизм функций и героев как бы распространяется и на авторов. Намеки на то, что женскую линию разрабатывает Анна Литвинова, а мужскую – Сергей Литвинов, скорее всего, не имеют никакого отношения к реальности, но создают определенную мифологию.

Вообще, женщины в романах не сразу понимают, откуда берутся мужчины и зачем они нужны.

– Ну... Откуда женщины берут мужчин? – заколебалась Настя. – Их посылает им господь. Мужчины, словно “Летучие голландцы”, могут внезапно появляться и так же внезапно исчезать (Г. Куликова. *“Синдром бодливой коровы”*).

Возможно, поэтому вначале их отношения никак не складываются или попросту отсутствуют:

Конечно, она сама... скорее бы убила мужа сковородкой, чем стала бы его слушаться. Если бы у нее был муж, конечно (Т. Устинова. *“Миф об идеальном мужчине”*).

Отсутствие логики распространяется не только на раскрытие преступлений, но и на отношения с мужчиной. Я долго не мог понять, что произошло в романе Галины Куликовой:

Мне ужасно хотелось забраться в ванну, но я боялась, что он истолкует мое желание по-своему. В конце концов я все же решилась. Чтобы не смущать меня, он заперся в комнате (Г. Куликова. *“Пенсне для слепой курицы”*).

Внезапно меня осенило – это же принцип № 1, действующий в бытовых условиях. Она боится, что он ее неправильно поймет, но вместо того, чтобы просто запереться в ванной, совершает нечто непостижимое: видимо, силой мысли изменяет мир так, что запирается он, причем в комнате. А ей хоть бы хны.

Кстати, любимым мужчинам достается ничуть не меньше, чем врагам. Их бьют даже больше и уж точно обиднее, поскольку они ни в чем не виноваты. Бьют их иногда случайно, иногда нарочно – от большой любви.

Но главное – все всегда кончается хорошо. Правда, именно здесь и зарыта принципиальная разница между сентиментальным и ироническим детективом. Сентиментальный детектив неизбежно кончается трудной, выстраданной, но потому настоящей любовью – а значит, и бурной женитьбой. Это происходит примерно так:

– Я женюсь на тебе, черт тебя побери!! – с ходу закричал он, и какая-то парочка на автобусной остановке шарахнулась от него в испуге... – Я люблю тебя, и я женюсь на тебе. Только потом пеняй на себя (Т. Устинова. *“Миф об идеальном мужчине”*).

Не знаю, повезло ли этой женщине, но она по крайней мере вышла замуж. А в иронических детективах все может повернуться еще и так и этак. То он хочет, а она нет, то уж и она согласна, а он ни в какую. В общем, смешно (иногда, кстати, действительно смешно):

Боясь передумать, Даша нащупала на тумбочке телефон и набрала гостиничный номер подполковника.

– Алло, Сергей Павлович, я тебя, часом, не разбудила?

– Разумеется, разбудила. Что еще случилось?

– Я решилась.

– На что?!

– Я выхожу за тебя замуж.

– Так. Подожди одну минуточку.

Полетаев аккуратно положил трубку на тумбочку, встал, подошел к розетке и выдернул телефонный шнур. После этого он положил трубку на аппарат, выключил свой мобильный телефон и забрался обратно в кровать.

– Черта с два ты это сделаешь, пока я жив, – пробормотал он и накрылся одеялом с головой (П. Дельвиг. *“Рыжая. Тушиковое звено”*).

“Главное – тянуть время... Авось что-нибудь да случится”

Поговорив об именах, названиях, героинях и их отношениях с мужчинами, пора закругляться.

Столько еще хочется сказать⁴⁴, но вот объем этой главы и так слишком велик. Кстати об объеме. Объем у большинства писательниц строго фиксированный. Например, у Донцовой в твердой обложке – 380 страниц, в-pocketбуках ранней Галины Куликовой – 348. Потом, правда, сменился объем, да и стиль заодно. Нарушать издательские каноны (по-видимому, прописанные в договоре) могут только самые-самые, Маринина или Дашкова, которых в тех же pocket-буках приходится издавать двумя томами.

Фиксированный объем – это и хорошо (с издательской точки зрения), и плохо (с содержательной), ведь его приходится забивать черт-те чем: рассказывать анекдоты, бессмысленные истории (например, героиня теряет ключи, страницы полторы их ищет, а потом находит на самом видном месте). Так что главное – тянуть время. Что и делают вполне успешно как сами авторы, так и их героини.

В последние годы, впрочем, заполнить объем становится легче легкого. Когда-то давно в одном женском детективе я обратил внимание на странную и неуклюжую фразу. Не могу воспроизвести ее точно, но что-то вроде: “Было жарко, хотелось выпить ‘Аква минерале’”. Ну не говорят так по-русски, подумал я и начал приставать к знакомым и друзьям. Они признавали, что скорее сказали бы просто “водички” или “минералки”, не называя конкретную марку. Но когда я предполагал, что это может быть product placement, они отмахивались от меня, говоря, что это не кино с Джеймсом Бондом, где важно, на какой машине он ездит и какой напиток пьет. Уже потом я обнаружил в интернете издательское предложение о размещении названия продукции в художественной литературе. А сейчас просто с умилением читаю, как героини Т. Поляковой и Д. Донцовой пьют “Довгань дамскую легкую” (обе печатаются в издательстве “ЭКСМО”), и не просто пьют, а тщательно описывают вкусовые ощущения. Что уж тут говорить, если один из романов Донцовой называется “Принцесса на кириешках” и эти самые кириешки (“ну просто очень вкусные”) постоянно поглощаются героями. Смешно, что сейчас уже никто и не вспомнит, что такое эти кириешки (сухарики?). Особенно же смешно, что героини женских детективов наслаждаются товарами, предназначенными для куда менее обеспеченных в массе своей читательниц.

Итак, пора подводить итог. Женский детектив в целом является, безусловно, коммерчески успешным издательским проектом (я, естественно, не имею в виду одно какое-то издательство). Если детектив традиционно рассматривается как игра, в которой участвуют автор, герой и читатель, то женский детектив прежде всего – игра издателя с читателем. Автор в подавляющем большинстве случаев всего лишь исполнитель, которого, в частности, можно заме-

⁴⁴ Например, про роль подруги в ироническом детективе, которая изрекает глубокие истины типа *В жизни каждой женщины, дорогая, хоть один раз да встречается потрясающий блондин* (Г. Куликова *“Синдром бодливой коровы”*) или *“Эммануэль” – это просто пособие для женщины, которые хотят похудеть* (Г. Куликова *“Синдром бодливой коровы”*), являясь по функции кем-то вроде классического резонера.

нить другим автором, автором другого пола, целой командой соавторов, сохранив, конечно же, бренд – женское имя на обложке.

Лишь иногда автору позволено выбиваться из издательского канона, и, по-видимому, здесь можно говорить о двух полюсах – самых известных и, наоборот, еще не слишком раскрученных писателях и поэтому не слишком строго регламентируемых. Выбиваться из канона можно, кстати, очень по-разному: именем, названием, остроумием, наконец. Должен признать, несмотря на критический запал, что мне попадались и вполне смешные, и вполне увлекательные тексты. Интересная детективная интрига закручивается в некоторых романах Литвиновых или Устиновой, смешные репризы попадают у Дельвиг и в ранних романах Куликовой⁴⁵, однако вот если бы в одном месте добавить логики, в другом убрать про любовь... Но не положено!

В этом издательском проекте существует жесткая иерархия авторов. Эта иерархия очень хорошо выражена читательницей с ником Маруся на форуме сайта одной из детективных писательниц:

Я начала читать отечественные детективы с произведений Марининой и Дашковой. Потом была Полякова, потом Донцова. Следующая была Татьяна Устинова, и вот сейчас читаю Куликову. Были еще какие-то авторы... но у меня от них не осталось никаких впечатлений.

Здесь названы все гранд-дамы женского детектива, а дальше, независимо от литературных качеств, степени оригинальности и личных достоинств, следует плохо различимая (и это запрограммировано) свита. Впрочем, здесь надо сказать одну важную вещь. Александра Маринина, по моему глубокому убеждению, не является автором женского детектива. Уж она-то выбивается из канона по всем пунктам. Любовной линии практически нет. Настя Каменская совершенно самостоятельно раскрывает все дела (прибегая, правда, к физической и финансовой помощи мужчин) и руководствуется никак не женской, а просто логикой. Марининские детективы психологичны и профессиональны и заслуживают такого же профессионального разбора, естественно, не в этой статье⁴⁶. Однако при этом ее роль в создании русского женского детектива огромна. Она стала его предшественником, или точнее – предшественницей, задав целый ряд канонов – от мелких деталей до крупных приемов. Для авторов женских детективов она одновременно является и полюсом притяжения, и отталкивания.

Так, любимый прием Марининой – параллельное отслеживание действий и мыслей детектива и преступника – стал совершенно расхожим⁴⁷. В некоторых романах преступники вводятся сразу под своими именами, так что собственно никакой загадки уже и нет.

Наконец, нетрудно догадаться, какой напиток пьют во всех женских детективах. Нет, все-таки не “Довгань дамскую”, а кофе, но, в отличие от бедного милиционера Каменской, “не пыль из банки, а настоящий, из размолотых зерен”⁴⁸.

⁴⁵ Приведу забавное описание бегства героини от убийцы сквозь политический митинг, когда она в зависимости от собеседника представляется по-разному (цитируется с пропусками):– А вы, простите? – спросил молодой человек.– Ангелина Васнецова. Женское движение “Идущие в ногу”, – без запинки ответила Настя.<...>– ...Вот что такое “Идущие в ногу”? С кем вы идете в ногу? И главное, куда?– Куда все, туда и мы, – трусливо сказала Настя.– Мы идем за нашим президентом, – сообщил старик.– И мы в том же направлении, – поспешно заявила Настя. – Только отдельной группой.<...>– Совершенно с вами согласен! – обрадовался мужчина, оказавшийся слева. – Очень приятно познакомиться. Борисов. ГУ ГПС МЧС. А вы?– Ге, – леденя, ответила Настя.– В каком смысле? – набычился спасатель Борисов.– Людмила Петровна, Ге – это моя фамилия (Г. Куликова. “Синдром бодливой коровы”). На мой взгляд, это не только смешно написано, но и обращено к более образованному и даже более умному, чем обычно, читателю.

⁴⁶ Как читатель могу только сказать, что чем дальше Маринина отходит от детектива, тем мне менее интересно ее читать.

⁴⁷ Этот прием не принадлежит исключительно Марининой, но в женский детектив, очевидно, попал из ее романов.

⁴⁸ Исканная цитата из Г. Куликовой, в различных вариантах встречающаяся у разных авторов.

Вот и получается, что именно Александра Маринина, хочет она того или не хочет, по воле коллективного Издателя, как большой паровоз, везет за собой маленькие вагончики, в которых много-много веселых и страшных преступлений для одиноких домохозяек.

Правка языка

Вначале 2000-х годов нас всех пугали чем-то очень страшным, чем-то, что журналисты упорно называли реформой русского языка. В действительности речь шла о двух абсолютно несвязанных проектах – издании нового свода орфографических и пунктуационных правил, что иногда называли реформой правописания, а иногда нет, а также о законе о русском языке, впоследствии более корректно названном законом о государственном языке.

В этом разделе я хочу рассказать о том, как можно воздействовать на язык, регулировать его, и о том, кто на это имеет право.

О букве и русском духе

Когда-то давно, еще в советское время, у меня в гостях был молодой немецкий лингвист, большой демократ и большой любитель России. Он очень любил русских и переживал, что им приходится жить в тоталитарном государстве, но еще больше он любил русский язык. Все в русском языке восхищало его – и падежи, и виды, – кроме одного. Зачем, – говорил он, – вы, русские, используете кириллицу? Это ведь так неудобно для иностранцев, которые ну просто ничего не понимают ни на ваших картах, ни на улицах. Да и вам самим было бы гораздо удобнее писать латиницей, и это был бы первый шаг сближения со свободным и демократическим миром. Я возражал, что как раз нам удобнее не станет, потому что мы привыкли к кириллице и даже немного гордимся ею, и вообще, народ на это никогда не согласится. “А при чем здесь народ, – сказал немец. – У вас же тоталитарное государство, просто возьмите и перейдите на латиницу”. Крыть было нечем! Так я получил первый урок демократии, умело использующей отдельные преимущества тоталитарного строя.

Это, конечно, больше история про немца и демократию, но все-таки немного и про русский язык. Смешно сказать, но, если кто не заметил, мы все-таки перешли на латиницу. Правда, не все и ненадолго. Это коснулось прежде всего пользователей интернета и особенно электронной почты в начальный период их развития в нашей стране, то есть пока не были введены общепринятые кириллические шрифты. Кто-то при этом использовал апострофы для передачи мягких согласных, кто-то латинское “и”, кто-то “игрек”, а кто-то просто плевал на мягкость, но все так или иначе справлялись. Несмотря на обилие непоследовательных и ненаучных способов передачи русских слов латиницей, мы продолжили давать советы, спорить и ругаться, то есть, короче говоря, общаться и понимать друг друга. До тех пор, пока технический прогресс не вернул нам нашу кириллицу. Из этого эксперимента, проведенного над нами новыми технологиями, я извлек весьма тривиальный лингвистический урок. Ценность общения (в первую очередь на родном языке) столь высока, что ради него можно перейти даже на другую графику. Но... значительно лучше использовать свою родную, привычную. Именно поэтому сегодня я гораздо менее охотно читаю в интернете комментарии, записанные латиницей (просто потому, что у их авторов, живущих за границей, нет кириллических шрифтов). Такие комментарии, конечно же, прочитываются, но несколько медленнее и, как бы это сказать, без удовольствия.

Более общий вывод состоит в том, что мы можем приспособиться к любым изменениям нашей графики, но лучше, чтобы этих изменений не было вовсе. И этим, в частности, объясняется отношение к время от времени предлагаемым реформам даже не графики, а орфографии и пунктуации. Образованные люди (за исключением лингвистов) практически всегда против таких реформ, ведь наибольший урон от изменений несут грамотные взрослые люди, а еще точнее, люди много пишущие и читающие. Они сильнее всех привыкли к существующему порядку, и им труднее перестраиваться. Из наиболее грамотных они в один миг становятся наиболее неграмотными (правда, только на определенное время). Кроме всего прочего, грамотность является одной из составляющих культуры, и ее утрата воспринимается культурными людьми болезненно.

Многие до сих пор переживают из-за реформы 1917–1918 годов. И вот в начале нового века прогрессивная общественность дала отпор еще одной попытке реформировать наше правописание. В публичной дискуссии о реформе правописания обсуждалась прежде всего замена буквы *ю* на *у* в словах *брошюра* и *парашиют*. Образованный носитель языка активно сопротивлялся любым изменениям орфографии и имел на это полное право. Но об этом в следующей главе.

Однако, как показывают опыты, не слишком мы вдумываемся в орфографию, когда читаем текст. Забавное доказательство этого найдено мной в интернете, где данный текст фигурирует в качестве анекдота:

По рзультатам илссеовадний одонго анлигйсокго унвиертисета, не иеетм занчнения, вкокам пряокде рсапожолена бкувы в солве. Галвоне, чотбы преавя и пслоендя бквуы блыи на мсете. Осатьлыне бкувы мгоут селдовтаь в плоонм бсепордяке, все рвано ткест чтaitсея без побрелм. Пичрионй эгото ялвятся то, что мы не чиатем кдаужю бкуву по отдльенотси, а все солво цликееом.

Действительно, текст читается достаточно легко, хотя перепутаны все буквы, кроме первой и последней. Конечно, не надо стремиться к такой практически абсолютной свободе (все-таки слова выглядят как-то неприятно), но не надо и драматизировать ситуацию. Самое же замечательное, что так легко мы справляемся с этим текстом именно потому, что в нем представлены привычные нам кириллические буквы, и нам достаточно мимолетного взгляда на них, чтобы воспринять некий графический образ слова. Так что, извините, товарищи немцы, без кириллицы нам никак нельзя.

Кстати, этот лингвистический тест оказывается и аргументом против искажений орфографии в интернете. Если вы перемешаете буквы неправильно записанного слова, вы его вряд ли опознаете. Привычки к искаженному образу у нашего глаза нет.

Жить по “Правилам”, или Право на старописание

Мнения по поводу так и не состоявшейся реформы правописания разделились достаточно резко и по чрезвычайно простому признаку. Лингвисты в подавляющем своем большинстве были “за”, не-лингвисты – “против”. Причем, когда речь шла об аргументах, казалось, что противоположные стороны просто не слышат друг друга, а говорят о совершенно разных вещах. Лингвисты большей частью приводили лингвистические аргументы в пользу изменения правописания, а не-лингвисты просили или требовали, чтобы все оставили как есть. Иногда в грубой форме. Например, Татьяна Толстая в газете “Коммерсантъ” сказала буквально следующее: “Надо заколотить двери Академии наук, где заседают эти придурки, и попросить их заняться более полезным для народного хозяйства делом”. Чем-то напоминает монолог Аркадия Райкина “Мысли рационализатора”: “Балерину видали? Она вертится – аж в глазах рябит. Привяжи к ноге динаму – пусть она ток даёт в недоразвитые районы!”

Но главное, что на этом все – ответ оппонента не подразумевается, и дискуссия заканчивается.

Во мне же самом яростно боролись лингвист и обыватель (в последнем случае снова не имею в виду никакой отрицательной оценки, обычно сопутствующей этому слову), и мне самому интересно разобраться, почему они вступили в такой конфликт.

Итак, в начале третьего тысячелетия сложилась достаточно странная ситуация. С одной стороны, в печати прошла волна публикаций (в основном критических) по поводу реформы русской орфографии. С другой стороны, осведомленные лица (например, члены Орфографической комиссии Российской академии наук и сотрудники Института русского языка РАН) утверждали, что никакой реформы нет. Просто вместо “Правил русской орфографии и пунктуации” 1956 года (далее “Правила”), являвшихся своего рода законом в области правописания, но устаревших, в Институте русского языка под руководством В. В. Лопатина был разработан “Свод правил русского правописания. Орфография и пунктуация” (далее “Свод”). Стыдливое “своего рода закон” сказано выше по одной простой причине. Наше правописание регулировалось не только “Правилами”, но и различными словарями, иногда противоречившими “основному закону”. Можно попытаться провести юридическую аналогию с законом (“Правила”) и прецедентом (словари), но вряд ли это что-нибудь прояснит.

Новый “Свод” был призван сыграть роль нового закона. Он был одобрен Орфографической комиссией, однако так и не был утвержден и опубликован. Сложность ситуации усугублялась еще и тем, что появились словари, по крайней мере частично следующие “Своду”, а не “Правилам”, то есть проекту закона, а не действующему закону. Расхождение касалось в первую очередь слитного, дефисного и раздельного написания сложных слов. Так, например, прилагательное *церковнославянский* в полном соответствии с “Правилами” писалось во всех словарях слитно. Однако в некоторых новых словарях, подготовленных сотрудниками Института русского языка (см., например, Русский орфографический словарь под ред. В. В. Лопатина) оно пишется через дефис, что соответствует уже рекомендациям “Свода”.

В результате дискуссии реформу (независимо от того, считать ли ее таковой или не считать) было принято не проводить, а “Свод” не публиковать. В 2006 году вместо “Свода” в свет вышли новые “Правила русской орфографии и пунктуации” под редакцией В. В. Лопатина, из которых исчезли все радикальные изменения.

Я попробую вернуться на несколько лет назад и нырнуть в эпицентр дискуссии. Итак, “Правила” 1956 года устарели, но формально их никто не отменял. Неутвержденный “Свод” содержит определенные изменения не только орфографических, но и пунктуационных норм. Считать ли их достаточно значительными, чтобы называть реформой, или нет, – вопрос скорее символический, ведь никакого строгого определения реформы не существует. Тем не менее,

на мой профессиональный взгляд, это была именно реформа правописания (орфографии и пунктуации), и так я буду впредь ее именовать.

Что касается внезапной и бурной публичной дискуссии в печати, то вообще непонятно, чем она была вызвана и почему произошла. То ли это была случайная утечка информации, то ли кто-то сознательно, но не очень ловко пустил пробный шар, – не берусь судить.

Такова диспозиция. Каковы же ее оценка и возможные последствия? Прежде чем перейти к этой проблеме, оговорюсь, что я в минимальной степени буду говорить о конкретном языковом материале и собственно лингвистических аргументах, а также о научном качестве реформы. Меня, так же как, наверное, и широкую аудиторию, в данном случае больше интересует психологическая проблема.

В течение последнего десятилетия двадцатого века пытались провести реформы орфографии и графики французы и немцы. И обе эти реформы, практически утвержденные, вызвали такую бурную реакцию в обществе, что их отменили или, по крайней мере, заморозили. Любая реформа правописания и графики оказывается сильным психологическим стрессом для общества. Образованный человек пишет грамотно не потому, что он знает правила, а потому, что он помнит, как пишется то или иное слово. Грамотный человек пишет автоматически, не задумываясь, почему он пишет так, а не иначе. Он привык так писать. Огромную роль и при письме, и при чтении имеет так называемый графический облик слова. Если, скажем, законодательно заменить написание *корова* на *карова*, ничего смертельного не произойдет. Пошумят, поволнуются и будут жить дальше. Однако грамотный человек и читать, и писать станет чуть-чуть медленнее. При чтении его глаз будет спотыкаться на *карове*, а при письме ему придется на долю секунды задуматься, как с ней быть. Более того, если бы мы вдруг решили не писать, а произносить это слово как-то иначе, например *курова*, или на иностранный манер: *кау* (англ.), или *ваи* (фр.), опять же помучились бы и привыкли. Привыкаем же мы к реальным заимствованиям из иностранных языков. Однако, если таких одновременных гипотетических замен было бы побольше, выросли бы и проблемы. Говорить и понимать чужую речь мы стали бы медленнее.

Вернемся все же к письму. Быстро читающий человек не всегда даже проговаривает слова, которые он читает, он узнает слова, а не прочитывает их в строгой линейной последовательности. Иногда мы даже не замечаем опечаток, потому что узнаем слова сразу по каким-то другим буквам. Например, слова в словосочетании (если оно, конечно, встречается в связном тексте)

крокодилы и гиппопотамы

я узнаю по первым буквам (вспомним лингвистический тест-анекдот из предыдущей главы) и могу не заметить не к месту появившейся буквы *я*. Но если вдруг замечу, то, безусловно, заторможу на ней, а опечатка в первых буквах (например, *прокодилы*) просто мешает мне опознать слово. Тексты девятнадцатого века современный человек читает медленнее, даже если знает правила чтения всех исчезнувших букв. *Яти* и другие удаленные из алфавита буквы, по крайней мере поначалу, замедляют чтение.

Выше уже сказано, что наибольший урон от реформ несут грамотные взрослые люди, которые много пишут и читают. Причем потери они несут не только лингвистические, но и культурные.

Так, например, через некоторое время после реформы исчезло из русского языка выражение *делать на ять*. Точнее говоря, после исчезновения буквы выражение стало каким-то немотивированным и вышло из употребления. Или более личное: после реформы графики и орфографии, по существу, потеряла смысл строка из стихотворения Марины Цветаевой,

посвященного Александру Блоку: “Имя твое – пять букв”. С потерей *ера* на конце имя *Блокъ* сократилось до четырех букв, а строчка стала культурным или лингвистическим казусом.

С другой стороны, люди не слишком грамотные теряют от реформы значительно меньше, а дети, которые осваивают орфографию и пунктуацию, скорее только выигрывают от более простых и логичных правил. Так, небезосновательно считается, что именно реформа орфографии и пунктуации позволила большевикам в кратчайшие сроки ликвидировать неграмотность. Спасибо реформаторам должны сказать и школьники всех последующих поколений. Им уже не нужно заучивать стихи со словами, в которых пишется *ять*:

Бѣлый, блѣдный, бѣдный бѣсъ
 Убѣжалъ голодный въ лѣсъ.
 Лѣшимъ по лѣсу онъ бѣгалъ,
 Рѣдкой съ хрѣномъ пообѣдалъ
 И за горький тотъ обѣдъ
 Далъ обѣтъ надѣлать бѣдъ.
 Вѣдай, братъ, что клѣтъ и клѣтка,
 Рѣшето, рѣшѣтка, сѣтка,
 Вѣжа и желѣзо съ ять, –
 Такъ и надобно писать.
 Наши вѣки и рѣсницы
 Защищаютъ глазъ зѣницы,
 Вѣки жмурить цѣлый вѣкъ
 Ночью каждый человѣкъ...
 Вѣтеръ вѣтки поломалъ,
 Нѣмецъ вѣники связалъ,
 Свѣсилъ вѣрно при промѣнѣ,
 За двѣ гривны продалъ въ Вѣнѣ.
 Днѣпръ и Днѣстръ, какъ всѣмъ извѣстно,
 Двѣ рѣки въ сосѣдствѣ тѣсномъ,
 Дѣлить области ихъ Бугъ,
 Рѣжетъ съ сѣвера на югъ.
 Кто тамъ гнѣвно свирѣпѣетъ?
 Крѣпко сѣтовать такъ смѣетъ?
 Надо мирно споръ рѣшить
 И другъ друга убѣдить...
 Птичьи гнѣзда грѣхъ зорить,
 Грѣхъ напрасно хлѣбъ сорить,
 Надъ калѣкой грѣхъ смѣяться,
 Надъ увѣчнымъ издѣваться...

Их мучения ограничиваются заучиванием канонической строки *уж заму́ж невтерпе́ж*, что, согласитесь, значительно проще.

Таким образом, совершенно понятно, почему реакция в прессе на слухи о реформе была в подавляющем большинстве случаев негативна. Эта была нормальная реакция образованных людей. Интересно и то, что основной отпор вызвала замена буквы *ю* на букву *у* в словах *парашиот* и *брошюра* (ср. *парашиут*, *брошура*). Конечно, эта замена гораздо заметнее глазу, чем вариации с двумя или одним *н* и прочее. Также неприятно (подозреваю, что это самое подходящее слово, – почти физически неприятно) написание прилагательного *розыскной* через *а* – *разыскной*. Неприятие вызывают наименее системные, единичные, но раздражающие глаз

замены. Большая заметность орфографических изменений по сравнению с пунктуационными привела к тому, что вместо реформы правописания (то есть орфографии и пунктуации) обсуждались фактически только орфографические изменения.

Итак, психология человека, отторгающего реформу, абсолютно понятна. Но какие же аргументы приводились со стороны сторонников реформы?

Причины, почему следовало писать, а затем и утверждать новый “Свод”, достаточно просты и очевидны. Во-первых, старые “Правила” устарели (то есть с момента их издания в 1956 году произошли определенные изменения в русском языке, которые не были учтены), во-вторых, они несовершенны (и неполны, и неточны). Отсюда те немногочисленные, но вечные, а точнее – хронические, проблемы орфографии: с написанием одного или двух *н* в причастиях и прилагательных и с раздельно-дефисно-слитным написанием наречий, частиц и пр. На этом месте спотыкаются даже вполне грамотные люди. Думаю, что против упорядочивания этой части было бы и меньше всего возражений, но как раз проблема слитно-раздельного написания наречий в новом “Своде” не решалась до конца, просто один список слов заменялся на другой.

Есть еще один аргумент: в русской орфографии часто нарушается системность, то есть, говоря более простым языком, для многих правил существуют исключения. Именно этими соображениями и были вызваны изменения в написании *парашиота*, *брошюры* и прилагательного *розыскной*. Но именно эти соображения отказывается принимать грамотный носитель языка. Пусть три, пусть десять исключений, но он к ним привык, и принцип сохранения графического облика оказывается важнее принципа системности.

Предлагаемая реформа не предусматривала радикальных изменений, что постоянно подчеркивали ее авторы. Кстати сказать, именно поэтому некоторые лингвисты считали ее явно недостаточной. По сравнению с послереволюционной реформой изменения были просто ничтожны. Любая реформа правописания – проблема одного (в широком смысле) поколения, то есть, как уже сказано, взрослых образованных людей. Предлагаемая же реформа – проблема скорее не поколения, а определенного, не слишком долгого периода времени, лет, скажем, десяти. Через десять лет даже “культурный” глаз перестанет вздрагивать и моргать на слове *парашут*.

Да, действительно, достаточно просто сто, а лучше тысячу раз написать *брошура*, *брошура*, *брошура*, *брошура*, *брошура*, *брошура*, *брошура*... Рука привыкнет, а глаз, прошу прощения за сленг, замылится. Языковая привычка вырабатывается именно так – писанием и чтением. И все-таки вопросы остаются. Почему именно в этот момент? Кто должен решать? Ради чего?

Время для реформы или, по крайней мере, для введения новых правил было в каком-то смысле подходящее. Это время больших перемен и потрясений вне языка. Следует напомнить, что послереволюционная реформа готовилась задолго до революции и совсем даже не большевиками, а крупнейшими российскими учеными. Созданную в 1904 году комиссию при Академии наук возглавлял, пусть формально, великий князь Константин Константинович, а ее Орфографическую подкомиссию – великий филолог Ф. Ф. Фортунатов. Проводить же ее начало Временное правительство, а большевики окончательно утвердили декретами Народного комиссариата просвещения от 23 декабря 1917 года и Совета народных комиссаров от 10 октября 1918 года. Осуществление реформы сразу после революции, по-видимому, неслучайно. Именно на фоне революций и сопутствующих потрясений реформа оказалась не таким уж значительным событием (каким бы она, безусловно, была в стабильное время), и именно большевики имели политическую волю реализовать ее до конца. Провести подобную реформу в стабильном и демократическом обществе очень трудно. Общественность практически всегда против. О двух неудачных попытках во Франции и Германии я уже говорил.

В смысле проведения реформы нестабильность нашего общества оказывается положительным фактором. Завтра уже будет поздно. Даже смена веков могла бы быть психологическим стимулом для внесения изменений в орфографию. Но, судя по реакции прессы, не стала.

Таким образом, удобный момент, похоже, отчасти упущен.

Другой вопрос связан с механизмами осуществления реформы и с тем, кто же окончательно решает, быть ей или не быть. Кажется, что ответ прост – решать должен народ, который на этом языке говорит. Правда, народ почти всегда против. Особенно если судить по реакции в средствах массовой информации. Впрочем, в этом есть и определенное лукавство. Ведь это все-таки реакция образованного взрослого населения. А в поддержку реформы могли бы выступить как раз менее образованные люди и, конечно, школьники, которые, впрочем, при референдумах не имеют права голоса. С другой стороны, кажется не вполне разумным решать такие вопросы голосованием. Все-таки культурная и языковая норма, в том числе и орфографическая, вещь по определению консервативная, и отменять ее простым большинством голосов нельзя. Слишком легко и быстро тогда будет меняться наша культура. И не исключено, что, проводя мы референдумы по правописанию каждый день, по понедельникам мы будем писать *корова*, а по вторникам *карова*.

По-видимому, если говорить о серьезных изменениях, нельзя обойтись без серьезного общественного обсуждения, на котором естественному для образованной общественности орфографическому консерватизму должны противостоять лингвистические доводы, сформулированные абсолютно понятным для неспециалиста языком. Причем существенно даже не то, будет ли реакция общественности негативной (а она должна быть таковой), а то, насколько негативной, насколько резкой она будет. И следовательно, допустимо ли ею пренебречь. Подготовка реформы требует не только разработки теоретических постулатов, но и подготовки общественности к реформе. Фактически мы приходим к тому, что называется новым русским словом – *пиар*. Так вот, пока пиар реформы был крайне неудачным.

Но, в конце концов, несмотря на мои попытки сохранить объективность, придется честно сказать, как лично я отношусь к реформе неудавшейся или к реформе, возможной в будущем. Надеюсь, что борьба упомянутых в начале статьи лингвиста и обывателя внутри меня была корректной. Я уверен, что проведение подобной реформы, если она когда-нибудь состоится, ни для кого не будет катастрофой (просто в силу незначительности изменений). И все же...

Короче говоря, я за *парашиот*. И, как говаривал герой одного фильма, делайте со мной что хотите.

Монументальное языковедение

Что мы все о словах да о словах? Надоело. Хочется о высоком. Например, о монументальном искусстве.

Недавно, например, я читаю на одной из новостных лент, что члены комиссии Мосгордумы по монументальному искусству единогласно поддержали предложение об установке в Москве памятника символу @ (собачка). Авторами предложения стали Фонд развития социальных коммуникаций и интернет-портал mail.ru. Они же собираются взять на себя финансирование всех расходов по установке памятника. И как сказано в заметке: “Технологическим штрихом к монументу будет бесплатный беспроводный доступ в интернет в радиусе 100 метров”. Приняв решение, члены комиссии отметили, что этот знак соответствует 21 веку и импонирует молодежи. Место его установки решили определить дополнительно.

Прочтя заметку, я, естественно, испытал чувство гордости за комиссию и одновременно попытался вспомнить, а было ли уже что-нибудь подобное на просторах нашей родины. И на ум мне пришли два памятника.

Во-первых, это памятник, который был установлен в Москве на Большой Грузинской улице. Автор – Зураб Церетели, но в создании памятника участвовали и другие люди, в частности Андрей Вознесенский (кстати, архитектор по образованию). Сейчас в это трудно поверить, но монумент олицетворял дружбу русского и грузинского народов и поставлен был в честь 200-летия Георгиевского трактата в 1983 году (в Грузии установили “парный” памятник дружбы народов, который взорвали в 1991 году). Монумент так и называется “Дружба навеки” (интересно, в курсе ли наши политические лидеры). У него есть и другое название, “Дерево языка”, а в народе его называли “Шампур с шашлыком” (и много как еще), что свидетельствовало, с одной стороны, о неоднозначности его художественных достоинств, а с другой – о произвольных ассоциациях, сопровождающих нашу дружбу. К чему это все? Ах да, к тому, что памятник представляет собой столб, на который как бы нанизаны буквы русского и грузинского алфавитов, а сверху он к тому же увенчан венком. Итак, получается, что это памятник буквам или, точнее говоря, целым алфавитам, то есть наборам букв.

Второй памятник, о котором я вспомнил, был установлен сравнительно недавно, в 2005 году, в Ульяновске. И здесь, как говаривала Алиса, все страньше и страньше. Дело в том, что это памятник букве ё. Естественно, сразу возникают вопросы: “Почему ё?” и “Почему в Ульяновске?”. Ответить на второй вопрос, пожалуй, даже проще. Считается, что букву ё ввел Николай Михайлович Карамзин (с неменьшим основанием эту честь можно приписать Екатерине Романовне Дашковой), который, в свою очередь, считается уроженцем Симбирска (ныне Ульяновска), что также требует некоторых уточнений (родился и вырос он в усадьбе отца в Симбирской губернии, а в самом Симбирске жил совсем недолго). Итак, несмотря на некоторые небольшие “но”, связь ё с Ульяновском можно считать установленной. А вот популярность этой буквы в некотором роде загадка.

Особенность буквы ё состоит в том, что она факультативна. Две точки над е можно ставить, а можно не ставить (правда, есть оговоренные правилами случаи, когда предпочтительно две точки все же поставить). Факультативные буквы – большая редкость, а в русском алфавите другой такой вообще нет. Именно благодаря ее факультативности в советское время появился такой анекдот:

Эриха Хонеккера пригласили в Москву на первомайский парад. Стоя на Мавзолее, он спрашивает у Брежнева: “Леонид Ильич, вы же в СССР главный, почему тогда на Мавзолее написано ‘Ленин’?” На что Брежнев отвечает: “В СССР... у нас... а мы... в общем, точки над ё не ставим”.

Уже в наше время обязательное написание ё стало считаться патриотичным, а благодаря усилиям энтузиастов появилось движение за “ёфикацию всей страны”, то есть обязательное написание буквы ё. Вообще-то обязательной она уже была, но недолго, после приказа наркома просвещения в 1942 году. А теперь по этому пути пошел ульяновский губернатор и некоторые другие чиновники, приказывающие своим подчиненным всегда писать букву ё. Но одно дело устанавливать памятники, а другое дело руководить орфографией. Даже у губернатора такого права нет. И наконец, есть один важный аргумент против ёфикации, ведь, делая букву ё обязательной, ее почитатели уничтожают ее самобытность. Став обязательной, она станет самой обычной буквой, ничем не примечательной. За что же ей тогда ставить памятник, за молодость, что ли?

Но вернусь к памятнику. С ним произошла любопытная история. Он был установлен дважды, сначала его сделали черным, а букву ё выделили белым цветом, а потом заменили на более благородный красный гранит, на котором вырезана буква. Похоже, что памятник оказался таким же нестабильным, как ё.

В общем, поговорили о высоком. Выводы? Да какие выводы... Ничего плохого в “монументальном языковедении” нет, наоборот, если со вкусом, получается даже ничего. Потом такие монументы попадают в списки самых странных памятников, что тоже по-своему забавно. Плохо, когда без вкуса или чрезмерно серьезно, но это как-то очевидно.

А впрочем, не удержусь и сам. Ведь если совсем серьезно, то кто на Руси за годы перестройки заслужил памятник, так это символ доллара. Но ведь не установят же...

Средний род как подавленное либидо

Всентябре 2009 года страну опять потряхнула волна народного гнева. И направлена она была против власти, словарей и среднего рода слова *кофе*. На защиту русского языка встали практически все: от мала до велика, от верха и до низа. Самый впечатляющий текст за чистоту русского языка, который я прочел в это время, был обнаружен мной в интернете и состоял сплошь из нецензурных слов, а потому плохо поддается цитированию. Согласитесь, в этом есть определенное величие – использовать для защиты своей культуры любые, вот именно любые, методы. Кто-то клялся не пить кофе больше никогда в жизни, а точнее, до того момента, пока тому не вернут мужской род, кто-то обещал вылить кофе на голову официанту, если тот принесет черное и горячее, ну и так далее.

Всех этих милых и образованных людей я чисто по-человечески понимаю, потому что сам такой. С таким трудом в школе и дома мы заучили, зазубрили этот самый черный кофе, черный кофе, черный кофе, черное, тьфу, теперь еще тридцать пять раз – черный кофе, черный кофе... И вдруг отказаться от этого?! Да это равносильно признанию, что школьные годы прошли зря, детства, по существу, не было, а тупая зубрежка была не приобщением к культуре, а именно что тупой зубрежкой.

В общем, за мужской род держались так, как держатся за все мужское, прежде всего, конечно, я намекаю на либидо, вынесенное в заголовок. Потому что либидо, как и кофе, среднего рода не бывает. Тут я имею в виду уже не грамматику, а суть... Хотя для кофе как раз грамматику... Короче, я запутался, но кто понял, тот понял, а кто нет, тому, может, и не надо было. В общем, *черное кофе* хуже, чем подавленное либидо.

Мало кто из почтенных и высококультурных людей обратил внимание на то, что мужской род слова *кофе* никто не отменял, произошла, если говорить красиво, либерализация нормы. То есть те, кто скажет *черный кофе*, будут по-прежнему правы, но и те, которые скажут иначе (не будем попусту беречь раны), тоже не то чтобы совсем не правы. Я понимаю, что это слабое утешение. Обидно, что вот я детство промучился, но зазубрил, а дети мои даже мучиться не будут, а будут говорить, как им вздумается. Что называется – дожили! Да и сосед мой, говоривший не так, как я, теперь тоже в законе.

Здесь, правда, надо предупредить всех добрых и интеллигентных людей, что порой и они невнимательны к самим себе, к своей собственной речи. Да, *черный кофе* заучили, но как часто слышу (и, что гораздо хуже, сам произношу) какую-нибудь фразу типа: “Ты купила кофе? Где же оно” или “Пригляди за кофе. – Ой, уже закипело”. Все это тот самый средний род, который контрабандой проникает в нашу, смею надеяться, литературную речь. Здесь, конечно, особенно добрые и особенно интеллигентные скажут, что они-то как раз “никогда ничего подобного”, и чтобы я “не смел клеветать”, и что... (далее уже нецитируемо).

В общем, присутствие среднего рода у *кофе* в словарях, безусловно, обидно, а кому-то даже и оскорбительно, но что поделать, такова правда жизни: нормы меняются. Во время дискуссий и разговоров я понял главную проблему нас всех. По мнению подавляющего большинства, норма не должна меняться. Мы, лингвисты, должны бережно хранить ее и передавать из поколения в поколение, а народ будет эту норму благополучно нарушать. Между обществом и лингвистом должен происходить этакий скрытый диалог.

Общество призывает лингвиста и заинтересованно спрашивает его: “Как правильно?”

Лингвист (такой чудаковатый, не от мира сего профессор) задумчиво отвечает: “Так-то и так-то, ибо так говорили наши предки, и мы должны говорить точно...”

Общество прерывает лингвиста: “Спасибо (или как-то менее вежливо). Но я буду говорить, как хочу!”

Зачем, спрашивается, вызывало? А положено.

В заключение позволю себе обобщить. Норма в языке – это ведь своего рода закон или, скажем, аналог закона, а словарь – своего рода кодекс, содержащий указания, как говорить. Так вот, каких мы хотим законов? Прекрасных, хранящих традицию, высокоморальных, но таких, которые никто не выполняет? Или более приземленных, учитывающих реальное поведение людей и потому соблюдаемых естественным образом, по крайней мере, большинством?

p. s. Признаюсь, я слегка упростил проблему, потому что для определения нормы в лингвистике исследуется не вообще большинство, а большинство из образованных людей, но общей картины это не меняет.

Размер имеет значение

Среди многих сегодняшних проблем, связанных с языком, эта кажется совсем маленькой, хотя речь и идет о большой букве (которую, впрочем, правильнее называть прописной).

Казалось бы, с ней все ясно. Когда речь заходит о том, зачем нам прописная буква, все сразу вспоминают, что она выделяет, во-первых, начало предложения, а во-вторых, имена собственные. Однако в “Правилах русской орфографии и пунктуации” 1956 года прописной букве посвящено почти 20 параграфов. В новых “Правилах” 2006 года эта проблема обсуждается почти в 50 параграфах, то есть в два с лишним раза подробнее. Кроме того, сложились и некие неписанные правила, так что можно говорить о реальном бытовании прописной буквы в нашей жизни.

Действительно, две самые главные функции прописной буквы – это обозначение начала и выделение уникального объекта. Есть, впрочем, и еще одна: подчеркивание особого стиля, торжественности и исключительного уважения. Иногда эти функции реализуются одновременно.

Например, в русских поэтических текстах прописная буква обозначает не только начало предложения, но и начало каждой строки и тем самым подчеркивает, что этот текст принадлежит к особому высокому жанру. Многие современные поэты отказываются от этого правила, снижая пафос поэтического текста и переходя в регистр обыденности.

Стоит ли преследовать поэтов (пусть даже путем корректорской правки) за нарушение орфографии? Едва ли, ведь поэт – хозяин своего текста и ради достижения художественного эффекта имеет право нарушать всяческие правила, в том числе и орфографические.

В советское время очень часто с прописной буквы писались слова *Родина*, *Отечество*, *Партия*, *Победа*, *Май* и т. д. Здесь, опять же, прописная буква выполняла сразу две функции: во-первых, выделение уникального явления (если *Родина* с прописной – то это СССР, если *Партия* с прописной – то это КПСС), а во-вторых, перевод текста в особый “патриотический” регистр. Написать *Партию* со строчной буквы являлось идеологической ошибкой. В таком написании, однако, была логическая неувязка: патриоту другой отчизны, желающему написать это слово по-русски, позволялось писать его только со строчной буквы⁴⁹.

Интересно, что в тех же советских текстах произошла и обратная замена – прописной на строчную – в слове *бог*. Здесь уже прописная буква считалась идеологическим проступком, а *Богу* было отказано в уникальности и особом уважении.

Сегодня христианскому *Богу* – и даже шире, единому *Богу* – вернули право писаться с прописной. Однако и здесь не все просто. Представьте себе человека, верующего в единого Бога, но не отождествляющего его с христианским. Конечно, можно сказать, что единый Бог всегда один и тот же, – но это вопрос теологический, а не лингвистический. Вообще для религиозных и официальных политических текстов характерно тяготение к прописным буквам. В священных текстах с прописной буквы пишутся и *Слово* (то самое, которое было в начале), и *Небо* (или *Небеса*), и *Крест Господень*, и многое другое. А в официальных текстах с прописной буквы пишутся названия высших государственных должностей: *Президент РФ*, *Генеральный Прокурор* и т. д.

Эти тексты, как и поэтические, имеют свои особенности, складывавшиеся в течение длительного времени. Но когда эти особенности переносятся в корпоративную практику, это выглядит нелепо. Чрезмерная торжественность и почитание исходят от *Генерального Директора* с его двумя прописными буквами – ведь даже *президент РФ* и *небеса* в обычном тексте мы пишем со строчной.

⁴⁹ Как тут не вспомнить роман Сергея Довлатова “Компромисс”. Главный редактор советской газеты произносит, обращаясь к герою, бессмертную фразу: “Опять по алфавиту?! Забудьте это оппортунистическое слово!”

Можно вспомнить и еще об одном примере избыточной вежливости. В рекламных текстах или на корпоративных сайтах очень часто можно увидеть местоимения *Вы* и *Ваш*, написанные с прописной буквы. Они обращены к читателю и, по-видимому, по замыслу авторов, подчеркивают то самое исключительное уважение и одновременно уникальность адресата. В действительности же здесь демонстрируется только неграмотность, поскольку грубо нарушаются сразу два правила написания вежливого *Вы*. Оно используется как форма вежливости, во-первых, только при обращении к одному конкретному лицу, а во-вторых, только в личных письмах или официальных документах. Очевидно, что рекламные тексты и сайты не относятся к этим жанрам и адресованы большому количеству людей (чем больше, тем лучше). И *Вы*, обращенное ко мне с рекламного щита или с компьютерного монитора, кажется больше лицемерием, чем вежливостью. Кстати, такой же эффект вызывают массовые рекламные рассылки, стилизованные под личные письма.

Особую область, своего рода заповедник, где не действуют обычные правила, представляет собой интернет-пространство. Правда, в отличие от высокого стиля поэтической, религиозной или официальной речи, здесь уместнее говорить о сниженности стиля. Прописная буква выделяет в интернете любые фрагменты текста и соответствует различным интонационным выделениям в устной речи, в том числе и громкости. Иногда целые тексты пишутся прописными буквами, с помощью которых пишущий пытается как бы “перекричать” собеседника.

А раз уж разговор зашел об интернете, нельзя не обсудить написание самого этого слова. Только появившись в русском языке, оно писалось с прописной буквы и не склонялось, что порой случается с еще не освоенными заимствованными словами. Сейчас же это слово настолько привычно и освоено, что его, безусловно, нужно склонять. Само же явление теперь не более уникально, чем телевидение или радио, и потому, на мой взгляд, давно пора перейти к строчной букве. Что я и делаю, постоянно борясь с мешающим мне спел-чекером.

Обсудив разнообразные случаи, я все же попытаюсь дать один общий совет. Не стоит злоупотреблять прописной буквой! Она, как сильное оружие, должна использоваться вовремя и по делу. А чрезмерный пафос или избыточная вежливость порой производят эффект, противоположный ожидаемому.

Опечатки с моралью

Втечение 2006 года со мной произошло несколько курьезных случаев. В своей речи и в своих текстах я допустил несколько не то чтобы ошибок, а скорее неточностей и был немедленно и безжалостно поправлен.

Начну непосредственно с газеты “Ведомости”, в которой я вел колонку о русском языке. В статье об электронном этикете я использовал жаргонный глагол *банить*. Однако на пути в печать с этим словом произошли некоторые изменения. Кто-то исправил его на более знакомое *бранить*, решив, по-видимому, что я просто пропустил одну букву. В результате вместо словосочетания *банить мат* (т. е. налагать запрет на появление мата) возникло *бранить мат*, что не то чтобы абсолютно бессмысленно, но значит нечто совсем другое. Честно говоря, я бы этого не заметил, поскольку свои статьи в газете не перечитывал. Но на эту ошибку мне было любезно указано в отзывах читателей к интернет-версии, которые, напротив, я всегда с интересом – а часто и с благодарностью – читал. Естественно, встал вопрос, кто виноват. Корректор? Редактор? Да нет, автор, ибо не следует лингвисту использовать в статье профессионализмы, которые еще только входят в русский язык.

Поразмыслив, однако, я пришел к выводу, что, кто бы ни был виноват, все к лучшему – этот казус прекрасно иллюстрирует основную идею моей колонки: русский язык изменяется так быстро, что уже не столько объединяет нас, сколько разъединяет, рассаживает по вагонам, которые движутся по разным путям и в разных направлениях. Впрочем, перед написанием следующей статьи я благоразумно заручился обещанием редактора, что править меня без моего ведома больше не будут.

Каково же было мое удивление, когда в читательских отзывах к следующей статье мне снова указали на ошибку, которой я не совершал. А именно, что слово *офлайн* (так было напечатано) пишется с двумя *ф* (как, собственно, и было написано в сданном мною тексте). Здесь, впрочем, не все так ясно. Я в этом случае руководствовался существующей практикой написания. Что подтвердили и мои внимательные читатели. Аргумент заслуживает того, чтобы быть приведенным в газете. Один из комментаторов не поленился залезть в Яндекс и привел следующую статистику: “*офлайн* – 341 520, *оффлайн* – 1 833 862” (имеется в виду количество страниц). Это вполне объяснимо, поскольку в английском языке, откуда слово заимствовано, оно пишется через два *f*. Однако и мой злокозненный правщик (скорее всего, это был корректор) руководствовался вполне здравыми соображениями. В русский язык уже вошли *офсет* и *офсайд*, восходящие к тому же самому английскому *off*. Кроме того, существует малоизвестное правило, которое, несколько огрубляя, можно передать так: в заимствованных словах из удвоенных согласных перед согласной и на конце слова в русском языке на письме сохраняется только одна буква. Так, фамилии известных философов *Wittgenstein* и *Russell* по-русски записываются как *Витгенштейн* и *Рассел*. Последнее время этим правилом все чаще пренебрегают, в результате чего появляются *расселлы*, *оффшоры* и *оффлайны*. Вброшенное в интернет слово, например, в неправильном написании, тут же подхватывается тысячами. Снова я получил замечательный пример, демонстрирующий скорость изменений в русском языке. На как будто бы простой орфографический вопрос нет такого же простого и однозначного ответа. По-видимому, опять виноватым остался автор, пойдя на поводу у интернет-масс, а не следуя правилам русской орфографии.

Очередное мое “исправление” состоялось на радио. С понедельника по четверг по радио “Культура” передавали запись моих лингвистических лекций, а в пятницу я пришел на прямой эфир, чтобы ответить на вопросы слушателей. В одном из ответов я произнес что-то вроде “последствия от этого...”. Немедленно последовал звонок в студию, и мне указали на неправомерность моей фразы, а также предложили отказаться от употребления предлога – “послед-

ствия этого...». Я попытался отговориться тем, что в спонтанной речи главное – ее спонтанность, а не правильность. Слушатель вежливо прервал меня и потребовал точного ответа, правильно это или неправильно. Сдерживая легкое раздражение, я поблагодарил слушателя и признал свою ошибку. В душе, однако, я продолжаю считать, что так все же сказать можно или, по крайней мере, так говорят. Жалко, под рукой не было Яндекса. И все же очная ставка с еще одним “языковым пуристом” закончилась не в мою пользу.

Казалось бы, все эти случаи наводят на грустные мысли. Однако нам предстоит хеппи-энд. После всех изложенных событий я принимал участие в круглом столе, где обсуждалась предполагаемая гибель русского языка. Разброс мнений был весьма значителен: от “неотвратимо гибнет” до “с русским языком все в полном порядке”. Конечно, я не считаю, что с русским языком все в полном порядке, и приведенные случаи как раз свидетельствуют об этом. Слишком много сейчас возникает вопросов, на которые лингвисты (и корректоры, и редакторы) не могут дать четкого ответа. Язык изменяется так быстро, что специалисты не успевают за ним, и тем самым отчасти теряется, расползается понятие нормы. Колебания нормы существуют всегда, просто сейчас их слишком много. Однако все это ни в коей мере не свидетельствует о гибели языка. Представьте себе акселерата, который слишком быстро растет, и его маму, которая в ужасе убеждает врачей, что он гибнет. Такая позиция относительно языка кажется смешной и даже абсурдной. Я бы описал ситуацию несколько иначе. Очень быстро меняется окружающий нас мир (в социальном, культурном и технологическом отношениях). Следом за ним, не всегда успевая, меняется и наш язык. Как раз не будь этих изменений, можно было бы говорить о том, что язык мертв: ведь тогда на нем нельзя говорить об изменяющемся мире. Наконец, следом за языком поспешаем отдельные и конкретные мы. Нас разделяет очень многое: понимание или непонимание новых слов, любовь или нелюбовь к словотворчеству, знание или незнание правил орфографии... Зато объединяет неугасающий, временами яростный интерес к родному языку. Мы все время хотим точно знать – как правильно?

Родная речь как юридическая проблема

До недавних пор я мало интересовался законодательной деятельностью. Однако внезапно, как и многие другие лингвисты, оказался вовлечен если не в нее саму, то, по крайней мере, в дискуссии по ее поводу. Случилось это после того, как наши депутаты заговорили о законе о русском языке.

Какое-то время шла подготовка закона, сопровождающаяся выступлениями его инициаторов, а затем он с легкостью стал проходить чтение за чтением, несмотря на достаточно сильную критику в средствах массовой информации.

Надо отдать депутатам должное. С каждым чтением закон становился все лучше. Исчезали некоторые абсурдные и пустые формулировки, появлялись разумные идеи. Было изменено даже название. Казалось, еще чтений пять – семь, и выйдет что-то дельное. Но, во-первых, у закона всего три чтения. А во-вторых, это только казалось. Из этого закона ничего дельного получиться просто не могло. По определению.

Тем не менее хроника событий такова. 5 февраля 2003 года закон прошел заключительное третье чтение в Государственной думе, но был отклонен Советом Федерации и отправлен на доработку. Именно между этими двумя событиями и развернулась резкая дискуссия. Затем после незначительных исправлений и уже без всяких дискуссий закон был принят Государственной думой 20 мая 2005 года и одобрен Советом Федерации 25 мая 2005 года.

Обращусь к более ранним этапам создания закона. Изначально он назывался законом “О русском языке как государственном языке Российской Федерации”, и уже в названии отражалось некое противоречие, которое сохранялось и, более того, развивалось в самом тексте закона.

В названии закреплялась определенная подмена понятий. Вместо закона о государственном языке предлагался закон о русском языке как государственном. Нетрудно представить себе дальнейшее развитие подобной логики и, скажем, вместо закона о президенте предложить закон о конкретном человеке как президенте и т. д. В действительности уже само название выдавало потаенные мысли депутатов: им хотелось говорить о наболевшем, то есть именно о русском языке, а чтобы оставаться юридически корректными, приходилось скрываться за формулировками о государственном языке. Несовместимое совмещалось плохо.

Текст закона также представлял собой соединение разных жанров и, говоря научным языком, смешение коммуникативных установок.

Главной и первой составляющей закона стали различные декларации в поддержку русского языка. От государства или правительства требовалось осуществление различных действий, направленных на защиту и поддержку русского языка (в том числе загадочных “иных мероприятий”). В ведении органов власти оказывалось сохранение самобытности и чистоты русского языка, повышение культуры русской речи. Неюристу трудно понять юридическую ценность подобного рода формулировок, с обыденной же точки зрения они выглядели довольно странно, особенно в сочетании с совершенно конкретными рекомендациями и запретами.

Эти предписания и запреты, адресованные непосредственно гражданам страны, и были вторым жанром. Запреты касались употребления нецензурных слов, сквернословия вообще, оскорблений с помощью языка, а также использования иностранных слов. Кроме некоторой невнятности формулировок настораживал тот факт, что из текста закона не было ясно, как будут наказываться соответствующие нарушения.

Наконец, в-третьих, это была не очень удачная попытка сформулировать сферу употребления государственного языка. То есть в самой идее задать область функционирования госу-

дарственного языка ничего плохого нет, но депутаты сразу же замахнулись на слишком многое: на культуру и прессу, промышленность и театр и так далее и тому подобное. Вместо того чтобы ограничить данную область, закон использовали как инструмент захвата и распространения.

Лингвистический анализ закона показывает, что между целями авторов текста (их коммуникативной установкой) и формой, в которую текст попытались облечь, существует все то же неустранимое противоречие. Закон был вызван не юридическими, социальными или лингвистическими причинами, а, очевидным образом, политическими. В конечном счете это был поиск национальной идеи, создание своего рода государственного культа русского языка, которому не слишком умело попытались придать форму закона.

Этот текст по своей сути был вовсе даже не законом, а особого рода патриотическим высказыванием о русском языке, содержащим, с одной стороны, его восхваление (“декларативная часть”), с другой стороны – не вполне ясную угрозу, не вполне понятно кому адресованную (“запретительная часть”). Оставшаяся третья составляющая собственно и несла юридическую нагрузку, придавая тексту как бы юридическую форму.

Если говорить более конкретно, можно выделить те самые отдельные места и формулировки, которые не дают закону о государственном языке быть законом или, по крайней мере, не дают быть хорошим законом.

В третьей статье, безусловно, неудачным является следующее высказывание:

Государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию:
<...>

в деятельности общероссийских, региональных и муниципальных организаций телерадиовещания, редакций общероссийских, региональных и муниципальных периодических печатных изданий, за исключением деятельности организаций телерадиовещания и редакций периодических печатных изданий, учрежденных специально для осуществления теле- и (или) радиовещания либо издания печатной продукции на государственных языках республик, находящихся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранных языках, а также за исключением случаев, если использование лексики, не соответствующей нормам русского языка как государственного языка Российской Федерации, является неотъемлемой частью художественного замысла;

в рекламе;

в иных определенных федеральными законами сферах.

Попытка целиком охватить (а по существу – захватить) телевидение и газеты, а также рекламу, а также “иные сферы” (последнее звучит не просто многозначительно, а почти мистически) и распространить на них “государственные” и довольно малопонятные запреты (о “несоответствующей лексике” будет сказано ниже) приводит к вынужденной и юридически беспомощной формулировке: “... за исключением случаев, если использование лексики, не соответствующей нормам русского языка как государственного языка Российской Федерации, является неотъемлемой частью художественного замысла”. Как показала практика борьбы с порнографией, корректно определить “неотъемлемость” от художественного замысла в принципе невозможно. Претензия на охват рекламы и “иных сфер” также выглядит смешной, поскольку реклама регулируется другим законом, а иные сферы – сами знаете чем. А ведь последуй депутаты небезызвестной мудрости – не пытайтесь объять необъятное, и не было бы проблемы. Неужели не очевидно, что герои сериала, участники молодежной передачи, персонажи фельетона и т. п. не должны говорить на государственном языке, даже если речь идет о государственных СМИ.

В пятой статье странной кажется такая формулировка:

Обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации предусматривает:

⟨...⟩

получение информации на русском языке через общероссийские, региональные и муниципальные средства массовой информации. Данное положение не распространяется на средства массовой информации, учрежденные специально для осуществления теле- и (или) радиовещания либо издания печатной продукции на государственных языках республик, находящихся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранных языках.

Получается, что информация должна распространяться в СМИ на государственном языке, то есть русском, правда, это не касается СМИ, вещающих или пишущих на других языках, то есть русские газеты пишут по-русски, а нерусские не по-русски и т. д. Кажется, это называется тавтологией.

Это замечания по поводу самых содержательных статей. Другие же статьи закона даже странно обсуждать. Достаточно привести выдержки, скажем, из статьи 1 “Русский язык как государственный язык Российской Федерации” (бывшее название закона все-таки проникло в его текст в качестве названия первой статьи):

Государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве

или:

Защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации способствуют приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации.

Комментарии излишни, и после прочтения этих двух абзацев (из той самой “декларативной” части) можно закрыть дискуссию и легко ответить на вопрос, необходим ли такой закон. Тем не менее нужно упомянуть еще один запрет (из статьи 1), вызвавший, пожалуй, наиболее бурное обсуждение:

При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование просторечных, пренебрежительных, бранных слов и выражений, а также иностранных слов при наличии общеупотребительных аналогов в русском языке.

Поскольку только ленивый не поиздевался над этой формулировкой, я ограничусь одним замечанием. Выделение “просторечных, пренебрежительных, бранных слов и выражений”, а также определение “наличия общеупотребительных аналогов в русском языке” для иностранных слов представляет достаточно сложную лингвистическую проблему и поэтому не может быть юридически корректным. Одно дело запретить нецензурную брань в общественных местах, что уже сделано другим законом (нецензурных, то есть матерных, корней в русском языке ограниченное и вполне четко фиксируемое количество), и другое дело бороться с просторечием и бранью вообще. Скажем, что такое *идиот*, произнесенное в разговоре с экрана телевизора, – брань или неудачно поставленный диагноз? Можно только посочувствовать судам, которые будут рассматривать дела, опираясь на данный закон.

Что же касается иностранных слов, то здесь все же придется сделать небольшой комментарий. Наиболее спорным, как уже сказано, является наличие русского аналога. Как правило,

при заимствовании почти всегда можно говорить о стилистическом или, пусть небольшом, смысловом сдвиге, так что полной аналогии практически не существует. Борьба с заимствованиями ведется внутри самого языка. Иностранное слово либо благополучно исчезает, либо осваивается и перестает восприниматься как иностранное. Таких заимствований в русском языке огромное количество, и никакого вреда от них нет. Более того, обойтись без них современный человек, говорящий по-русски, просто не может. И конечно, меня самого раздражает леность журналистов, не способных до конца перевести иностранные выражения или хотя бы перефразировать текст, заменив иностранных “монстров”. Но когда я это слышу, моя рука не тянется ни к пистолету, ни, как у депутата, к перу, чтобы написать новый закон и запретить “безобразие”. Нужно просто издавать словари и грамматики русского языка и делать это независимо от его “государственности” и соответствующего закона.

В результате доработки закона в окончательной редакции это высказывание преобразовалось в следующее:

При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке.

Формулировка не стала лучше, поскольку понятие нормы в этом случае слишком неопределенно. Однако можно предположить, что депутаты теперь обречены постоянно нарушать закон. Ведь многие из слов, которые мы сегодня регулярно употребляем, еще не вошли в словари русского языка и, значит, “не соответствуют его нормам”.

Конечно, глупо отрицать важность государственной поддержки, в том числе финансовой, но я не понимаю, почему для этого необходим закон, содержащий статью 4 под названием “Защита и поддержка государственного языка Российской Федерации”, в свою очередь содержащую фразу:

В целях защиты и поддержки государственного языка Российской Федерации федеральные органы государственной власти в пределах своей компетенции... принимают иные меры по защите и поддержке государственного языка Российской Федерации.

Неужели “иные меры” нельзя принять без этой фразы, без этой статьи и без этого закона. И уж совсем не могу понять, зачем

Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации.

Неужели у Правительства нет других дел и неужели нормы русского языка не “утвердятся” сами без всякого правительства?

А поскольку я всего этого не понимаю, то на почти риторический вопрос “Нужен ли нам такой закон о языке?” отвечаю не так, как ответил бы раньше, “нужен, но не такой”, а совсем просто “нет, не нужен”.

Осторожно: лингвистическая экспертиза!

Еще одна юридическая проблема, связанная с языком, – это лингвистическая экспертиза. Проблемой она стала после того, как ее начали регулярно применять в делах, связанных с обвинением в экстремизме, разжигании национальной и религиозной ненависти и подобных. И здесь дело обстоит серьезнее и даже трагичнее, чем с законом о государственном языке. Лингвистическую и вообще гуманитарную (психологическую, культурологическую и т. д.) экспертизу все чаще используют не по назначению, отсюда ряд недавних громких скандалов. И уже общество бьет тревогу и требует отменить экспертизу вообще, говоря о ее бессмысленности и ангажированности.

Лингвистическая экспертиза не бессмысленна, она просто не должна подменять собой юридическую процедуру. Лингвист имеет дело исключительно со словами и текстами, их значениями и скрытыми смыслами, он вскрывает двусмысленности и предлагает различные интерпретации, но он не может и не должен выносить вердикт. Любая гуманитарная экспертиза – это лишь система аргументов, а не строгое и окончательное доказательство чьей-либо вины или правоты. Привлекать эксперта нужно лишь в сложных случаях, когда он может вскрыть то, что неочевидно для неспециалиста. В случае же очевидной интерпретации гуманитарный эксперт не нужен. Скажем, если все воспринимают некую фразу как призыв к насилию, а лингвист докажет, что это не так, фраза не перестанет быть призывом к насилию. И наоборот, если для того, чтобы увидеть в некой фразе призыв к насилию, нужен высококвалифицированный специалист, то это уже не призыв к насилию.

В наиболее скандальных экспертизах вопросы для эксперта формулируются так, что они сразу подводят человека под статью. Например, у эксперта спрашивают, является ли то или иное высказывание экстремистским. Эксперту фактически предлагают подменить юриста. А это совершенно недопустимо. Мы уже имели когда-то “карательную психиатрию”. Гуманитарная экспертиза не должна быть карательной.

Чтобы показать ограниченность и условность применения лингвистической экспертизы, я сделал несколько пародийных экспертиз по делам, “возбужденных” против сказочных героев. Каждому делу соответствуют две экспертизы – обвинительная и оправдательная. Обвиняемые: заяц, волк, медведь (из сказки о колобке), работник Балда и Бармалей.

Дело № 1

Катится колобок по дороге, навстречу ему заяц:

Колобок, колобок, я тебя съем!..

Катится колобок, навстречу ему волк:

Колобок, колобок, я тебя съем!..

Катится колобок, навстречу ему медведь:

Колобок, колобок, я тебя съем!..

(*“Колобок”, русская народная сказка*)

Вопрос к эксперту:

Содержатся ли угрозы колобку в высказываниях зайца, волка и медведя?

Экспертиза 1

Перед экспертом был поставлен вопрос: “Содержатся ли угрозы колобку в высказываниях зайца, волка и медведя?”

При анализе высказываний зайца, волка и медведя использовался контент-анализ, ситуационный анализ, а также лексикографический анализ.

В словаре С. И. Ожегова есть слова *угроза*, *колобок* и *съесть*.

Угроза – запугивание, обещание причинить кому-н. неприятность, зло.

Колобок – небольшой круглый хлебец (в народных сказках).

Съесть – см. *есть*.

Есть – принимать в пищу, употреблять в пищу.

Совершенно очевидно, что в данной ситуации речь идет о взаимодействии равноправных сказочных персонажей, что подтверждается наличием в высказываниях двойного обращения *колобок*, *колобок*. Для колобка, являющегося одновременно и круглым хлебцем, и сказочным героем, употребление его в пищу означает прекращение функционирования, невозможность катиться по дороге, петь песни и т. д. Вступление в речевой контакт с колобком (а не простое молчаливое поедание) свидетельствуют об осознании его сказочной природы зайцем, волком и медведем. Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что в их словах содержится обещание причинить колобку неприятность, то есть угроза. Ответ эксперта на поставленный вопрос: да.

Экспертиза 2

Перед экспертом был поставлен вопрос: “Содержатся ли угрозы колобку в высказываниях зайца, волка и медведя?”

При анализе высказываний зайца, волка и медведя использовался контент-анализ, ситуационный анализ, а также лексикографический анализ.

В словаре С. И. Ожегова есть слова *угроза*, *колобок* и *съесть*.

Угроза – запугивание, обещание причинить кому-н. неприятность, зло.

Колобок – небольшой круглый хлебец (в народных сказках).

Съесть – см. *есть*.

Есть – принимать в пищу, употреблять в пищу.

Высказывания зайца, волка и медведя обращены к колобку и включают глагол в будущем времени. Их можно охарактеризовать как сообщение о намерении совершить нечто с адресатом высказывания. Поскольку колобок – это хлебец, то есть продукт питания, сообщение о том, что его собираются съесть, то есть в соответствии с толковым словарем – употребить в пищу, предполагает наиболее естественное с ним обращение и не содержит никакого обещания причинить зло или неприятность. Реакция колобка в виде песни также подтверждает тот факт, что колобок не воспринимает данные высказывания как угрозы, а общение доставляет удовольствие обоим собеседникам. Таким образом, можно говорить об игровом взаимодействии колобка с зайцем, волком и медведем и утверждать, что в их высказываниях не содержится угрозы. Ответ эксперта на поставленный вопрос: нет.

Дело № 2

Да вот веревкой хочу море морщить

Да вас, проклятое племя, корчить.

(А. С. Пушкин. “Сказка о попе и работнике его Балде”)

Вопрос к эксперту:

Направлено ли высказывание работника Балды в контексте данной ситуации на разжигание национальной розни, а также на унижение чертей по признаку национальности, происхождения?

Экспертиза 1

Перед экспертом был поставлен вопрос: “Направлено ли высказывание работника Балды в контексте данной ситуации на разжигание национальной розни, а также на унижение чертей по признаку национальности, происхождения?”

При анализе высказываний работника Балды использовался контент-анализ, ситуационный анализ, а также лексикографический анализ.

В словаре С. И. Ожегова есть слова *проклятый*, *племя*, *корчиться*.

Племя – объединение людей, связанных родовыми отношениями, общим языком и территорией.

Проклятый – ненавистный, проклинаемый.

Корчиться – изгибаться в корчах, судорогах.

Обращаясь к чертям словами *проклятое племя*, работник Балда, безусловно, выделяет их по признаку происхождения. Слово *проклятый* является в данном контексте прилагательным и содержит негативную оценку чертей с точки зрения говорящего (они ему ненавистны, см. толковый словарь). Можно утверждать, что оно имеет оскорбительный характер. Слово *корчиться* предполагает насильственное по отношению к чертям действие, причиняющее им болезненные ощущения. Таким образом, можно говорить об угрозе или шантаже, содержащихся в словах работника Балды, адресованных группе лиц, объединяемых по признаку происхождения, и выраженных в оскорбительной форме, что, очевидным образом, унижает данную группу лиц. Таким образом, ответ эксперта на поставленный вопрос: да.

Экспертиза 2

Перед экспертом был поставлен вопрос: “Направлено ли высказывание работника Балды в контексте данной ситуации на разжигание национальной розни, а также на унижение чертей по признаку национальности, происхождения?”

При анализе высказываний работника Балды использовался контент-анализ, ситуационный анализ, а также лексикографический анализ.

В словаре С. И. Ожегова есть слова *проклятый*, *племя*, *корчиться*.

Племя – объединение людей, связанных родовыми отношениями, общим языком и территорией.

Проклятый – ненавистный, проклинаемый.

Корчиться – изгибаться в корчах, судорогах.

Обращаясь к чертям словами *проклятое племя*, работник Балда не выделяет их по признаку происхождения, поскольку черти не являются людьми (см. толкование), то есть в данной ситуации можно говорить о метафорическом употреблении слова. Слово *проклятый* является в данном контексте причастием и не содержит негативной оценки чертей с точки зрения говорящего, а лишь констатирует имевший место в прошлом факт проклятия. Следовательно, можно утверждать, что обращение *проклятое племя* не выделяет чертей по национальному принципу (характерному лишь для людей) и не носит оскорбительного характера. Слово *корчиться* не содержит угрозы, а лишь фиксирует возможные для чертей последствия морщения моря. Таким образом, ответ эксперта на поставленный вопрос: нет.

Дело № 3

Я кровожадный,
Я беспощадный,
Я злой разбойник Бармалей!

И мне не надо
Ни мармелада,
Ни шоколада,
А только маленьких
(Да, очень маленьких!)
Детей!
“Карабас! Карабас!
Пообедаю сейчас!”

(К. Чуковский. “Бармалей”)

Вопрос к эксперту:

Содержится ли в высказываниях Бармалея угроза детям в форме их поедания?

Экспертиза 1

Перед экспертом был поставлен вопрос: “Содержится ли в высказываниях Бармалея угроза детям в форме их поедания?”

При анализе высказываний разбойника Бармалея использовался контент-анализ, ситуационный анализ, а также лексикографический анализ.

В словаре С. И. Ожегова есть слова *надо*, *пообедать*, но отсутствует слово *карабас*.

Надо – то же, что *нужно*.

Нужно – требуется, следует иметь.

Пообедать – см. *обедать*.

Обедать – есть обед, принимать пищу за обедом.

Действия Бармалея, связавшего детей, а также сопровождавшие эти действия слова о потребности в маленьких детях однозначно свидетельствуют о желании Бармалея съесть детей. Об этом же говорит тот факт, что дети оказываются в контексте других продуктов питания, таких, как *шоколад* и *мармелад*. *Карабас* в данном контексте воспринимается как угрожающее междометие, подтверждающее окончание дискуссии и неотвратимость приема в пищу за обедом Танечки и Ванечки. Ответ эксперта на поставленный вопрос: да.

Экспертиза 2

Перед экспертом был поставлен вопрос: “Содержится ли в высказываниях Бармалея угроза детям в форме их поедания?”

При анализе высказываний разбойника Бармалея использовался контент-анализ, ситуационный анализ, а также лексикографический анализ.

В словаре С. И. Ожегова есть слова *надо*, *пообедать*, но отсутствует слово *карабас*.

Надо – то же, что *нужно*.

Нужно – требуется, следует иметь.

Пообедать – см. *обедать*.

Обедать – есть обед, принимать пищу за обедом.

Необходимо отметить, что в высказываниях Бармалея ни разу не выражается желание съесть именно Танечку и Ванечку. С одной стороны, Бармалей утверждает наличие у себя потребности в детях, но не связывает эту потребность с питанием. В этом контексте отказ от *шоколада* и *мармелада*, употребленных в метафорическом смысле, означает отказ от материальных потребностей в пользу высших духовных ценностей, связанных с воспитанием детей. Да, Бармалей – сторонник жесткого воспитания, выраженного в ограничении подвижности воспитуемых, но при этом самокритичен и даже чрезмерно самокритичен (*Я кровожадный, я*

беспощадный, я злой разбойник), что свидетельствует о постоянных размышлениях и анализе собственных стратегий воспитания. Во втором высказывании Бармалея сообщается о его желании пообедать, но, собственно, содержание обеда не раскрывается, поэтому страхи Айболита представляются преувеличенными и напрасными, а призывы крокодила к жестокому насилию – оскорбительными и неоправданными (*Ну, пожалуйста, скорее проглотите Бармалея, чтобы жадный Бармалей не хватал бы, не глотал бы этих маленьких детей!*). Дальнейшее развитие событий подчеркивает бескорыстные, дружеские и даже семейные отношения Бармалея с детьми (*Приходите, получите, ни копейки не платите, потому что Бармалей любит маленьких детей, любит, любит, любит, любит, любит, любит маленьких детей!*). Глагол *любит*, повторенный шесть раз, очевидно, выражает глубокое эмоциональное отношение Бармалея к детям вообще и к Танечке и Ванечке в частности, несовместимое с низменными пищевыми инстинктами.

Ответ эксперта на поставленный вопрос: нет.

Какой национальности лицо?

Атеперь поговорим о материях столь деликатных, что читателю потребуется на-прямь всю изначально присущую ему толерантность.

Итак, вопрос: влияет ли политкорректность на русский язык? Объяснять, что такое политкорректность, я не буду. Хотя само слово заимствовано из английского сравнительно недавно, но оно уже давно вызывает бурные эмоции – от уважения до иронии и даже ненависти. Политкорректность (или реже: политическая корректность), безусловно, сильно повлияла на современный английский и другие германские языки. Можно сказать, что над этими языками осуществляется сознательная правка и она ориентирована на устранение несправедливости, прежде всего по отношению к женщине. Справедливость в языке правщиками понимается в основном как симметрия, поэтому, например, в английском рядом со словом *policeman* появляется *policewoman* или нейтральное *policeperson*. Службу ведь несут представители разных полов, и фактически называть женщин мужчинами (*man*) вроде бы нехорошо.

Считается, что феминистическое влияние на русский язык стремится к нулю. Однако первая гендерная лингвистическая революция случилась как раз в русском языке. Ведь, как я уже говорил, введенное после 1917 года стандартное обращение *товарищ* по сути устранило противоречие (а точнее, противопоставление) между мужчинами и женщинами. Так что отказ от него в постперестроечное время (по идеологическим соображениям) с феминистической точки зрения является шагом назад.

Но в целом действительно феминистки и феминисты (вот она, политкорректная формулировка!) с русским языком пока ничего такого не сделали. А вот в названиях национальностей, как говорится, отдельные факты имеют место.

И здесь я на время отвлекусь от темы и вспомню одну славистическую конференцию во Франции, в которой мне довелось участвовать. Доклад на русском языке делал английский славист. Точное название доклада я не помню, но было это что-то вроде “Образ черного в русской литературе”. Слово *черный* меня слегка покорило, и после доклада я сделал замечание, что *черный* по-русски звучит грубее нейтрального *негра*, да и значит в сущности нечто другое. В ответ я услышал, что русские просто не понимают, что слово *негр* оскорбительно, поскольку оно заимствовано из английского, в котором признано некорректным. Приехавший в Россию, скажем, американец с черной кожей именно так и воспримет русское слово *негр*. Я продолжал утверждать, что в русском слове *негр*, как и в слове *белый*, нет никакого оскорбления, в отличие от того же слова *черный*. Здесь нет особой логики, просто так уж сложилось в языке. К согласию мы так и не пришли, интересно, однако, что в дискуссии меня поддерживали немцы и французы, заметив, что “неполиткорректность” появляется под влиянием именно английского языка.

Повторю, что разговор идет о проблемах столь деликатных, что здесь возможны разные индивидуальные и не всегда предсказуемые реакции.

Вообще русский язык в национальной области совершенно неполиткорректен, и для самых важных в культурном отношении национальностей существуют особые оскорбительные названия, перечислять которые не имеет смысла, поскольку они всем известны⁵⁰. Интересно другое: некоторые вполне нейтральные названия воспринимаются как неполиткорректные, и им находится замена. Именно это и произошло со словом *негр* в английском языке, что привело к появлению слова *афроамериканец*.

⁵⁰ Обходиться совсем без примеров обидно, поэтому назову наиболее безобидные и даже юмористические названия, используемые для довольно далеких народов: *итальянцы* – *макаронники*, *французы* – *лягушатники*. Эти “кулинарные” прозвища не являются специфически русскими, они есть и в других языках. Более того, в русском они не слишком-то употребительны и относятся в большей степени к литературе, чем к жизни. Для народов, живущих рядом с русскими или среди них, есть гораздо более оскорбительные названия.

В русском языке на нашем веку такое тоже случалось. В Советском Союзе стало восприниматься как не вполне приличное название одной из национальностей – *еврей*. Причиной этому был государственный антисемитизм, очевидный, но лицемерно скрываемый. В государственных документах (по-видимому, в 1970-х годах) было введено своего рода смягчение (как сказали бы лингвисты – эвфемизм): *лицо еврейской национальности*. Так, в 1973 году МВД СССР представило в ЦК КПСС справку “О выезде из СССР лиц еврейской национальности на постоянное место жительства в Израиль”. Уже в постсоветское время эта конструкция стала использоваться и для других национальностей, например *лица грузинской национальности* и т. д. Самым же известным следует признать выражение *лицо кавказской национальности*.

Несмотря на видимую политкорректность, эта конструкция оказывается оскорбительней, чем прямое название той или иной национальности. И здесь я вижу два важных момента. Во-первых, она используется вместо нейтрального названия, заменять которое вообще нет причины. Сама по себе замена демонстрирует нежелание прямо назвать национальность (которая загоняется в прилагательное) и тем самым негативное отношение к ней. Достаточно трудно представить себе ситуацию, в которой могли бы использоваться выражения *лица американской национальности* или *лица русской* или *славянской национальности*. В случае с *кавказской национальностью* оскорбительность усугубляется еще и тем, что такой национальности не существует, а объединение происходит формально на основании местожительства (*Кавказ*), а по существу – на основании внешнего сходства.

Во-вторых, эти выражения, в отличие от изменений в английском языке, вводятся властными структурами, то есть воспринимаются как некое политическое и одновременно бюрократическое указание.

Именно поэтому от такой политической корректности возникает совершенно обратный эффект.

Из сказанного, пожалуй, можно вывести некую достаточно банальную мораль. Сознательная правка языка часто имеет непредсказуемые для правщика последствия. В смысле, хотели как лучше, а получилось... ну вы сами знаете⁵¹. Так что, может, и ничего страшного, что в отношении политкорректности русский язык пока сильно отстает.

⁵¹ Покойный Виктор Степанович Черномырдин был одним из интереснейших ораторов постперестроечной эпохи. В его речи причудливо совмещались неуклюжесть стиля, косноязычие, иногда очевидная неграмотность, с одной стороны, яркость и остроумие – с другой. Многие его высказывания стали популярными афоризмами и получили в народе особое название: *черномырдинки*. *Черномырдинки* всегда вызывают смех, но при этом иногда содержат глубокую и парадоксальную мысль. Им посвящены многочисленные страницы в интернете и даже книги. Одним из самых глубоких и уж точно самым известным следует признать высказывание Черномырдина о бюджете 1995 года – *Хотели как лучшие, а получилось как всегда*. Оно оказалось необычайно уместным и всегда актуальным, а потому цитируемым по любому поводу.

Внешняя лингвистическая политика

Вокруг нас все время что-нибудь переименовывают. Улицы, города, страны, людей, даже номера телефонов (если, конечно, к ним подходит это слово). Недавно переименовали мой дом, сделав его из второго корпуса самостоятельным номером. Меня это жутко раздражает, потому что я как нормальный обыватель хочу прежде всего стабильности, а ее нет. Как лингвиста же меня это забавляет, потому что дает очередной повод поразговаривать на профессиональные темы, что я, собственно, и делаю. Здесь нет никакой глубокой теории, зато много любопытных случаев. Когда речь идет о чужих городах да странах, лингвистика причудливо смешивается с политикой, и это придает особый градус обсуждению.

Начну издалека. Когда-то были очень странно переименованы две страны. Вместо *Островов Зеленого Мыса* появилось государство под названием *Кабо-Верде*, а вместо *Берега Слоновой Кости* – загадочное *Кот-д'Ивуар*. Вообще говоря, настоящего переименования государств в этом случае не было, просто раньше их названия переводились на русский и другие языки, а потом перестали. И пришлось заимствовать в первом случае португальское, а во втором французское названия. Сделано это было по просьбе самих государств, что с политической точки зрения, наверное, правильно, однако жить (в смысле – разговаривать) всем прочим народам – и в том числе нам, россиянам, – стало чуть сложнее.

Но больше всего хлопот русскому языку доставили ближайшие соседи и недавние сограждане в период распада СССР и укрепления национального сознания. Именно тогда появились в русском языке *Алматы*, *Ашгабад*, *Кыргызстан*, *Беларусь*, *Молдова* и многое другое. Кому-то из русскоговорящих удалось овладеть новыми названиями, кому-то нет, а основная масса просто запуталась – как же правильно? Вот, например, два крайних случая. Киргизы переименовали свою столицу из *Фрунзе* в *Бишкек* (что неудивительно). Естественно, что это реальное переименование должно быть отражено и в русском языке: город теперь называется иначе и по-киргизски, и по-русски. Эстонцы же не меняли название своей столицы *Tallinn*, но намекнули, что и по-русски следует на конце писать два *н* – *Таллинн*. Некоторое время это требование выполнялось, например в газетах, но потом, к счастью, все вернулось на круги своя, и мы снова пишем *Таллин*. Дело в том, что эстонское написание в принципе не должно влиять на русское. Здесь нет никакого великорусского шовинизма, а есть простое уважение к русскому языку или, точнее, к русской языковой традиции. Традиция эта сложилась лишь по поводу важных для русской культуры названий (в том числе и соседских). Переименовать столицу какого-нибудь далекого и маленького островного государства нам в принципе не так уж и сложно (скорее всего, мы никогда в жизни не употребим это слово), а вот *Вену*, *Париж* или *Рим* – ни за что. Да, кажется, австрийцы, французы и итальянцы особо и не настаивают на “правильных” названиях: *Вин*, *Пари* и *Рома*.

Правда, и это весьма удивительно, граждане Эстонии должны писать по-русски иначе. Вот с таким документом можно познакомиться на сайте rus.delfi.ee.

8 января 2002 г.

Предписание Языковой инспекции

Обращаем Ваше внимание на то, что 3–4 января в русских новостях интернет-портала *delfi* топоним *tallinn* неоднократно транслитерирован на русский язык ошибочно.

Согласно части 1 параграфа 15 закона о топонимах, в нелатинских алфавитах написание топонима следует передавать в соответствии с буквенными таблицами. Исходя из установленных в них правил, топоним *tallinn* следует по-русски писать с двумя буквами “н” на конце.

Вследствие вышеизложенного делаю Вам предписание писать впредь русскими буквами топоним *tallinn* в соответствии с требованием закона о топонимах. В случае игнорирования

предписания, в отношении Вас будет применен параграф 170' законодательства об административных правонарушениях.

*С почетом,
Урмас Вейкат,
заместитель генерального директора
Языковой инспекции.*

Хотя этот документ в комментариях не нуждается, не могу удержаться и не привести иронический “ответ” заместителю генерального директора, размещенный на сайте gramota.ru:

Напоминаем, что суверенность государства не может влиять (тем паче – менять) грамматику, орфографию и пунктуацию какого-либо языка. В соответствии с установившейся традицией название столицы Эстонии по-русски пишется так: таллин.

Благодарим правительственные учреждения Франции за уважение к русскому написанию Париж (а не Пари).

После долгих и бурных обсуждений о том, кто и почему имеет право что-то требовать от русского языка, в большинстве случаев вернулись к старым написаниям: Алма-Ата, Ашхабад, Киргизия. Но такие названия, как Молдова и Беларусь все-таки приняты как официальные и присутствуют в российском официальном перечне названий зарубежных государств. Более привычные Молдавия и Белоруссия считаются неофициальными, и именно от них образуются соответствующие прилагательные, являющиеся по совместительству и названиями языка, а также названия жителей этих стран: *молдавский* и *молдавинин*, *белорусский* и *белорус*.

При всем уважении к Киргизии, Белоруссии и Молдавии, я не понимаю, почему из русского языка должны уйти эти слова, не говоря уж о трудностях произношения слогов *кы* и *гы*. Честно говоря, и в слове *Прибалтика* мне не слышится никакого посягательства на независимость трех прибалтийских стран. В конце концов давайте достигнем компромисса: пусть политики имеют дело со *странами Балтии*, а отдыхать мы все-таки поедem в *Прибалтику*.

Самый актуальный сегодня лингво-политический вопрос связан даже не с переименованием, а с использованием предлога. Как правильно: *на Украине* или *в Украине*? Ответ простой. Конечно, *на Украине*, если говорить по-русски. И главное, это не зависит от политической конъюнктуры. Почему обычно для стран мы используем предлог *в*, а тут – *на*? Это свидетельствует только об особой выделенности (и тем самым – важности) Украины для русского языка (не буду вдаваться в исторические подробности), а не об особом отношении к сегодняшней украинской государственности. Поверьте, ничего личного.

Впрочем, здесь необходимо сделать одну оговорку. Мы не можем и не должны настаивать, чтобы так же по-русски говорили и писали на Украине, в Эстонии или Киргизии. Нельзя же призывать нарушать эстонских граждан эстонский закон, каким бы странным он нам ни казался. Я соглашусь и с тем, что в Америке говорящие по-русски могут использовать вместо слова *негр* слово *афроамериканец* и считать первое оскорбительным, хотя в моем языке оно таковым не является. Иначе говоря, в данном случае я принимаю правила политкорректности и соглашаюсь с вариативностью русского языка в разных странах, тем более что политические расхождения такого рода единичны. Для каждой страны речь идет о нескольких словах.

Проблемы у русского языка возникают не только с соседними странами, но и с национальными республиками. И здесь традиционные русские названия заменяются заимствованиями из соответствующих языков. Это приводит, пожалуй, только к тому, что человек, далекий от политики, не знает, как назвать ту или иную республику или даже историческую область.

Надо сказать, что все эти изменения в русском языке провоцируются отчасти русскими же политиками, точнее, соответствующими службами, рассылающими циркуляры с новыми

названиями. Таковы политики не только в России. В США совсем недавно решили переименовать *Kiev*, который теперь нужно писать как *Kyiv* (в соответствии с украинским написанием). О чем же свидетельствует это переименование: об уважении к украинскому языку или о неукорененности названия города в английской языковой культуре (по крайней мере, с точки зрения политиков). Ведь не приходит же в голову американским политикам писать *Moscow*, *Prague* или те же *Rome* или *Vienna* так, как принято в соответствующих странах.

Из всего сказанного следует одна очень простая мысль. Язык, по крайней мере в этой области, не является инструментом ни унижения других государств и наций, ни особого уважения к ним. Он становится таковым лишь по прихоти националистически ориентированных политиков, не важно, с какой стороны.

Нам же, то есть тем самым простым обывателям, следует просто с уважением относиться к русскому языку (да и к другим тоже). И без особой нужды ничего не менять. Так как-то спокойнее будет.

Слово вне закона

Попробую закончить эту книгу тем же, чем начал, – случаями из жизни. Только на этот раз не из моей личной, а из нашей общей – российской или просто человеческой. Эти случаи касаются попыток изменений языка законодательно или предложений такого рода. Думаю, что в пространном комментарии они не нуждаются.

Новость из интернета. Президент Ирана запретил пиццу. Ну конечно, не саму пиццу, а слово *пицца*. А вместо него предписал использовать персидское словосочетание *эластичная лепешка*. Так же велено поступать и со всеми прочими иностранными заимствованиями. Персидская академия уже предложила около двух тысяч замен для заимствований из западных языков.

Вроде бы смешно. Из какой-то далекой, не нашей жизни. Но вспомните закон о государственном языке. Я имею в виду наш закон, в котором “не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке”. То есть слова типа *пиццы* тоже вроде бы вне закона, ведь и мы можем сказать – *эластичная лепешка*. Педант заметит, что это не общеупотребительный аналог. Ну, тогда – реальный пример. Слово *компьютер* при таком законе не смогло бы войти в русский язык, потому что уже существовало *ЭВМ*⁵². Кстати, если кто-то из читателей в публичной речи скажет *о'кей* (в интервью, с экрана телевизора и т. п.), пусть знает – он нарушает закон (надо говорить *ладно* или *хорошо*).

Но наш закон хорош одним. Лежит себе, его не трогают, и он не трогает. Возможно, поэтому в последнее время принимаются новые “лингвистические” законы и постановления. В июле 2006 года их было целых два (а для одного июля это много). Во-первых, Госдума фактически запретила три слова: *доллар*, *евро* и *у. е.* Их нельзя упоминать ни в публичных выступлениях, ни в публикациях, ни при указании цен товаров и услуг. Замечу, что это очевидное расширение закона о языке, поскольку *рубль* никак нельзя считать “общеупотребительным аналогом” этих слов, да и сами они давно вошли в русский язык.

Во-вторых, в этом же году Росохранкультура и Росрегистрация запретили словосочетание *Национал-большевистская партия* и соответствующую аббревиатуру *НБП*, мотивируя тем, что нет такой партии.

В общем, всегда надо быть бдительным. Ведь поле битвы проходит не просто между нами, но прямо по нам, по нашему языку. Время от времени в нем заводятся неблагонадежные слова, и приходится прилагать постоянные усилия, чтобы с ними бороться. Язык – мечту всякой власти описал в романе „1984” Джордж Оруэлл. На придуманном им новоязе (по-английски – *newspeak*) в принципе невозможно выразить неблагонадежные мысли. А пока в действительности новояза не существует, приходится то лаской, то законами удалять “нехорошие” слова и заменять их на “хорошие”, “неправильные”, так сказать, на “правильные”. Изобретать благонадежные слова – работа тяжелая, но необходимая, можно прямо сказать, дело государственной важности. Слова вредные придумывает, к сожалению, сам народ, и он же их распространяет, а вот борются с ними люди ответственные и государственные, хоть подчас и анонимно.

⁵² Свидетельством этому может служить известный и, безусловно, лучший на то время англо-русский словарь А. Б. Борковского по программированию и информатике, второе издание которого было выпущено в 1989 году с допечаткой в 1990-м (первое издание вышло в 1987 году). Приведу в качестве примера две, может быть, главные словарные статьи. Для английского слова *computer* предлагаются следующие переводы: (*вычислительная*) *машина*, *ЭВМ*, *компьютер*, а для слова *printer* – *печатающее устройство*, *устройство печати*, *принтер* (именно в таком порядке!). Единственные сохранившиеся сегодня названия – заимствования – предлагаются лишь как третьи варианты.

В советское время вместо слов *стукач* или *доносчик* в официальном языке использовалось слово *информатор*. Народ же над делом государственной важности еще и издевается и даже его пародирует. В послеперестроечное время появилось слово *демократизатор*, обозначавшее резиновую дубинку и намекавшее на ее предназначение. В принципе хорошее слово, но в нем таилась ирония, а ирония, как известно, самая неблагонадежная вещь на свете.

Но вернемся к интернету и случаям из жизни.

Lenta.ru сообщила, что вице-премьер Александр Жуков сказал 5 апреля 2005 года на конференции Высшей школы экономики “Модернизация экономики и выращивание институтов” буквально следующее:

Люди устали от реформ. Но люди устали и от плохой системы здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства. От этих плохих вещей люди устали еще больше. Наверное, нужно использовать какое-то другое слово вместо “*реформа*”, например “*изменение к лучшему*”.

Вице-премьер – остроумный человек, но не проще ли не проводить таких реформ? Тем более что обмануть ни язык, ни людей все равно не удастся – не пройдет и полгода, как люди начнут уставать от *изменений к лучшему*. В словах Жукова, конечно, присутствует ирония, но уж очень по-оруэлловски, по-новоязовски это звучит.

Опять же в интернете появилась информация, что в октябре 2005 года представители центральных каналов на встрече с представителями администрации президента получили списки неблагонадежных слов и рекомендации по их замене. Все эти слова отражают усилия по борьбе с терроризмом в области языкознания. Например, слово *моджахед* следует заменять на *боевик* или *террорист*, а слова *эмир*, *имам*, *шейх*, *полевой командир* – на *главарь бандформирования*. Соответственно,

неправильные слова правильные слова

ваххабит исламский экстремист

пояс шахида пояс со взрывчаткой

джихад диверсионно-террористическая деятельность

Рекомендации были приняты к сведению, хотя нет-нет, а журналисты, видимо по забывчивости, все-таки говорят не вполне благонадежно.

Замечательно, что совершенно так же думают и европейские чиновники, о чем написала газета The Telegraph. Оказывается, правительства европейских стран, входящих в Евросоюз, решили отказаться от термина *исламский терроризм* и заменить его менее эмоциональным определением *терроризм, который прикрывается исламом*.

Чиновники и дипломаты из 25 стран ЕС разрабатывают специальный словарь, который не оскорблял бы чувств законопослушных мусульман и мог бы использоваться во время публичных дискуссий по вопросам терроризма и религиозного экстремизма.

Разработчики справочника надеются, что данное пособие если и не будет обязательным для европейских стран, то его рекомендациями воспользуются Парламент Евросоюза и Комиссия по правам человека ЕС. Корректировке подвергнутся лексические обороты с использованием слов *исланизм*, *фундаментализм* и *джихад*.

И еще один пример, характерный в основном для западной цивилизации, поскольку речь идет о воздействии на язык через суд. Lenta.ru со ссылкой на газету The Financial Times сообщает (привожу с небольшими сокращениями):

Руководство сети ресторанов быстрого питания McDonald’s потребовало переписать все статьи в британских словарях, которые характеризуют работу в закусочных подобного типа под определением McJob.

Глава североευропейского отдела по подбору персонала компании Дэвид Фэйрхерст заявил, что данное определение “ошибочно и оскорбительно для служащих подобных заведений”.

Оксфордский английский словарь (OED) так описывает понятие McJob: низкооплачиваемая, непрестижная, не требующая высокой квалификации и бесперспективная работа, обычно в сфере обслуживания. Словарь не дает прямой отсылки к ресторанам McDonald’s, однако даже из названия этого вида деятельности можно понять, откуда произошел McJob.

Руководство ресторанов, отстаивая свою позицию, ссылается на профессиональный журнал для владельцев гостиниц *Caterer and Hotelkeeper magazine*, который назвал их закусочные “лучшим местом” по такому показателю, как гостеприимство.

По словам Дэвида Фэйрхерста, McJob должно получить новое определение, которое отражает работу, “имеющую стимул, представляющую пользу и предлагающую истинные возможности для карьерного роста и обретения необходимого в дальнейшей жизни опыта”. Представители OED в свою очередь заявили, что “следят за изменениями и корректируют статьи, если на то есть достаточные основания”.

И наконец, последний пример. В апреле 2007 года в блоге Алексея Тутубалина (blog.lexa.ru) появилась информация о том, что компания “Майкрософт” потребовала от разработчика программы проверки русской орфографии (русского спел-чекера) для MS Office убрать из словаря “оскорбительные” слова, чтобы программа подчеркивала их красной волнистой чертой, т. е. помечала как несуществующие. В результате несуществующими в русском языке оказались такие слова, как *жид*, *негр* и даже *розовый* и *голубой*. Я не люблю слово *жид*, но, как это ни прискорбно признавать, в русском языке оно существует. О слове *негр* я написал уже достаточно, а с *голубым* и *розовым* история приобретает совершенно анекдотический оттенок. Все-таки значения, которые кто-то мог бы считать оскорбительными, для русского языка не являются основными, а запретить *голубое небо* и *розовый бант* не под силу даже всемогущему “Майкрософту”. Не буду мучить читателя – все кончилось хорошо: правка языка не состоялась. Но сама попытка весьма показательна.

Итак, лингвистическая работа в органах власти- и судах идет постоянно. Очевидно, впрочем, что, пытаясь запретить те или иные слова, власть или компании решают отнюдь не лингвистические, а совершенно конкретные политические или экономические вопросы. Но ведь и несчастная *пицца* пострадала по политическим мотивам. Оживление интереса к языку со стороны власти случайностью быть не может. В частности, за всеми призывами к защите русского языка скрывается простое желание регулировать это плохо контролируемое явление. Если вдуматься в этот призыв (что как-то не принято делать), то неизбежно возникнет вопрос: “Кто и от кого должен защищать русский язык?” Ну, кто будет защищать, очевидно, это, конечно, власть. А вот от кого? Ведь это не американцы или итальянцы (не забывайте о пицце) протаскивают в нашу речь свои слова, это мы сами. Тем более если речь идет о жаргоне или брани. То есть защищать русский язык надо от нас, его носителей. На мой взгляд, многих сторонников защиты русского языка это должно было бы по крайней мере насторожить.

В начале книги я упомянул об одном своем “нежелании”, связанном с языком. Сейчас это можно сформулировать яснее. Мне очень не хочется, чтобы по поводу языка издавались какие-то законы и постановления, принимались судебные решения и меня и мой родной язык таким образом регулировали бы или, что еще хуже, мой язык от меня таким образом защищали. Как и любой носитель языка, я имею полное право считать себя его хозяином, хотя и не единоличным, конечно. Да и вообще, язык, как и природа, не имеет злой воли, а вот про власть этого же с уверенностью сказать нельзя.

Поэтому будьте бдительны, правка языка продолжается. Бойтесь правки языка.

Краткий курс новояза⁵³

Политический дискурс не то, чем кажется

Политический дискурс – одна из популярных в обществе тем, к которой лингвисты относятся с подозрением. На первый взгляд, это вполне респектабельная проблематика, связанная с языком власти и потому не только интересная, но и актуальная, имеющая прикладной характер, что, по сути, предполагает определенные финансовые перспективы: исследовательские гранты и т. п.

Однако не все так просто. Во-первых, никто толком не понимает, что это такое. Область не компактна, а, напротив, чрезвычайно аморфна. Это означает, что легко расплываться по теме, но трудно сосредоточиться и сказать что-либо конкретное. Во-вторых, кажется, что разговор идет больше о политике, а не о языке, а значит, это не наука, а ее имитация. Первое и второе приводят к тому, что в этой области много псевдонаучных спекуляций и мало результатов, а за это никто денег не платит. В-третьих, здесь все ангажировано, субъективно и прагматически ориентировано. Вот, например, скажешь, что Жириновский – хороший оратор, значит, ты за Жириновского, значит, ты сам такой, ну и так далее. Иначе говоря, это еще и минное поле для научных репутаций.

С последним ничего не поделаешь, с этим надо смириться: умение говорить и добиваться своих целей никак не связано с человеческими и с политическими убеждениями. Многие кровавые диктаторы были великолепными риториками, умели зажигать аудиторию и манипулировать ею, и их коммуникативные стратегии и приемы надо изучать как образцы ораторского искусства. Что же касается научности, то если мы четко очертим границы политического дискурса, то добьемся своего. Разговор станет более научным, но, скорее всего, менее интересным. Как тут не вспомнить французского лингвиста Патрика Серьо, который изучал выступления Брежнева, в том числе формальными методами. Результаты получились строгие и с научной точки зрения вполне значимые, но никакой широкой общественной дискуссии не спровоцировали.

В общем, все упирается в то, что следует и что нам интересно называть политическим дискурсом. Политический дискурс – это стихия речи, множество устных и письменных текстов, связанных с политикой. Но нас интересует не только дискурс, но и особый язык, с помощью которого этот дискурс порождается. В частности, особый интерес представляет лексика этого языка: отдельные слова, словосочетания и даже фразы, выражающие специфические смыслы.

Вот, например: “суверенная демократия”. Безусловно, это прием из области политического дискурса. Считается, что это словосочетание придумал В. Сурков, и это типичный пример того, как власть с помощью языка пытается манипулировать народом. Правда, в данном конкретном случае – неудачно, но ведь и это тоже любопытно. То есть любопытно, почему власть не достигает в этой ситуации успеха.

А вот другой пример: речевые портреты политиков. Здесь в качестве материала могут привлекаться не только официальные выступления, но и высказывания в неофициальной ситуации, экспромты, в том числе ответы журналистам и многое другое. Могут ли так называемые “путинизмы” или “черномырдинки” служить примерами политического дискурса? “Хотели как лучше, а получилось как всегда”. Без этого невольного афоризма Черномырдина мы уже не обойдемся, он вошел в канон крылатых фраз. Но относится ли он к политическому дискурсу, вот в чем вопрос.

⁵³ Глава впервые включена в состав книги.

Или уже совсем про другое. *Колорады, ватники, укропы* и прочие слова ненависти, появившиеся совсем недавно в конфликтных дискуссиях об Украине. Это не власть и ее конкретные представители говорят с нами, это мы сами создаем особый язык ненависти, говоря о политических событиях и обзывая (лучше слова не подберешь) своих идеологических противников. Разве это не политический дискурс?

Получается, что нам самим интересно максимально расширять это понятие, распространяя его на любую коммуникацию, которая так или иначе связана с политикой.

Из этого я и буду исходить в данном тексте (а вовсе не из соображений научной строгости), а именно – рассмотрю, с одной стороны, фундаментальную и довольно абстрактную проблему, а с другой стороны, очень конкретные отношения конкретного политика и небольшой, не вполне определенной, но очень важной части народа.

Начну я с новояза, который считается эталонным, или даже идеальным, инструментом политического дискурса. Недаром он пришел к нам из мира антиутопии.

Извините за новояз

В 1949 году вышел роман-антиутопия Джорджа Оруэлла „1984“, в котором автор ввел словечко *newspeak*, хоть и не с первого раза, но переведенное на русский язык как *новояз*. В самом первом и малоизвестном сейчас переводе, вышедшем в Германии в 1950-х, фигурировала *новоречь*. Слово *новояз* стало особенно популярно в 90-е годы 20 века после публикации перевода Виктора Голышева в “Новом мире” (1989), но за это короткое время успело сильно удалиться в своем значении от первоисточника. Собственно, сегодня в речи новоязом называют все, что отклоняется от литературной нормы, то есть неправильное и не слишком престижное: жаргоны, просторечие, неологизмы и т. п. Часто в речи это сопровождается извинением: “начала выделяться, сорри за новояз”, “экстрасенсство, извините за новояз”, “желаем вам творческого, извините за новояз, драйва” (реальные фрагменты текстов в интернете). В общем, новояз воспринимается как своего рода порча стандартного языка, за что и приходится извиняться.

Однако в самом начале, уже оторвавшись от антиутопии, слово *новояз* использовалось значительно более узко – по отношению к так называемому “советскому” языку, который был, с одной стороны, образцом для новояза, а с другой – реальным примером существования идеального языка. Для Оруэлла Советский Союз и Германия Третьего рейха, а также русский и немецкий языки того периода были своего рода натурой, с которой он списывал и государство в целом, и конкретно – новояз. И именно к немецкому языку Третьего рейха (о котором мы знаем по книге Виктора Клемперера “LT1”) и к “советскому” языку было естественно применить новое слово, название идеального тоталитарного языка. И вот тут-то возникает неожиданная проблема. Автор романа придумал убедительнейший язык для своей антиутопии, причем он был настолько важен для него, что Оруэлл написал специальное приложение о нем, назвав его “Принципы новояза” (в переводе Голышева – “О новоязе”). Описание принципов и устройства новояза оказывается отдельным произведением искусства, очень убедительным, но...

Но, увы, не имеющим отношения к нашей советской реальности.

Чтобы показать это, выделю, вслед за Оруэллом, некоторые принципы:

Новояз находится в динамическом состоянии, но должен прийти в статическое. В 1984 году – времени действия романа – новояз не был окончательно сформирован и использовался эпизодически. Лишь к 2050 году было намечено вытеснение старояза новоязом.

Новояз должен был не только обеспечить правильное мировоззрение и мыслительную деятельность, но и сделать невозможными любые иные течения мысли. Это достигалось исклю-

чением из лексикона нежелательных слов и очищением оставшихся от неортодоксальных значений.

Помимо отмены неортодоксальных смыслов, сокращение словаря рассматривалось как самоцель, поскольку чем меньше выбор слов, тем меньше искушение задуматься.

Новояз имеет три словаря и общие грамматические правила. Словарь А содержит только слова, необходимые в повседневной жизни, и непригоден для литературных целей и философских рассуждений. Словарь В содержит специально сконструированные слова для политических нужд с очень абстрактным и неопределенным значением, но с ярко выраженной оценкой. В нем нет ни одного идеологически нейтрального слова. Словарь С является вспомогательным и состоит исключительно из научных и технических терминов. Грамматика новояза абсолютно регулярна. Любое слово в языке могло породить гнездо, и в принципе это относилось даже к самым отвлеченным, как, например, *если: еслить, есленно* и т. д. Для любого слова могло быть построено отрицание: например, *нелицо* и *недонос*.

В первом пункте речь идет о рассчитанной на десятки лет программе строительства языка. Термин “языковое строительство” активно использовался в советское время, однако под ним подразумевались несколько иные процессы. По существу, о новоязе как ключевом конструкте в антиутопии можно сказать следующее. Во-первых, над новоязом ведется постоянная и последовательная системная работа. Во-вторых, сам новояз – это полная и самодостаточная система, а в окончательной форме, то есть в 2050 году, еще и статичная: далее он меняться не должен. Иначе говоря, можно говорить о системной программе создания новой статичной и регулярной (см. четвертый пункт) системы. Понятно, что Оруэлл в романе эту систему в полном виде не демонстрирует, а приводит только отдельные иллюстрации типа *ангсоц, злосекс* или *радлаг*, а также “Свобода – это рабство” или “Война – это мир”. Тем не менее в романе подразумевается, что новояз существует как “полноценный” язык.

Ничего подобного с русским языком в советский период, естественно, не происходило и происходить не могло. Во-первых, не существовало программы создания “нового русского”, который должен был бы заменить “старый”. Во-вторых, регулярность и статичность – это свойства “мертвого”, искусственного языка. Идея регулярности становилась основной для грамматик многих искусственных языков, однако те из них, которые были востребованы, в процессе употребления и развития эту регулярность теряли.

Поскольку замена старояза на новояз не предусматривалась, то не возникало плана сделать невозможными любые иные течения мысли, используя при этом исключительно лингвистические средства. Высказывания преследовались, наказывались, их авторы подвергались репрессиям, но все же в языковом отношении они были возможны. Реальный новояз был не средством ограничения мысли вообще, а набором приемов, способов конструирования специфических “советских” текстов, используемых в публичном коммуникативном пространстве. Вообще, принципиально, что сферой применения советского новояза было именно публичное пространство, хотя надо признать, что граница между публичным и обычным коммуникативным пространством иногда оказывалась условной.

Чрезвычайно отчетливо описывает переход между этими пространствами и возникшую коллизию между двумя языками – обыденным и новоязом – А. Яшин в знаменитом и некогда подвергшемся сильной критике рассказе “Рычаги” (опубликован в 1956 году во втором томе “Литературной Москвы”). Колхозники, собравшись в правлении колхоза, беседуют о том о сем. Но в какой-то момент один из них, секретарь парторганизации, объявляет собрание открытым. “Борода его расправилась, удлинилась, глаза посуровели”, “сухим, строгим и словно бы заговорщицким голосом” он произносит: “Начнем, товарищи! Все в сборе?” Далее Яшин описывает чрезвычайно важный механизм перехода в другое пространство, в том числе и языковое:

“Сказал он это и будто щелкнул выключателем какого-то чудодейственного механизма: все в избе начало преобразаться до неузнаваемости – люди, и вещи, и, кажется, даже воздух”.

Поскольку не было общей программы создания новояза, новоязом считают и называют различные нововведения советской эпохи – от лозунгов и названий пятилеток до канцелярита, от идеологической лексики до сложных синтаксических конструкций, от обращений *товарищ* и *гражданин* до аббревиатур. Что-то было вброшено в русский язык сознательно, что-то появилось в результате действия определенных тенденций. Но, как ни странно, все было живым, то есть изменчивым, как ни трудно представить себе определение “живой” по отношению к канцеляриту. Даже аббревиатуры в качестве названий обновлялись. Достаточно вспомнить цепочку из названий для самого страшного карательного органа СССР: ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ, КГБ...

Понятно, что и функции у этих разнообразных явлений были очень разными. Распространение слова *новояз* на все это разнообразие привело к утрате важных смыслов. Для оруэлловского новояза важнее всего манипулятивность и ограничение мысли, что, в частности, хорошо реализуется в советских лозунгах, а, например, для канцелярита и сложного синтаксиса партийных речей важнее оказывается непонятность, затемнение смысла. Эта смысловая неустойчивость, по-видимому, привела к еще большему разнообразию смыслов и употреблений слова *новояз*, которые мы видим сейчас. Сегодня оно охватывает все то, о чем я писал выше: и классические манипулятивные приемы новояза типа “суверенной демократии”, к которым применимо и еще одно оруэлловское понятие – двоемыслие, и речевые приемы и привычки конкретных политиков, и даже слова ненависти *укроп* с *ватником*. Новояз был придуман как идеальный инструмент политического дискурса, предназначенный для манипуляции людьми и воздействия на их мысли, но в реальности воплотился в набор разнообразнейших приемов и речевых механизмов, отчасти соответствующих понятию политического дискурса в широком смысле слова, отчасти даже выходящих за его пределы.

Может ли в таком случае существовать новояз, так сказать, индивидуального пользования? Можно ли расширить это понятие и применить его к особенностям речи (и сознательным, и бессознательным) одного политика? Со строгой научной точки зрения, пожалуй, нет. А если подойти нестрого, то нет ничего интереснее в этой области, чем рисовать речевые портреты политиков.

Новояз – несостоявшийся диалог

Диалог власти с народом может протекать в разных формах. Иногда они настолько разнообразны, что и диалогом-то это назвать сложно. Но факт коммуникации налицо. Надо помнить, что власть – это отдельные люди, политики, их много и они разговаривают по-разному.

После перестройки шел активный поиск нового языка для разговора с народом, просто потому что старый уже не работал. Политический язык принципиально изменился, когда Михаил Сергеевич Горбачев отказался от чтения заранее заготовленных выступлений и начал импровизировать. Сразу оказалось, что наши политические деятели не умеют говорить. Спонтанную речь Горбачева и Ельцина еще предстоит изучать, но очевидно, что с точки зрения ораторского искусства она не выдерживает критики. Пожалуй, только об одном представителе “старой школы” стоит сказать особо.

Речь Виктора Степановича Черномырдина – явление совершенно уникальное. При кажущемся косноязычии он регулярно порождал глубокие афоризмы. Эти афоризмы получили даже особое название – “черномырдинки”. Самая главная его фраза – это, конечно же, “хотели как лучше, а получилось, как всегда”. Она стала столь популярной, потому что необычайно точно отражает даже не принцип, а взгляд на устройство российской жизни и российских соци-

альных процессов. За этим “как всегда” скрывается не злая воля, воровство и мздоимство, а фатум, сводящий на нет все благие намерения.

У Черномырдина есть много фраз, основанных вроде бы на парадоксах, которые в действительности выражают интересную и глубокую мысль. Вот еще одно известное высказывание, на этот раз про кризис: “Сроду в России такого не было, и вот опять”. Парадокс заложен в слове *опять*, которое имеет значение повтора, что противоречит утверждению “никогда не было” в первой части. Однако вместо бессмыслицы возникает ощущение глубокой мысли. Все так думали, но не говорили, и политик проговаривает потаенное, или просто проговаривается, что очень похоже на явление двоемыслия, введенного Оруэллом, как совмещение несовместимого.

Кроме Черномырдина создателем особого жанра высказываний, получившего собственное название, стал и Владимир Владимирович Путин. Но его “путинизмы” являются не афоризмами, а скорее иллюстрацией одного и того же стилистического приема – снижения. На фоне абсолютно грамотной, правильной речи, а это особенность политиков новых поколений, вдруг возникают вставки типа “мочить в сортире” – иногда сленг или просторечные выражения, иногда прямая грубость. Фон и сниженные фрагменты взаимодействуют, возникает сильный стилистический эффект. Этим привлекается внимание слушателей, они ждут этого приема и хорошо запоминают отдельные фразы. К одному из таких случаев я и обращаюсь.

15 декабря 2011 года после первых протестных митингов (10 декабря прошел митинг на Болотной площади в Москве) в Гостином Дворе премьер-министр Владимир Путин провел прямую линию со страной, где, в частности, сказал о новом символе протестного движения, белых ленточках, следующее:

Если говорить откровенно, я, когда увидел на экране нечто такое у некоторых на груди, честно вам скажу, неприлично, но, тем не менее, я решил, что это пропаганда борьбы со СПИДом, что это такие, пардон, контрацептивы повесили. Думаю, зачем развернули только, непонятно. Но потом присмотрелся – вроде нет.

Кроме того, была произнесена запомнившаяся надолго фраза: *Идите ко мне, бандерлоги*. Ее более широкий контекст таков. Путин сказал:

Есть, конечно, люди, которые имеют паспорт гражданина РФ, но действуют в интересах иностранного государства и на иностранные деньги. С ними тоже будем стараться наладить контакт. Часто это бесполезно и невозможно. Что можно сказать в этом случае? Можно сказать: “Идите ко мне, бандерлоги”.

И добавил:

С детства люблю Киплинга.

Понятно, к кому обращены, хоть и не прямо, эти слова. Прежде всего к тем, кто вышел на декабрьские митинги, хотя, конечно, не только к ним (но и ко всему народу с тем, чтобы обозначить собственное отношение к митингам). Проблема в том, что ни будучи премьер-министром, ни потом, будучи уже президентом, Путин не вступил в прямой диалог с этими людьми. Да эти фразы и не инициируют прямой диалог. Для потенциального адресата они унизительны, и поэтому диалог скорее исключают, чем подразумевают.

Чем унизительно сравнение символа с контрацептивами, объяснять не надо, все и так понятно. Это прием снижения в чистом виде. Интересно, что этот же прием использовался для унижения другого символа – Георгиевской ленты, которую сравнили на основании расцветки

с колорадским жуком. Отсюда сначала – *колорадская лента*, а потом и *колорады* как люди, использующие этот символ. Ситуации и стороны меняются, а приемы, естественно, повторяются.

А вот про механизм унижения с помощью *бандерлогов* стоит сказать чуть подробнее. Названия животных – постоянный источник метафорических названий человека. В последнее время появилось несколько новых “звериных” переносов, подразумевающих неразличимость и безгласность, а порой и бессмысленность человеческой массы. Мы уже привыкли к *офисному планктону*. 2010 год порадовал нас *хорьками* – словом, которое породил на митинге так называемый “жемчужный прапорщик”. *Хорьки*, впрочем, как мы знаем, взбунтовались. То же самое произошло и с *сетевыми хомячками*. В известной интернет-энциклопедии “Луркоморье” статья о них начинается так: “Хомячки (изначально *лемминги*, в честь одноименных грызунов, имеющих обыкновение перемещаться толпой и дружно падать с обрывов) – доверчивая и легко манипулируемая часть населения”. Там же они характеризуются такими фразами: “Куда катится мир?”, “Как страшно стало жить!”. Но многое меняется, когда Алексей Навальный признается: “Я – ‘сетевой хомячок’” и грозит перегрызть глотку врагам. В 2012 году цепочка “звериных” метафор пополняется еще одной. Юлия Латынина сравнивает митингующих с анчоусами, однако на этот раз речь идет о митингах в поддержку Путина:

Должна сказать, что когда я ехала мимо Поклонной, то гигантские вереницы иногородних автобусов, в которых людей свозили на путинг, как раз напомнили мне бочки с анчоусами, заготовленные директорами госпредприятий в подмосковных городах, в которых собственных митингов именно поэтому не было.

Вернемся к декабрю 2011 года. Несмотря на то, что прямой ответ на слова Путина вроде бы не требовался, ответные реплики не заставили себя ждать. Ими стали многочисленные лозунги (слоганы), появившиеся в том числе на ближайшем митинге 24 декабря 2011 года на проспекте Сахарова в Москве.

Вот некоторые из них, наиболее легко цитируемые:

Пу, уходи!

В. В. П. Спасибо за работу и до свидания!

ВВП, и за что вы нас так долго любите?

Нет, нет, Владимир Владимирович, и не уговаривайте!

Эх, Вова, нам с тобой хреново.

Путин Владимир, прощай и прости! За это мы выпьем лонг-айленд айс-ти.

Мы пришли к тебе, Пуу!

Часть из них, как хорошо видно, это, по существу, ответы на фразу “Идите ко мне, бандерлоги”. Много слоганов затрагивало и проблему контрацептивов, в частности, использовалось фонетическое сходство слов *презерватив* и *президент*. По образцу *Каа*, удава, который в сказке Киплинга мог бы произнести подобную фразу, было построено новое прозвище *Пу* или *Пуу*. Следует отметить, что и эти слоганы-реплики не подразумевают продолжения диалога, а также скорее закрывают его. И снова у этих реплик расщепленный адрес. Это и сегодняшний президент, и массовый зритель.

Налицо чрезвычайно интересная ситуация. Имеет место насыщенная смыслами многосторонняя коммуникация, но при этом нет диалога. Можно, конечно, называть это непрямым диалогом, но важно понимать, что каждая его реплика как бы последняя, завершающая разговор.

Уже в процессе написания этой статьи я наткнулся на любопытный текст в Фейсбуке (автор Мика Великовский), где приводятся цитаты из недавних высказываний Путина:

А что, интересно, у Путина с интеллигенцией случилось?

Вот три недавних цитаты:

“Уникальный проходимец. Он даже нашего олигарха Абрамовича надул два или три года назад. Как говорят у нас в кругах просвещенной интеллигенции, ‘кинул’” (04.03.2014).

“Пока все санкции сводятся к тому, чтобы выбрать из моего личного окружения близких мне людей, моих друзей и их, как у нас в кругах интеллигенции говорят, ‘уконтрапупить’ как следует” (23.05.2014).

“А по поводу иностранных инвестиций создавать условия: и иностранным, и нашим давать сигнал, что в России не обманывают – как говорят в кругах интеллигенции, ‘не кидают’” (14.08.2014).

Совершенно очевидно, что ни глагол *кидать* в соответствующем значении, ни, по-видимому, глагол *уконтрапупить* (хотя последнее не столь очевидно) не являются четкой речевой приметой “просвещенной интеллигенции”. Путин не может этого не понимать, а значит, используется еще один речевой прием – ирония. Здесь появляется скрытый адресат, который то ли равен, то ли нет выходящим на митинги. Совершенно понятно, что строго определить адресата-мишень невозможно. Однако точно видно, что коммуникация (по-прежнему без прямого диалога) еще продолжается.

Еще одна недавняя и уж совсем непрямая реплика возникла вроде бы по совсем другому поводу. Я имею в виду одну из лучших речей Путина, названную “Обращением Президента Российской Федерации” и произнесенную 18 марта 2014 года в связи с присоединением Крыма. Эта речь – безусловное произведение ораторского искусства, ее следует анализировать и с точки зрения структуры, и стиля, и коммуникативных стратегий, но сейчас речь не об этом. Большая часть речи содержит обращения к разным группам – и их оценки – как вне, так и внутри России, к народам и правительствам.

Уже ближе к концу речи звучит фраза:

Мы явно столкнемся и с внешним противодействием, но мы должны для себя решить, готовы ли мы последовательно отстаивать свои национальные интересы или будем вечно их сдавать, отступать неизвестно куда. Некоторые западные политики уже страшат нас не только санкциями, но и перспективой обострения внутренних проблем. Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некоей пятой колонны – разного рода “национал-предателей” – или рассчитывают, что смогут ухудшить социально-экономическое положение России и тем самым спровоцировать недовольство людей?

Здесь уже нет даже намека на коммуникацию с несогласными, зато возникают их характеристики: *пятая колонна* и *национал-предатели*. В отличие от *бандерлогов* они не заслуживают даже обращения, и это, безусловно, новый прием, свидетельствующий об ужесточении риторики, а по существу – об окончательном закрытии диалога. Да, пожалуй, и коммуникации тоже.

В строгом (оруэлловском) смысле все эти примеры не относятся к новоязу. Но в новом расширительном значении этого слова оно применимо ко многим перечисленным здесь приемам. Правда, новояз – это язык, инструмент, а мы все больше обсуждаем политический дискурс, создаваемый языком, и даже шире – политическую коммуникацию, но и здесь возникают удивительные параллели с великим романом. Только параллели эти надо искать не на уровне обсуждаемых понятий, а на уровне целеполагания.

Итак, кажется, что мы еще больше расширяем понятие новояза и еще дальше уходим от Оруэлла. Но процитирую роман:

От других языков новояз отличался тем, что словарь его с каждым годом не увеличивался, а уменьшался. Каждое сокращение было успехом, ибо чем меньше выбор слов, тем меньше искушение задуматься⁵⁴.

Это, конечно, снова антиутопия. В реальности происходит нечто другое, хотя и сходное по результатам, или точнее – по цели. Сокращается не язык – он-то как раз расширяется, ограничивается не мысль или мышление. Сокращается коммуникация, общение между властью и обществом, ограничивается возможность общественного диалога, обмена мыслями.

⁵⁴ Перевод В. Голышева.

Послесловие

Я писал эту книжку не потому, что русский язык находится на грани нервного срыва. Переживаем и нервничаем мы сами, и, наверное, это правильно. Только не надо переходить ту самую грань. Слухи о скорой смерти русского языка сильно преувеличены.

И все-таки о русском языке надо беспокоиться. Его надо любить. О нем надо спорить. Но главное – на нем надо говорить, писать и читать. Чего я всем и желаю.

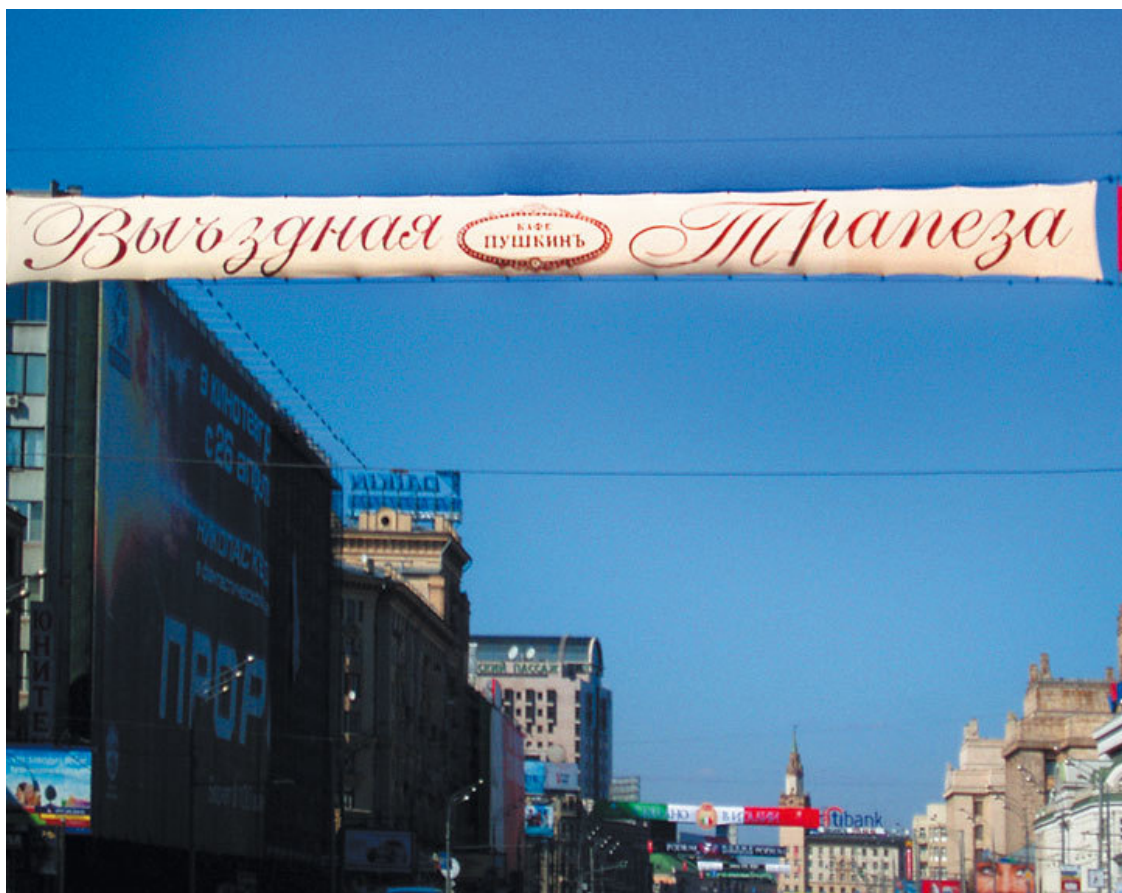
Вкладка

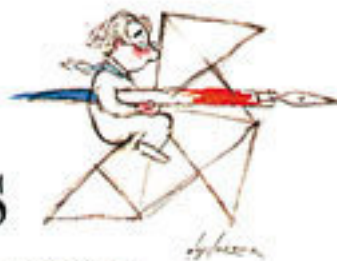

Bernard
Pivot

100
mots
à sauver

■ Albin Michel

ТОЖЕ НА ВЫБОР

100% ПОД НАЗЫ

аерсче mode **милошевич** золото бунга,
иран уран **гай германика**, жесть **бумер-2**
март ангел-а, клуб «**дягилев**», свадьба аясу,
смерть лема, **онищенко**, мохнатый лобстер,
султанна французова, **ikra**
горбатая гора **солнечное затмение**.

мамонт-опоссум, boot camp **духless**
евангелие от иуды **грабовой арестован**
моррисси, **adicolor**, возможность острова,
апрель захар прилепин, **гус хиддинк**,
финская полька **нефтепровод на байкале**,
это нормально.

1 Кто такой главный редактор «Литературной газеты»? Это человек, который отвечает за содержание и качество издания. Он должен быть грамотным, творческим и ответственным. В «Литературной газете» это человек, который знает, что такое литература и кто такие писатели.

2 В каком районе Москвы находится дом-музей писателя? Дом-музей писателя находится в районе Мещеряковское. Это дом, в котором жил и работал писатель. Здесь хранятся его вещи, рукописи, фотографии и другие предметы, связанные с его жизнью и творчеством.

3 Кто такой писатель? Писатель — это человек, который создает художественные произведения. Он может писать романы, рассказы, пьесы, стихи и другие произведения. Писатель должен обладать талантом, фантазией и любовью к своему делу.

4 Кто такой журналист? Журналист — это человек, который собирает, обрабатывает и публикует информацию. Он должен быть объективным, честным и ответственным. Журналист должен следить за актуальностью информации и ее достоверностью.

5 Кто такой критик? Критик — это человек, который анализирует и оценивает произведения искусства. Он должен обладать глубокими знаниями в области искусства и культуры. Критик должен быть объективным и непредвзятым.

6 Кто такой издатель? Издатель — это человек, который отвечает за выпуск и распространение печатных изданий. Он должен обладать организаторскими способностями и финансовыми ресурсами. Издатель должен следить за качеством издания и его своевременным выходом.

7 Кто такой читатель? Читатель — это человек, который читает произведения искусства. Он должен обладать интересом к литературе и культуре. Читатель должен уметь анализировать и оценивать произведения.

8 Кто такой писатель-исследователь? Писатель-исследователь — это человек, который сочетает в себе функции писателя и исследователя. Он должен обладать как творческими, так и научными способностями. Писатель-исследователь должен уметь находить новые подходы к изучению литературы и культуры.

9 Кто такой литературовед? Литературовед — это человек, который занимается научным изучением литературы. Он должен обладать глубокими знаниями в области истории, теории и эстетики литературы. Литературовед должен уметь анализировать и интерпретировать литературные произведения.

10 Кто такой литературный критик? Литературный критик — это человек, который занимается оценкой и анализом литературных произведений. Он должен обладать хорошими знаниями в области литературы и культуры. Литературный критик должен быть объективным и непредвзятым.

11 Кто такой литературный редактор? Литературный редактор — это человек, который отвечает за подготовку произведений к печати. Он должен обладать хорошими знаниями в области грамматики, стилистики и литературы. Литературный редактор должен уметь находить и исправлять ошибки в тексте.

12 Кто такой литературный агент? Литературный агент — это человек, который помогает писателям в продвижении их произведений. Он должен обладать хорошими связями в литературной среде и уметь находить потенциальных издателей и читателей. Литературный агент должен уметь отстаивать интересы писателя.

13 Кто такой литературный переводчик? Литературный переводчик — это человек, который переводит произведения с одного языка на другой. Он должен обладать глубокими знаниями в обоих языках и уметь передавать смысл и стиль оригинала. Литературный переводчик должен быть творческим и ответственным.

1 Кто такой писатель? Писатель — это человек, который создает художественные произведения. Он может писать романы, рассказы, пьесы, стихи и другие произведения. Писатель должен обладать талантом, фантазией и любовью к своему делу.

2 В каком районе Москвы находится дом-музей писателя? Дом-музей писателя находится в районе Мещеряковское. Это дом, в котором жил и работал писатель. Здесь хранятся его вещи, рукописи, фотографии и другие предметы, связанные с его жизнью и творчеством.

3 Кто такой журналист? Журналист — это человек, который собирает, обрабатывает и публикует информацию. Он должен быть объективным, честным и ответственным. Журналист должен следить за актуальностью информации и ее достоверностью.

4 Кто такой критик? Критик — это человек, который анализирует и оценивает произведения искусства. Он должен обладать глубокими знаниями в области искусства и культуры. Критик должен быть объективным и непредвзятым.

5 Кто такой издатель? Издатель — это человек, который отвечает за выпуск и распространение печатных изданий. Он должен обладать организаторскими способностями и финансовыми ресурсами. Издатель должен следить за качеством издания и его своевременным выходом.

6 Кто такой читатель? Читатель — это человек, который читает произведения искусства. Он должен обладать интересом к литературе и культуре. Читатель должен уметь анализировать и оценивать произведения.

7 Кто такой писатель-исследователь? Писатель-исследователь — это человек, который сочетает в себе функции писателя и исследователя. Он должен обладать как творческими, так и научными способностями. Писатель-исследователь должен уметь находить новые подходы к изучению литературы и культуры.

8 Кто такой литературовед? Литературовед — это человек, который занимается научным изучением литературы. Он должен обладать глубокими знаниями в области истории, теории и эстетики литературы. Литературовед должен уметь анализировать и интерпретировать литературные произведения.

9 Кто такой литературный критик? Литературный критик — это человек, который занимается оценкой и анализом литературных произведений. Он должен обладать хорошими знаниями в области литературы и культуры. Литературный критик должен быть объективным и непредвзятым.

10 Кто такой литературный редактор? Литературный редактор — это человек, который отвечает за подготовку произведений к печати. Он должен обладать хорошими знаниями в области грамматики, стилистики и литературы. Литературный редактор должен уметь находить и исправлять ошибки в тексте.

11 Кто такой литературный агент? Литературный агент — это человек, который помогает писателям в продвижении их произведений. Он должен обладать хорошими связями в литературной среде и уметь находить потенциальных издателей и читателей. Литературный агент должен уметь отстаивать интересы писателя.

12 Кто такой литературный переводчик? Литературный переводчик — это человек, который переводит произведения с одного языка на другой. Он должен обладать глубокими знаниями в обоих языках и уметь передавать смысл и стиль оригинала. Литературный переводчик должен быть творческим и ответственным.

13 Кто такой писатель-исследователь? Писатель-исследователь — это человек, который сочетает в себе функции писателя и исследователя. Он должен обладать как творческими, так и научными способностями. Писатель-исследователь должен уметь находить новые подходы к изучению литературы и культуры.

14 Кто такой литературовед? Литературовед — это человек, который занимается научным изучением литературы. Он должен обладать глубокими знаниями в области истории, теории и эстетики литературы. Литературовед должен уметь анализировать и интерпретировать литературные произведения.

15 Кто такой литературный критик? Литературный критик — это человек, который занимается оценкой и анализом литературных произведений. Он должен обладать хорошими знаниями в области литературы и культуры. Литературный критик должен быть объективным и непредвзятым.

16 Кто такой литературный редактор? Литературный редактор — это человек, который отвечает за подготовку произведений к печати. Он должен обладать хорошими знаниями в области грамматики, стилистики и литературы. Литературный редактор должен уметь находить и исправлять ошибки в тексте.

17 Кто такой литературный агент? Литературный агент — это человек, который помогает писателям в продвижении их произведений. Он должен обладать хорошими связями в литературной среде и уметь находить потенциальных издателей и читателей. Литературный агент должен уметь отстаивать интересы писателя.

18 Кто такой литературный переводчик? Литературный переводчик — это человек, который переводит произведения с одного языка на другой. Он должен обладать глубокими знаниями в обоих языках и уметь передавать смысл и стиль оригинала. Литературный переводчик должен быть творческим и ответственным.

19 Кто такой писатель-исследователь? Писатель-исследователь — это человек, который сочетает в себе функции писателя и исследователя. Он должен обладать как творческими, так и научными способностями. Писатель-исследователь должен уметь находить новые подходы к изучению литературы и культуры.

20 Кто такой литературовед? Литературовед — это человек, который занимается научным изучением литературы. Он должен обладать глубокими знаниями в области истории, теории и эстетики литературы. Литературовед должен уметь анализировать и интерпретировать литературные произведения.

21 Кто такой литературный критик? Литературный критик — это человек, который занимается оценкой и анализом литературных произведений. Он должен обладать хорошими знаниями в области литературы и культуры. Литературный критик должен быть объективным и непредвзятым.

22 Кто такой литературный редактор? Литературный редактор — это человек, который отвечает за подготовку произведений к печати. Он должен обладать хорошими знаниями в области грамматики, стилистики и литературы. Литературный редактор должен уметь находить и исправлять ошибки в тексте.

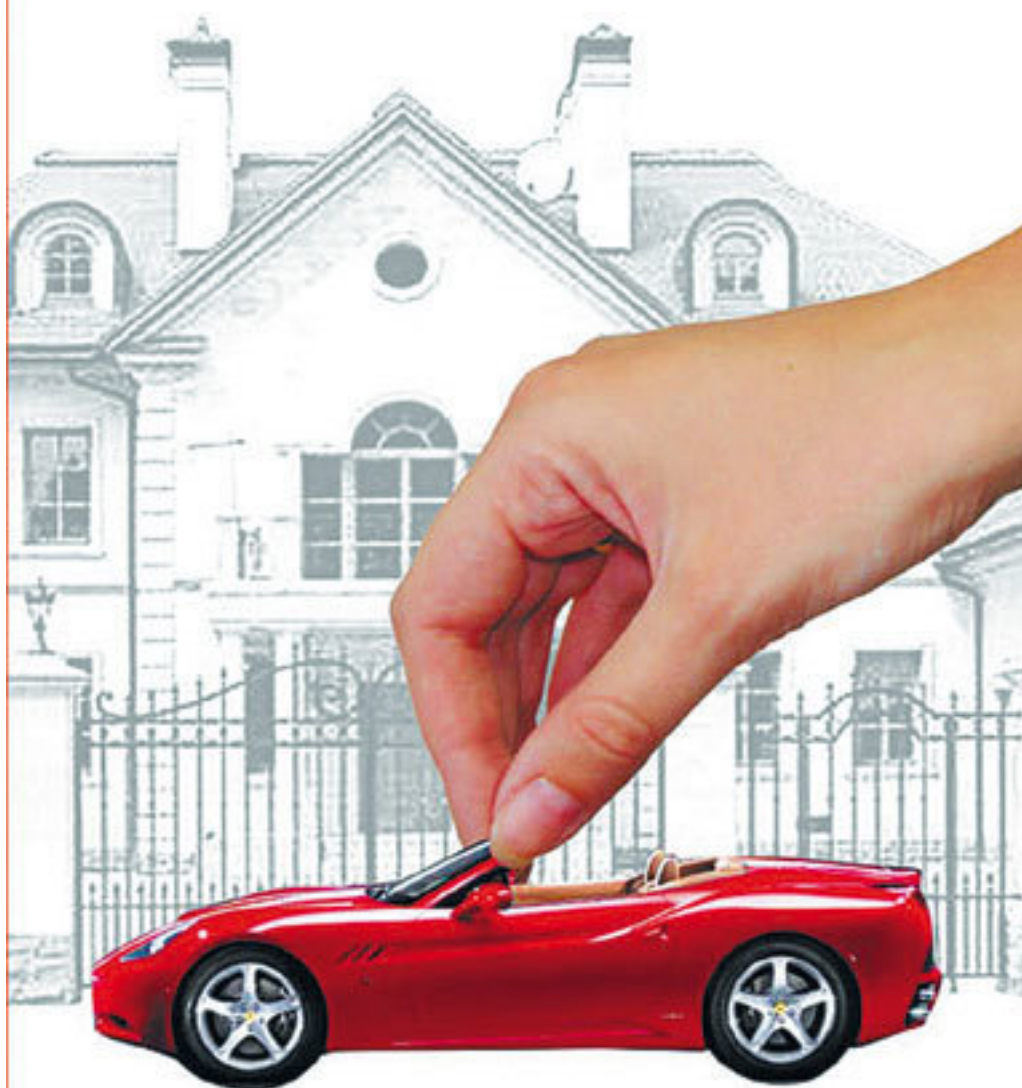

ОКсана Робски

CASUAL

повседневное

ОКсана Робски

ПРО ЛЮБОFF/ON

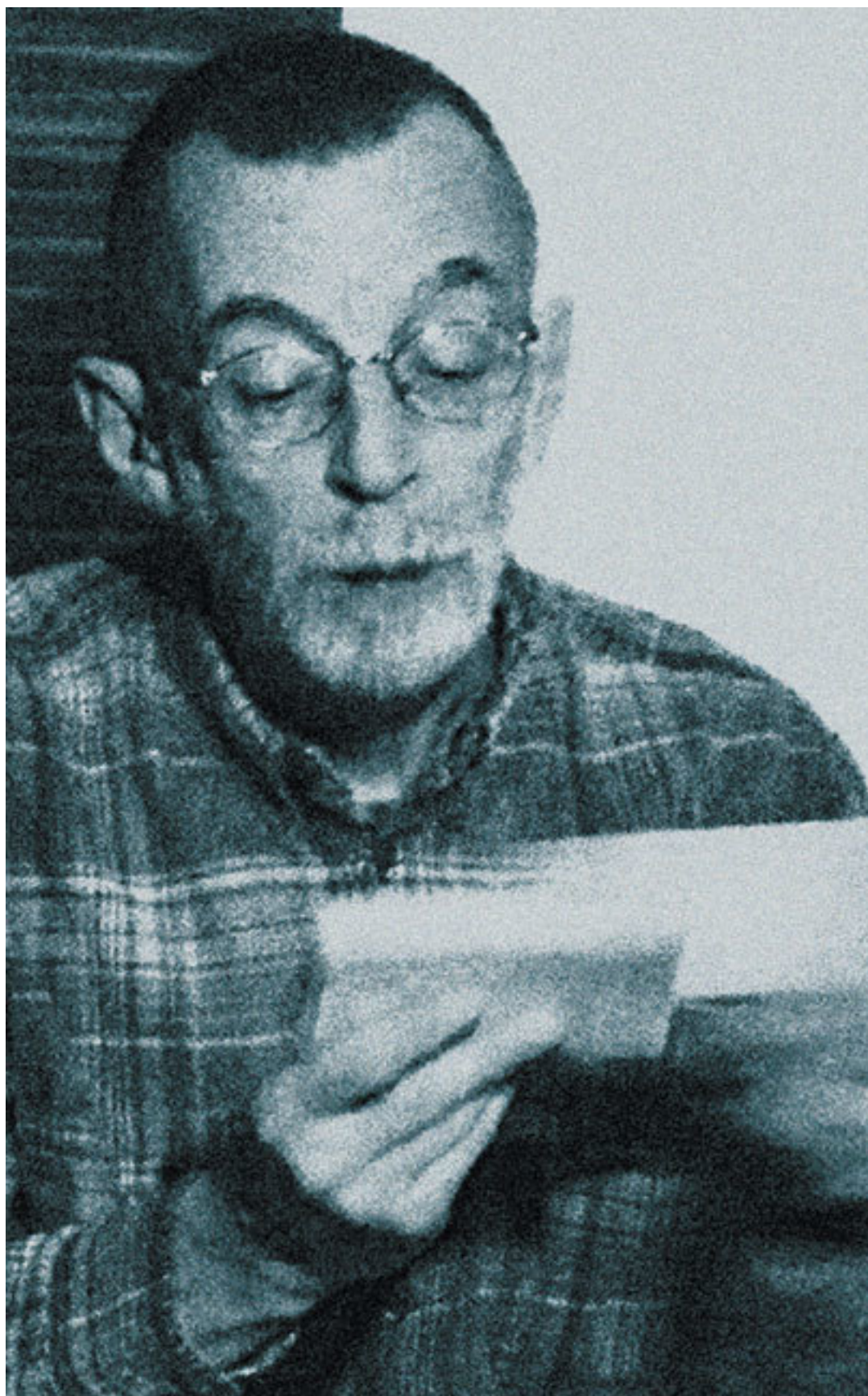

3

В данный момент нас интересует только
он — данный момент, а также всё, что с ним
связано.

8

Внимание!
Последует сообщение.

4

Связано с данным моментом, как мы по-
нимаем, многое.

9

Внимание!
Автор среди вас.

Автор.

7

Разве мы не отдаем себе отчета в том,
что попытка найти ритмообразующий фактор
данного момента есть процесс более чем
мучительный?
Но разве мы пожалеем усилий?

10

То обстоятельство, что Автор среди
нас, придает данному моменту особый смысл

